

Ю. С. Грачев

В Иродовой бездне

Воспоминания о пережитом

Книга вторая

Оглавление

Предисловие

Часть 3. ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ. 1931

Глава 1. Шиткинский узник

Глава 2. По каталажкам

Глава 3. Любовь отца и детей его

Глава 4. Есть ли Бог? Нужна ли Вера?

Глава 5. По дороге испытаний

Глава 6. Следствие

Глава 7. Тюремная страда

Глава 8. Снова следствие

Глава 9. Обвинение

Глава 10. В ожидании приговора

Глава 11. Прославить Бога

Глава 12. Университет жизни

Глава 13. Допросы

Глава 14. Делающий добро

Глава 15. Угрызение совести

Глава 16. В глубинах слова

Глава 17. Змеиная ночь

Глава 18. "Есть надежда"

Глава 19. "Не положено"

Глава 20. "Что делать с тобой?"

Глава 21. Забытый

Глава 22. Приговор

Глава 23. Общая камера

Глава 24. Этап

Глава 25. Мариинский распрел

Часть 4. ДНИ СКОРБИ. 1931 - 1934

Глава 1. Тайга

Глава 2. В этапе

Глава 3. Прокопьевск

Глава 4. Брат

Глава 5. Могильщик

Глава 6. Лютеране

Глава 7. Труд, голод, холод

Глава 8. Монах

Глава 9. Брат-кузнец

Глава 10. Сосковец

Глава 11. Первые работы

Глава 12. Мать

Глава 13. Жизненное призвание

Глава 14. Медтехник

Глава 15. Первое мая

Глава 16. Адвентист

Глава 17. Толстовцы

[Глава 18. Целят и обесценивают](#)
[Глава 19. Канал построен](#)
[Глава 20. На Кольском полуострове](#)
[Глава 21. Старый врач](#)
[Глава 22. Целебная грязь](#)
[Глава 23. Кому служить?](#)
[Глава 24. Братские общения](#)
[Глава 25. Брат-куряка](#)
[Глава 26. Нервы подвели](#)
[Глава 27. Освобождение](#)
[Глава 28. Самара. Волга](#)
[Глава 29. Встреча](#)

Предисловие

"Испытали... также узы и темницы"

Евр. 11,36

Во второй книге автор продолжает знакомить читателя с жизнью верующего молодого человека. Вы встретитесь слевой Смирнским, вступившим в девятнадцатый год своей жизни, а расстанетесь уже со взрослым, двадцатидвухлетним молодым человеком.

Герой этой книги жил и формировался, когда строилась послереволюционная Россия. Он, как и большая часть молодежи страны, родился в трудовой семье, учился в советской школе. Но в отличие от основной массы своих сверстников вырос в верующей семье 20-ые годы. На все юные души в эту пору в той или иной степени действовали влияния религиозные и антирелигиозные. Одни, вырастая, становились атеистами, а другие — верующими. Не было исключением и Лева: он сделал свой выбор, осознанно став христианином. Всю свою дальнейшую жизнь наш герой стремился поступать по Вечной Книге, с помощью которой еще в юности он нашел то, что и по прошествии многих лет осталось для него самой величайшей ценностью.

Пусть отрицающие Христа не скажут: какое мракобесие! Но терпеливо и беспристрастно постараются проанализировать все то, чем жил Лева. Ибо для него служение Христу определило его судьбу, сформировало его жизненные приоритеты. Всю жизнь левой двигало стремление помочь ближнему, неустанно творить добро.

Несколько слов о жанре книги. Он непривычен. С одной стороны, это художественный вымысел, и в этом смысле Лева Смирнский — типично художественный образ. С другой — для нее характерна некоторая степень автобиографичности. Не случайно ей дан подзаголовок — Воспоминания о пережитом. Это то дорогое, что хранится в сердце, когда в жизни уже все испытано, осмотрено. Когда человек, близясь к закату определяет, взвешивает все ценности и делает окончательные выводы о самом важном в жизни.

Книга адресована людям всех возрастов. Да благословит Бог каждого человека, раскрывающего эти страницы, получить для себя и окружающих полезные уроки и понять, что наше сознание определяется не только земным бытием, но и небесным бытием, которое, как чудное солнце, влияет на жизнь людей, стремящихся к свету и добру.

Ю. С. Грачев
Куйбышев, 1970 г.

Часть 3. ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ. 1931

Глава 1. Шиткинский узник

"...И се, Я с вами во все дни..."

Мтф. 28:20

— Когда мы тебя обыскивали, я думал, что непременно найду оружие, — сказал человек в черном полушубке, сурово глядя на Лева. — Разворачиваю твою подстилку, щупаю, да, действительно, что-то есть. Ну, думаю, нашел! Вытаскиваю... коробку зубного порошка.

Лева посмотрел на говорившего и улыбнулся:

— Оружие вы все-таки у меня нашли и отобрали. Но оно вам не опасно. Отдайте его мне.

— Какое оружие? — удивился человек в полушубке.

— Вы взяли у меня Библию, духовное оружие верующих, чтобы противостоять злу и греху.

— Ну, Библию мы тебе не отдадим. Все твои бумаги и книгу направим в следственный отдел — там разберутся.

Сейчас тебя увезут в село Шиткино: там уполномоченный ОГПУ, он разберется, кто ты, и если не преступник, то вернет тебе книги и отпустит на все четыре стороны.

Пришел час расставания с дорогим братом, который вез Лева к берегам Ангары. В пути они были вместе недолго, но уже крепко полюбили друг друга, как настоящие братья по Крови Христа.

— Лева, Лева, — вздыхал брат, обнимая арестованного, — чувствует мое сердце, большие скорби ждут тебя. Но ты не

унывай, не грусти, брат. Вот меня не арестовали вместе с тобой, а мне как-то грустно, хотя у меня семья. А так бы я поехал вместе с тобою. Но я тебе вот что скажу, Лева: Бог, в которого мы верим, Иисус Христос — Он пойдет с тобою. Он ни на минуточку не оставит тебя, верь, — поддержит, утешит, защитит;

— Верю, верю, — сказал в ответ Лева.

Подали подводу. Вооруженный охранник стал торопить Леву. Они сели в сани. Лошадь тронулась. Вдруг брат, грустно смотревший на отъезжающего, вновь бросился к нему, стал обнимать и что-то сунул ему в руки.

— Это хлеб, — сказал он громко. Конвоир на это не обратил внимания.

— А как же ты сам без него? — спросил Лева. — Ведь у тебя, я знаю, только одно это...

— Да, это самое дорогое, что я имел. Но я отдаю его тебе. Лева прижал к груди книгу. Это был Новый Завет карманного формата.

Бодро бежала лошадка. Взошедшее солнце золотило стволы вековых сосен. Морозный воздух, окружающая красота природы — все, казалось, бодрило, успокаивало. Лева чувствовал себя исключительно радостно. Ехал на страдание, в тюрьму, но в то же время какое-то особое чувство счастья наполняло душу. И причина тому — недавнее прощание с братом, его добрые слова ободрения, а главное — эта дорогая книга, которую пожертвовал ему брат. Все это говорило, что Лева окружен любовью Отца, Который готов помочь, поддержать во всем. "Везут к Шиткино, — думал Лева. — Интересно! Ведь в этой таежной деревне отбывал ссылку мой папа, и мне предстоит быть тоже в этом месте. Что хочет этим сказать Господь?"

Скрипели полозья саней по укатанной дороге. Возница подгонял лошадь. Поляны сменялись густой тайгой, но Лева словно не замечал окружающего. Он даже забыл, что арестант. Ему вспомнилось детство, родительский дом, любовь отца, матери... Да, он давно уже не видел материнской ласки, лишен всего домашнего. Но не сожаленье, не горе заполняют его душу. Он знал, что его родители давно уже передали его в распоряжение Отца Небесного, и этот Отец сильнее. Он более любящ, более заботлив, чем земной. Ведь в папе, в его любви к жизни отражался только частично Небесный Отец, а теперь он в руках этого Небесного великого Отца Бога, которого в массе своей люди не знают и не чтут. Поэтому-то они так несчастны, так злы. Поэтому одни взяли в узы многих, другие же сковали цепи для себе подобных.

Вот и Шиткино — небольшое село, расположенное в тайге. Совсем близко от села они переехали замерзшую речку, которую, как сказал возница, здесь называют Ана.

— Откуда такое странное название? — спросил Лева.

— Да говорят, что когда-то чалдоны, основывая эти таежные места, называли реки по-разному. Ну, и этой тоже дано несколько имен, но больше она известна как Ана. Подъезжают к речке, спрашивают: "Это Ана?" Поселившиеся тут отвечают: "Ана. Ана". Вот так и закрепилось за ней такое название.

В Шиткине уполномоченный ОПТУ, посмотрев документы Левы, отнесся к нему очень приветливо и дружески расспросил, куда и как он едет. "Какой хороший человек!" — подумал про себя Лева и подробно рассказал ему, что он верующий, ехал на берег Ангары, чтобы навестить знакомого ему верующего, который был сослан в эти места.

— В этом ничего плохого нет и задерживать вас нет оснований, — сказал уполномоченный. — Но все-таки я должен о вас навести справки. Я сделаю запрос о вас в Красноярский сектор ОГПУ.

Сердце у Левы екнуло: ведь сто как раз там ищут!

— Ну пока вы мне разрешите, дав подписку, ждать ответа из Красноярска здесь, в Шиткине? — спросил Лева уполномоченного.

— Ну зачем же? Мы представим вам лучшие условия, — произнес, улыбаясь, уполномоченный. Вы человек верующий, к мы направим вас в церковь. Молитесь там своему Богу и просите милости у Него.

Этот ответ уполномоченного был Леве непонятен, но, так или иначе, он поблагодарил уполномоченного. — Вам виднее, как лучше содержать меня, — сказал он представителю органов безопасности.

Действительно, стражник повел Леву к маленькой деревянной церквушке. Подойдя ближе к ней, Лева понял все... Церковь была огорожена колючей проволокой. У дверей стоял часовой. Церковь превратили в тюрьму. Дверь открылась, захлопнулась. Лева услышал звук задвигаемого засова и щелканье замка.

От внутреннего церковного убранства в православном храме ничего не осталось. На деревянном полу лежали двое. У двери стояла зловонная кадучка для оправления естественных надобностей. Когда Леву ввели, лежащие поднялись и подозвали его к себе.

— Коль устал, садись с нами рядом. Тут ни стульев, ни кроватей нет. Откуда? Кто ты? — спросил один из арестантов, пожилой бородатый старик.

Лева рассказал о себе.

— Значит, верующий, баптист, — сказал бородатый и, покачав головой, продолжил. — Сейчас сажают всех: и верующих, и неверующих, и богатых, и бедных, — ничего не поймешь...

Другой оживился и тоже вступил в разговор:

— Действительно, ничего не поймешь. Я вот вор, и неплохой вор. Лошадей, бывало, крал, и по тюрьмам хаживал. Ну, действительно, сидели спекулянты, убийцы всякие мошенники, а сейчас, погляжу: переполнены тюрьмы битком, мужичья полно всякого. А вот вора, как я, даже как-то меньше стало.

— А вы сами-то как сюда попали? — поинтересовался Лева.

— Да я как-то тут проезжал, украл кое-что в кооперативе. В Канске выпил с друзьями. Ну, меня и прихватили и сюда на суд привезли.

— Что же, думаете — осудят? — спросил Лева,

— Конечно, осудят! — ответил вор. — У меня нашли товары, поймали с поличным. Да только меня это не

беспокоит. Нам, вора, маленькие сроки дают, он быстренько пролетит — и опять свобода. А вот этому мужичью — и он ткнул пальцем в бородастого старика — контру дают, враг, мол, советской власти. Десять лет или вышку. Вот это да!

Потянулись дни заключения в церкви. Не потому, что уполномоченный посоветовал, а потому, что Лева не мог обходиться без молитвы, он усердно молился Богу из этого поруганного, оскверненного православного храма, куда народ, жаждущий света и облегчения, долгие годы, еще до революции, приходил со своими горестями и радостями и, как мог, как научен был, молился Богу. Здесь венчались молодые, отмечая начало новой жизни и прося у Бога благословения. Здесь отпевали покойников. Сюда приходили матери, вдовы со своим горем и, крестясь, вздыхали перед Богом... И вот теперь это место, куда стремилась душа народа, облагораживаемая верой, было поругано, превращено в зловонную тюрьму.

Почему-то Лева вспомнился текст, и он, найдя его, прочел в Евангелии: "Когда увидите мерзость и запустение, стоящие на святом месте..." И невольно сформулировался вопрос: "Почему это русское православное священство, в руках которого была Библия, не отдало все жертвенно, чтобы просвещать народ, учить его добру, состраданию. Почему оно отвратилось от истин апостольской Церкви, вело недостойную жизнь? А в результате многие потеряли веру, благоговение перед Богом. И вот теперь — мерзость и запустение..."

— А люди, которые сегодня находятся у власти, — размышлял далее Лева, — которые зовут к новой жизни, к строительству нового мира, почему они так увлекаются тюрьмами?

Леве вспомнилась песня, которую распевали в школе. Там были такие слова: "Церкви и тюрьмы сравняем с землей..." Что же случилось? Где же правда? Лева вспомнил своего отца. Это был честный, отдававший всю свою жизнь близким фельдшер, всегда работавший и содержавший большую семью. Лева никогда не слышал, чтобы он выражал какой-либо укор власти или был недоволен советским строем. Ни одного слова против правителей он не слышал от него. Активный работник профсоюзной организации, награжденный за многолетнюю трудовую деятельность званием Героя Труда... и вдруг в одну ночь арест, обвинен в антисоветской агитации с целью свержения существующего строя, объявлен врагом народа... И не только он, но и целый ряд искренне верующих людей, верующей молодежи, о которой Лева знал точно, что они никакой политикой не занимаются, а только стремятся жить по Евангелию.

И вот теперь Лева, оглядываясь на пройденный им путь посещения ссыльных верующих, с которыми он встречался, беседовал, внимательно опрашивая каждого по составленной им анкете, видел массу людей — гонимых, поруганных, оторванных от семей, брошенных в тюрьмы, концентрационные лагеря, в далекие ссылки... И все эти люди были совершенно ни в чем не повинны. Почему? Почему это все происходит?

Времени для размышления было много. Открывая Евангелие, Лева читал слова Христа: "Меня гнали и вас будут гнать". Он читал дивные страницы из послания апостола Петра. Страницы эти отвечали ему на вопросы, почему и для чего надлежит христианам нести свой крест.

Временами к Лева приходили и другие мысли. Ведь он учился в советской школе, и учился неплохо. Они изучали общественные науки, политэкономию, и Лева знал, что по известному всем учению в основе лежит материальный мир, вопросы экономики. Они-то именно и определяют мораль и законы.

Леву учили, что когда был выгоден рабовладельческий строй для господствующих, то процветало рабство. Когда строй этот в связи с развитием производительных сил стал экономически невыгоден, то рабство пало. Произошло это не потому, что люди стали добрее и поняли, что нехорошо брата-человека держать рабом, а потому, что это стало экономически нецелесообразно.

"Так и теперь, — думал Лева. — Нужно строить заводы, каналы, новые города, осваивать далекие глухие места, для этого нужна дешевая рабочая сила. И вот тысячи тысяч заключенных повсеместно строят за пайку хлеба, чтобы не умереть с голода". И общественные науки, которые он изучал, словно говорили ему: это прекратится лишь тогда, когда новые технические силы — машины — устранят надобность в этом массовом рабском труде. Лева гнал от себя эти мысли, он хотел верить по Писанию, что начальник (власть) есть Божий слуга, что во главе правительства стоят справедливые люди, которые должны наказывать только преступников и освобождать невинных. Не потому ли он, посещая ссыльных и заключенных, собирал по этому вопросу материалы, анализировал их, чтобы потом со всеми этими данными поехать в Москву, добиться свидания с Иосифом Виссарионовичем Сталиным и показать ему, сколько невинных людей страдает. И он разберется, и всех верующих выпустят, и молитвенные дома откроют, и все будут славить Бога и трудиться, как верные граждане. Ведь писал же Сталин о "головомозжени от успехов", отмечая, что в некоторых местах церкви закрывают несправедливо.

— Да, если бы добратся, если бы рассказать, если бы узнали там, в верхах, что творится...

Лева молился, снова читал Евангелие и опять молился. На душе становилось спокойно, и он опять верил, что власть — это слуга Божий, который не напрасно носит меч. Ведь и сердцем фараона управлял Господь, чтобы показать славу Свою. Народ отпал от Бога, утопает в грехах, и Бог через власть допускает испытания. Церковь Христа также должна быть переплавлена, и эти скорби имеют великое значение для приготовления душ верующих к вечной жизни. Бог покажет, что никакими силами и ничем нельзя одолеть Церковь Христа — Его тело, что хотя бы ее похоронили и поставили гроб и вокруг него стражу — церковь оживет, как воскрес Сам Христос, и будет сиять вечно, как зажженный золотой светильник, во тьме греха и не верил. Так верил Лева, так он мыслил, и у него, как у христианина, не было никакой злобы, никакого неприязненного чувства к тем, которые оторвали его от отца, от семьи, которые причиняли столько горя многим миллионам семей, уничтожая их кормильцев. Лева несколько не негодовал, что его арестовали, что уполномоченный посадил его в эту церковь. И он от чистого сердца присоединился к молитве Христа: "Отче, прости им, ибо не знают, что делают".

Находясь в бывшей церкви, Лева беседовал с двумя заключенными, рассказывая им о Христе, о том, как Он учил

любить всех, прощать, как Он прощает грешников. Его слушали, задавали вопросы, но, увы, слова истины не доходили до их сердец. Они не покаялись.

Питались заключенные довольно скудно. Выдавалась пайка хлеба да кипяток, и потом еще через часового можно было заказывать за наличные деньги, которые в небольшом количестве были оставлены каждому, яйца и вареное мясо.

Через две недели Леву вызвали к уполномоченному ОГПУ. Он был хмур и совершенно неприветлив:

— Да, парень, ты, видно, непростой верующий, у тебя есть какие-то хвосты. Ну да это не мое дело. Мы обязаны отправить тебя в Красноярское ОГПУ, там разберутся...

Был вызван конвой, и Лева увидел, как конвоиру вручили большой, объемистый пакет в серой бумаге, запечатанный пятью печатями.

— А где моя Библия, мои бумаги? — спросил Лева уполномоченного.

— Все в этом пакете, — ответил тот.

Глава 2. По каталажкам

"Мы неизвестны, но нас узнают..." 2

2 Кор. 6:9

Во всяком селе при том или ином правительственном учреждении, например, при сельском совете, есть место, в которое никто не хочет попадать. В сибирских селах оно именуется каталажкой. Эти каталажки в народе еще называют сибиркой, блошницей, каменным мешком в тюрьме, арестантской при полиции. Это комната, приспособленная для содержания в ней арестантов. Чаще всего в ней содержатся местные жители, однако она служит также пересыльной тюрьмой для гонимых по этапам. Вот с подобными каталажками и пришлось познакомиться Лева, когда его везли через тайгу к железной дороге.

Сопровождали Леву от села до села стражники из крестьян, вооруженные винтовками. Все они смотрели на него какими-то недоумевающими глазами. Если до Шиткино охранник вез Леву довольно-таки беспроблемно, то теперь часовые смотрели за ним в оба. Они держали винтовку почти на изготовку, и при малейших поворотах Левы их пальцы тянулись к курку. Судя по тому, как переговаривался конвой с сельскими жителями, Лева убедился, что его везут, как какого-то важного преступника. Многие крестьяне, смотря на него, громко говорили:

— Везут троцкиста, важного...

В некоторых селах посмотреть на "троцкиста" собирались целые толпы. Разговаривать с ним конвой никому не разрешал.

В каталажках было темно и холодно. Голод все время давал Лева знать о себе. Конвой был как-то особенно суров и покупать хлеб не разрешал.

— Вот приедешь на место, так накормят, — говорили Лева.

Однажды к вечеру подъехали к большому селу. Конвой сдал "преступника" председателю сельсовета. Тот вооружил старика — сторожа сельсовета винтовкой, и Леву заперли в каталажку, которая представляла из себя не что иное, как отдельную комнату при сельском совете. Около запертой двери уселся часовой с винтовкой — старик с седой бородой.

Только ушел председатель совета и другие работники, как любопытные направились к каталажке, заглядывая в волчок, чтобы посмотреть невиданного зверя — троцкиста. Часовой оказался не очень строгим и не возражал, когда его односельчане стали задавать заключенному вопросы.

— Что же вы, троцкисты, хотите? — спрашивали его. — Говорят, вы весь народ хотите голодом заморить.

Лева отвечал, что он совсем не троцкист и к политике никакого отношения не имеет.

— Да кто же ты, парень?

— А вот скажите, в вашем селе есть верующие, баптисты?

— Есть, есть, — сказал стоящий у волчка крестьянин,

— Так, вот, скажите им, что я брат их по вере.

— Брат их, — сказал разговаривающий. — Так неужто верующих стали тоже сажать? До сих пор в наших краях баптисты полной свободой пользовались.

Вечерело. Сторож отпер замок и подал заключенному краюху хлеба.

— На, ешь, это какая-то женщина принесла и сказала: "Передайте брату".

— А нельзя ли воды? — спросил Лева.

— А ты мне скажи, молодой человек, по правде — ты баптист или не баптист?

— Конечно, баптист, — ответил Лева. — Не курю, не пью, у тебя табака не прошу, стараюсь жить по Евангелию.

Вот оно у меня...

И Лева открыл Евангелие.

Часовой отложил винтовку в сторону, совсем открыл дверь и сказал:

— Айда со мной чай пить!

Когда Лева прежде, чем начать есть, встал и поблагодарил Бога в молитве, старик оживился и сказал:

— Ну теперь вижу, что ты настоящий верующий. Бывал я у вас на молениях, хорошие люди...

Лева с большим аппетитом ел хлеб, запивал горячим чаем. Он сильно промерз: в каталажке было холодно, и чай был так приятен... Старик между тем продолжал рассказывать:

— Горька, моя жизнь, горька. Вот что значит — мы без Бога живем. Воспитал я трех сыновей, на ноги поставил,

жена-то у меня умерла, А сыновьям я оказался не нужен: я к одному, я к другому — никто не принимает. Я уж и власти жаловался, и власти они не слушают. И пришлось мне на старости лет устроиться сторожем в сельсовет. Вот этим и кормлюсь.

— Да, жизнь без Бога, — ужасная жизнь, — сказал Лева. — Когда искры божественного гаснут в человеке, даже родителей не почитают.

— Верно, верно, — с грустью согласился с юношей старик.

— Так вы обратились бы к Богу и сами жили бы по – Божьи, — предложил Лева.

— Не могу, — ответил старик. — Вот курю и самогоночку люблю.

— Бог вас сделает новым человеком, посещайте собрания верующих, — посоветовал Лева.

Пошли. Лева поблагодарил, помолился за старика и направился к себе, в каталажку.

— Стой! — окликнул его старик. — Знаешь что: там холодно, ты иди ложись спать в кабинет предсельсовета. Там есть диван, тепло, а я пойду домой ночевать. Винтовку спрячем вот сюда. В случае чего, ты будешь вроде сторожа в сельском Совете.

И сторож спокойно ушел ночевать домой, а Лева, поблагодарив за все Небесного Отца, так же спокойно расположился на диване и быстро и крепко заснул.

Утром он был разбужен страшными криками. Кричал председатель сельского Совета, кричали какие-то другие люди:

— Так его нет в каталажке! Утек, утек... И сторожа нет. Значит, убил его, куда-то затащил, а сам утек.

Из кабинета председателя сельсовета поспешно вышел Лева:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, я здесь...

— Да что же это такое? Да как же это так? — воскликнул председатель.

— Все объясняется очень просто, — сказал Лева. — Я не какой-нибудь троцкист, партийный, я просто верующий, Евангельский христианин-баптист. Узнав, кто я такой, сторож и оставил меня, зная, что я ничего плохого не сделаю.

— Ах, вы баптист, — сказал председатель и сразу успокоился. А когда явился заспанный сторож, даже не стал упрекать старика за то, что тот оставил преступника без вооруженного конвоя.

В сельский совет стали стекаться люди. Слышно было, как кто-то зашел к председателю, расписался за документы арестованного и получил винтовку для того, чтобы сопровождать Леву дальше.

Арестованный юноша приветливо распрощался с председателем, с работниками сельсовета, пожал руку сторожу-охраннику, нахлобучил поглубже шапку, поднял воротник и вышел на морозный воздух. Там уже стояла подвода. Он сел, конвоир вскинул винтовку...

Тронулись в путь.

— Господи, Ты знаешь, что ждет меня. Будь мне Отцом!..

Глава 3. Любовь отца и детей его

"...Верен Бог, который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести".

1 Кор. 10: 13

Вот кончается улица. Дальше поле, потом тайга. Но неожиданно возница, ни слова не говоря, заворачивает в переулок, потом в другой, сворачивая с прямой дороги. Лева взглянул на конвоира. Тот дружелюбно улыбнулся. Подъехали к какому-то большому дому. Открылись ворота. Подвода въехала в большой двор.

— Брат, брат, дорогой! — кричали со всех сторон. Люди бежали к Леве, обнимали его.

— Что это, Господи? — подумал Лева. На глазах его заблестели слезы.

— Ты не беспокойся, отдохнешь, все, будет хорошо, — говорили ему.

— Братя, братя! О, как я рад! — Лева с удивлением оглядывался кругом. Конвоира с винтовкой не было, он куда-то ушел.

— Во-первых, баня, уже готова, вымоетесь, потом покушаете, а потом на собрание. Тут недавно был съезд братский, а мы со съезда с хором заехали сюда, и вас Господь как раз сюда направил.

— Это все Отец устроил! — сказал Лева. — Только Отцу Небесному такое под силу.

Леву выкупали в жаркой бане. Потом усадили за стол. Каких угощений только ни предлагали узнику! Особенно ему понравились вкусные пироги с толченой черемухой. За столом Лева рассказал о себе — о том, как Господь с юности спас его и он посвятил жизнь Ему.

— Мы слышали о твоём папе, — сказал один проповедник. — Он был сослан в село Шиткино. Где он теперь?

— Он продолжает отбывать ссылку в городе Енисейске, я его повидал, когда он был в Красноярске.

— Ну, а мама как у вас, не ропщет? Сколько у нее еще детей?

— Нет, не ропщет: она верная христианка. А детей на ее руках осталось четверо. Она работает портнихой на фабрике и содержит семью.

Сестры, братья кругом — родные... С большой любовью они смотрели на Леву. Худенький, с виду невзрачный, плохо одетый, он, казалось, не обладал ничем, что могло привлекать к нему чьи-либо взоры. Но он имел то, что не имели многие — звание узника Христа.

Лева пошел с верующими на собрание. Огромная изба была переполнена народом. Впереди сидели хористы и проповедники. Леву посадили на переднюю скамейку, перед столом, и перед ним положили пакет его дела, запечатанный пятью большими сургучными печатями. Там лежала его Библия. На пакете были сделаны большими буквами какие-то надписи, стояли номера. Осматривая пакет, Лева прочел про себя эти надписи. Вверху крупными буквами было начертано: "Совершенно секретно". Но Левино внимание более привлекла нижняя надпись: "За арестованным бдительный надзор".

Встали для молитвы. В горячей молитве Лева говорил:

— Отец Небесный, благодарю Тебя, что для Тебя нет ничего невозможного. Ты видишь, что я, Твое дитя, иду в испытание ради имени Твоего, и Ты для того, чтобы я его перенес, дал мне эту радость — быть на собрании Твоих детей. Господи, я благодарю, благодарю Тебя. Как Ты любишь!..

Со слезами молились братья и сестры, а потом хор пел гимн. Родные мелодии, родные напевы! Лева иногда казалось, что он уже не на земле.

Предоставили слово ему.

— Братья, сестры! — сказал он. — Эти кратковременные страдания — ничто по сравнению с тем, что ожидает нас. Я взят в узы, вы видите это, но я счастлив. Не бойтесь и вы страданий, не бойтесь ради Христа попасть в тюрьму. Все это пройдет, а там вечное, и не слышало то ухо, не видел то глаз, не приходило на ум человеку, что Господь приготовил для нас. Если не здесь, то там, в небесной отчизне, где нет слез и болезней, где нет тюрем и ссылок, а только живые реки и чудные пажиты...

В своем слове пресвитер говорил Лева слова утешения и ободрения на текст: "Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни" — (Откр. 2:10).

А потом встал хор. Брат регент обратился к юноше:

— Это для тебя, брат, споем, специально для тебя.

И они запели. Это было чудное, оказывающее глубокое впечатление стихотворение С. Я. Надсона:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Пусть неправда и зло полноправно царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь, —
Верь: настанет пора — и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!
Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбенных плечах, —
В мир придет она в силе и славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.
И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни бескrestных могил, ни рабов,
Ни нужды беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов!
О, мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
Оглянись. — зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!
Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой —
И поднимет к любви, к беззаветной любви
Очи, полные скорбной мольбой!

Лева слушал это дивное пение, и из глаз его одна за другой капали слезы.

— Господи — думал он. — Неужели придет то время, когда наконец люди перестанут ссориться друг с другом, не будут огорчать, судить друг друга, сажать в тюрьму, убивать?.. О, когда же это будет и настанет Царство Твое и будет братство, любовь на земле?.. Неужели, неужели еще долгие годы насилие и злоба будут царствовать в сердцах людей? Впереди на земле кажется темно, и очень темно, ибо люди уходят от Бога, теряют все Божье... Лишь там, в глубине небес, царство мира и покоя. Но оттуда, из этих глубин, проникают эти чудные — лучи света, и вот поэтому здесь, в простой деревенской избе, эти озаренные солнцем правды люди, братья и сестры. Может быть, и даже наверное, они не так образованы, между ними могут быть и вовсе неграмотные, но они высоки в духовном, евангельском смысле, ибо, как однажды выразился один поэт, настоящее образование одно — по образу Божию. Между ними нет зависти — только Христова любовь. О, если бы каждый человек жил по Евангелию! Ведь на Земле, при современных ее богатствах и знаниях человека, кажется, был бы рай... Но почему, почему же люди, не могут, не злобствуя, по любви, мирно жить? И ответ на все эти вопросы напрашивался один: Бог есть свет, любовь. Люди ушли от Бога, не слушают Его и попали во мрак, вот почему жизнь человека полна страданий.

Собрание кончилось. Каждый подходил и прощался с Левою, от души желал ему благословений. Большинство

знало, что встретятся они с ним еще раз только на небесах. На дорогу ему положили в сани большой мешок с провизией. Как ни отказывался от него Лева, ему сказали, что это от Господа и что, так как в тюрьме голодают, он сможет поделиться едой с другими.

Поехали дальше. На этот раз конвоир Леву не сопровождал. Он был приближающимся братом и поручил вознице, который был тоже приближающимся, сдать Леву в Тайшете в тюрьму.

— С собой я винтовку не возьму, — сказал брат-возчик, она мне не нужна.

— Конечно, не нужна, — подтвердил Лева. — Так что бери пакет с надписью "Совершенно секретно" и пошли...

И опять они поехали среди тайги, и над ними было голубое небо, и яркое солнце освещало сосны, покрытые местами снегом... Лева глубоко дышал полной грудью. Любовался открывающимися картинами и с грустью и горечью сознавал, что, увы, скоро, очень скоро, тюремные двери надолго сокроют от него красоту природы, а этот чистый свежий воздух сменится смрадом и вонью переполненных камер.

Дорогой беседовали. Возница рассказывал, что когда он не знал о Христе, то был очень жестоким человеком: дети прятались от него, жена плакала, а вот теперь, когда стал посещать собрания, зло ушло из его сердца.

— Я еще не принятый ваш брат, — говорил возница, — но я уже понял: только жизнь по заветам Евангелия — настоящая жизнь. Курить тоже бросил, но, по правде, еще грешный человек. Вот спекулирую товарами сельскими, а ведь это не совсем честно.

— Господь силен сделать вас честным, — сказал Лева. — Только стремитесь.

— Буду, буду стремиться, — заверил юношу возчик. Когда прибыли в Тайшет, было далеко за полдень.

— Ты вот что, — сказал возчик. — Иди сейчас, гуляй, знакомься с городом, а я пойду тут своими делами заниматься. А потом придешь, и уж к ночи я тебя отведу.

Лева пошел гулять. Он походил по улицам, по базарам, прошелся по перрону железнодорожной станции, посмотрел, как уходят и приходят поезда. Юноша еще пользовался полной свободой, но его уже не покидало сознание, что впереди тюрьма и другой дороги нет. И как это ни странно, ему захотелось поскорее попасть в тюрьму. Он вернулся на квартиру, где остановился возчик. Они попили чаю, и Лева стал уговаривать своего провожатого, чтобы тот отвел его в тюрьму.

— Да ты что? Насидишься еще, иди гуляй, там не нагуляешься: прогулки дают на пять — десять минут.

Лева опять походил немного, но вскоре вернулся и решительно заявил, что гулять больше не хочет, а просит отвести его в тюрьму. Хозяева квартиры смеялись над юношей:

— Удивительный ты парень, арестант! Другой бы на твоём месте давно бы побег совершил — уехал бы куда угодно с этим самым пакетом, где твой паспорт и документы.

— Нет, он сделать этого не может, — сказал его сопровождающий. — Он готов идти на страдание ради Христа.

И они пошли на станцию, близ которой было помещение пересыльной тюрьмы. На платформе сопровождающий остановился:

— Вон брат идет, давай подойдем к нему! — Это был один из братьев, о котором Лева слышал, что он самоотверженно трудится для Христа. Они поприветствовались.

— О, брат дорогой, так ты в тюрьму! Вот тебе и на! — он с особой любовью и жалостью посмотрел на Леву. — Ты молодой и некрепкий, тяжела тебе будет тюрьма!

Потом он задумался и, обнимая Леву, сказал:

— Если бы, брат, сейчас, разрешили мне за тебя пойти в тюрьму, я бы с радостью. Ты бы остался на воле, а я бы сидел за тебя.

Лева слушал эти слова, полные любви и сострадания, и сердце его трепетало:

— Господи, в первый раз встретились — и такая любовь! Брат хочет душу свою положить за меня...

...А кругом по станции ходили люди, хмурые, озабоченные. Каждый искал только своего, и никто не замечал, что, здесь, на этой станционной платформе, была истинная Божья любовь, Христово чувство.

— Я думаю, дорогой брат, — сказал Лева, — что вам так или иначе придется тоже познакомиться с тюрьмой. Темнеет, и репрессии, возможно, увеличатся. Многих невинных людей еще лишат свободы. Раньше я, признаться, был наивным и думал, что если хлопотать перед правительством и лично перед товарищем Сталиным, то разберутся и освободят невинных. А теперь, наблюдая все, что творится, я прямо не знаю...

— Все зависит от Господа, — сказал брат. — Без Его воли и волос с головы не упадет. Он откроет дверь — и никто не закроет, закроет дверь — и никто не откроет.

Они еще некоторое время беседовали о деле Божьем. Брат рассказал о том, что во многих местах Сибири продолжают отбирать молитвенные дома и сажают все новых и новых верующих.

— Да, сказал Лева, — видимо, труд, на нивах Божьих пока закрывается, и, вероятно, я вовремя попадаю в тюрьму для того, чтобы быть более очищенным, приготовленным...

— И еще для того, — добавил брат — чтобы там прославить имя Господа...

Он проводил Леву до самых дверей станционной пересыльной тюрьмы. Здесь сопровождающий Леву передал пакет, и они расстались.

Открылась большая кованая дверь, и Лева вошел, неся свой мешок с провизией, в большую переполненную камеру. Людей в ней было так много, что буквально не было куда и ногой ступить. Сидели на нарах, лежали под нарами.

Глава 4. Есть ли Бог? Нужна ли Вера?

"Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедую имя его пред Огнем Моим и пред Ангелами Его".

Откр. 3:5

Лева посмотрел крутом: бледные, грязные лица, масса оборванных людей, много и крестьян, но они выглядывают из-под нар. Кто-то указал ему место около вонючей бочки-параши. Юноша, положив мешок, присел на край нар. Тут же его окружили плотной стеной интересующиеся. Задавали обычные вопросы: "Кто ты?", "За что попал?". Спокойным голосом Лева рассказывал о своей вере, что обвинений пока не предъявлено, а везут его в Красноярск. Рассказывая, он заметил сквозь головы окружающих его людей, что там у окна на нарах какое-то большое оживление: что-то делают, о чем-то спорят. Он оглянулся на свой мешок. Но мешка и след простыл. Лева сразу все понял. Но это его нисколько не расстроило. От окна отделился какой-то немолодой человек (как потом Лева узнал, один из старых воров — "пахан"), подошел к Лева, задал ему несколько вопросов, и, внимательно посмотрев на юношу, вернулся к окну.

Спустя некоторое время Лева заметил, что его мешок находится рядом с ним, правда, почты совершенно пустой.

Начался тюремный вечер. Принесли чай. Каждый закусывал тем, что имел. Лева открыл свой мешок, там осталось еще немного хлеба Он поделился им с соседями и стал пить чай. К Лева подошел крепко сложенный человек в кожаных штанах:

— Я слышал, что ты верующий. А я коммунист. Хочу узнать, как это ты, такой молодой, так рано набрался такого дурмана.

— Я вам это расскажу, — сказал Лева. — Но прежде скажите мне, пожалуйста, как это вы, коммунист, и вдруг попали в тюрьму?

— У меня получилась маленькая растрата на работе, — ответил собеседник, — вот я и попал сюда. Нанимаю защиту и думаю, что все скоро кончится, и неплохо.

— Ну, а я никаких растрат не совершал, — сказал Лева, — а вот с юных лет уверовал в истину Евангелия и стараюсь жить по нему.

— Ну, Евангелие... люди писали, и сплошная выдумка, — сказал безбожник.

— Это нужно проверить, правильно ли вы говорите, — сказал Лева. — Вот человек хочет пить: он видит колодец, в нем вода. Он даже не знает, когда и кем выкопан этот колодец, но он черпает воду, пробует ее, видит, чувствует, что она свежая, хорошая, пьет и утоляет жажду. Он здоров, он черпает из этого колодца, и для него вода эта — драгоценность, без которой жить не может. Так и Евангелие, это колодец, в нем живая вода учения Христа. Не касаясь вопроса, кто и когда написал Евангелие, попробуйте черпать то, что в нем написано, примите это в свою жизнь и вы увидите, что это чудная, живая вода, она обновит вашу жизнь, спасет вас от смерти.

Окружающие прислушивались к их беседе. Неожиданно один из них предложил:

— Давайте устроим диспут! Это будет всем интересно.

Воры тоже присоединились к этой мысли. Было уже темно. Только вверху над дверью висела тусклая лампочка. Леву провели вперед — на нары перед окном. На нары опрокинули бочку, а которой носят кипяток, сна служила как бы столом. Перед этой бочкой сел фельдшер со станции Слюдянка, которого избрали председателем диспута. С одной стороны бочки встал Лева, с другой — человек в кожаных штанах.

— Диспут считаю открытым, — сказал председатель, постучав кулаком по дну бочки. — Тема диспута: "Есть ли Бог? Нужна ли вера?". От имени атеистов выступит товарищ Н. Наступила полная тишина. Человек в кожаных брюках, засунув руки в карманы (так он привык выступать на собраниях), громко начал свою речь, тщательно выговаривая каждое слово:

— Я Вот ступаю от имени атеистов. Мы в Бога не веруем. Живем без Бога и строим свою жизнь без всякого Евангелия. Товарищи! Откуда взялась эта вера? Откуда появился этот Бог? Я должен вам сказать, что все это придумали попы для того, чтобы дурманить людей и за счет грудящихся наживаться. Они, паразиты, сами не работают, а только дай им масла, яиц, круп, толстеют да пьянствуют. Бога никакого нет. Его никто не видел: Нужна ли вера? Она нам не нужна, она нужна всяким эксплуататорам, чтобы угнетать народ: здесь, мол, терпите, а там царство небесное, и все получите. Религия — это смрад, и мы должны бороться с ней, чтобы построить светлую жизнь.

Оратор вытащил кисет, насыпал в бумажку махорки и закурил. Лева закашлялся от дыма. Нужно сказать, что в камере курили почти все, и воздух был такой спертый, что трудно было дышать. Закурив, выступающий стал рассказывать смешные истории про попов, стараясь расположить заключенных в свою пользу. Но вокруг сидели и лежали измученные, угнетенные люди. Из них редко кто смеялся над его анекдотами.

Когда он кончил, председатель диспута объявил:

— От имени верующих будет выступать новичок — Лева Смирнский. Лева собрал все силы своего голоса и звонко начал:

— Вопрос стоит: "Есть ли Бог?" Я вам должен сказать, что Бога нет. — Он остановился, все замерли. — Бога нет в сердцах людей, которые не ищут Его, которые забыли о Нем. Кто такой Бог? Библия открывает нам, что Он — Творец всего существующего. Он Небесный Отец, полный любви, милосердия, сострадания к любому преступнику, злому человеку. В Евангелии говорится, что Бог есть любовь. Но посмотрите, вот среди нас здесь есть ли любовь, есть ли мир, сострадание, — все, что дает Бог, доброе. Мы озлоблены, вы все страшно материтесь, я никогда в жизни не слышал такой матерщины, какую услышал здесь. В сердцах ваших нет любви, и все это потому, что вы ушли от Бога, не знаете Господа.

Далее. Стоит вопрос: "Нужна ли вера?" Здесь у нас в камере, нет Божьей веры, и мы друг другу чужие люди, мы

готовы взять друг у друга то, что не принадлежит нам. Нужна ли вера? Я расскажу вам, что делает Божья вера с людьми, они становятся братьями и сестрами. Вот если бы с вами здесь все были по-настоящему верующими, то мы были бы родными братьями, жалели бы друг друга, здесь не было бы слышно этой брани, ругани, здесь никто бы не обижал ближнего, а вместо этого мы бы вместе молились, тихо пели и в Боге были бы счастливы даже в этой ужасной камере...

Председатель уже несколько раз толкал Леву в бок. Наконец, он привстал и тихо сказал Лева на ухо:

— Тебе какую статью дали?

— Мне никакой статьи не дали, — тихо ответил Лева.

— Ну и брось ты тогда так говорить, а то тебе живо пятьдесят восьмую статью пропишут — антисоветскую агитацию...

И тут же он громко объявил:

— Диспут считаю законченным. Вопросов никаких не может быть. Вопрос ясен.

Позже он в частной беседе с Левою сказал, что если защищать Бога и настаивать на том, что вера нужна в жизни человека, — это значит определенно заработать срок.

Пришло время сна. Где же спать? Господи, Ты знаешь, что мне нужен отдых, — произнес про себя Лева. И кто-то позвал его из-под нар:

— Эй, парень, иди сюда, мы потеснимся, уляжемся. Лева полез под нары, где лежали бородатые крестьяне.

— Хорошо ты говорил про Бога, — сказал один из них. — В самом деле: если бы все мы, люди, жили по Божьи, разве так было?

Под нарами было страшно холодно. Лева нахлобучил глубже шапку, как можно плотнее завернулся в пальто и закрыл им полностью лицо, так что теплый воздух дыхания оставался под пальто. Без тревожных мыслей, без какого-либо беспокойства он быстро уснул.

Когда он утром проснулся, то заметил, что в том месте, где его шапка соприкасалась с пальто и была щель для воздуха, сквозь которую воздух проходил при выдохе, на пальто образовался иней.

Утром принесли хлеб. Дележ хлеба был своего рода действием в жизни арестантов. Для его осуществления выделялся наиболее опытный и ответственный человек. Ему на то время охрана вручала нож, и он делил пайки, взвешивая их на самодельных весах из палки и привязанных к ней картонок. Хлеб был ржаной, сырой, клейкий. Каждая пайка тщательно проверялась. Потом начиналась раздача хлеба. Каждый желал получить горбушку. Все глаза были устремлены на хлеб. Делящий брал хлебную пайку и, пряча ее, спрашивал:

— Кому?

— Мне, — говорил кто-нибудь из арестантов. Ему живо передавали пайку, и он уже не мог обижаться, досталась ему горбушка или нет.

Лева не спешил принять участие в дележе, и когда ему досталась последняя пайка, он был доволен тем, что остальные получили хлеб прежде него.

В полдень принесли баланду. Это был жидкий суп, состоящий из слегка замутненной воды и двух-трех маленьких картофелин. Никто, конечно, и не помышлял утолить чувство голода этим супом.

Не прошло и часа после обеда, как двери камеры открылись и в нее вошли два одетых в тулупы пожилых крестьянина. Каждый из них на спине нес мешок.

— А, кулаки, кулаки, — раздался голоса.

Тут же, как только двери камеры захлопнулись, пахан встал у окна и зычно крикнул:

— Раскулачивать, раскулачивать!

У крестьян отобрали мешки и потянули их к окну, где восседало большинство воров, а с ними человек в кожаных штанах. В них был не только хлеб, не только сухари, но и бочонок с медом. Воры и их друзья пировали, как говорится, на славу. Пахан поманил Леву рукой: "Иди, поешь с нами". Но Лева отрицательно покачал головой.

— Ешь, если предлагают, — сказал сосед Левы, — а то захилеешь...

Лева ничего не ответил.

После того, как пир закончился и от крестьянских мешков ничего не осталось, к Лева подошел человек в черных штанах. Он сытно поел и имел самый добродушный, улыбающийся вид.

— Я за тебя слово жуликам замолвил, — сказал он Лева. — Чего ты не кушал с нами?

— Я не могу есть это, — сказал Лева.

— Тут ничего особенного нет, это просто раскулачивание...

— А вы со спокойной совестью едите вместе с ворами? — спросил Лева, смотря ему в глаза.

Тот несколько смутился, потом похлопал Леву по плечу и сказал:

— Эх, парень, ничего ты не понимаешь! Совесть — это такое слово, которое давно надо вычеркнуть из жизни, а заодно и из всех словарей. — Так ты не проживешь. Скажу тебе истину, которой сам придерживаюсь, запомни: с волками жить — по-волчьи выть!

— Нет, я так не могу, — возразил Лева. — Буду среди волков, но не буду волком.

— А кем же будешь?

— Лучше быть овцой Иисуса, — улыбнулся Лева. Безбожник рассмеялся:

— Ну, и съедят тебя, как овечку...

Однако эти искушения Лева побеждал легко. С ним был Господь, и он не допускал даже мысли, чтобы есть ворованное, а тем более награбленное.

Глава 5. По дороге испытаний

"... Другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь".

Иван, 21:18

В камере становилось до невозможности тесно, а заключенные все прибывали и прибывали. Тогда администрация решила направить этапников через другие тюрьмы, лишь бы разгрузить камеры. Так, Лева, который должен следовать в Красноярск, был присоединен к этапу, который шел на Канск. Значит, ему предстояло, прежде, чем он достигнет Красноярска, посидеть в Канске. К поезду подцепили так называемый телячий вагон и под усиленной охраной перевели в него этапников из пристанционной камеры. В вагоне было холодно, как на улице. С большим трудом заключенные разожгли железную печку. Она долго дымила, наконец, угли разгорелись, и стало тепло. Ехать до Канска было недалеко, и провизией арестованных не снабдили.

— И для чего мне в Канск? — думал Лева, — Видимо, и в этом план Господа. Этим Он хочет не огорчить меня, а может быть, даже порадовать...

В Канске Лева бывал. Там были братья. Но есть ли братья в тюрьме и сумеет ли он их увидеть?

Когда они прибыли к воротам Канской тюрьмы, этап долго не принимали. Заключенные коченели от мороза, кричали, просили скорей открыть двери тюрьмы, но она была переполнена, и слышно было, что начальство в большом затруднении решало, где разместить новый этап. Наконец тяжелые железные двери распахнулись, и их выпустили.

Перво — наперво повели в баню.

— В баню, братцы, в баню! — говорили заключенные. — Значит, вымоют — санобработка.

Но, увы! Из-за переполнения тюрьмы баня не работала, а использовалась просто как место заключения. Когда прибывшие вошли в помещение бани, там был уже другой этап, прибывший до них. Кое-как разметались на каменном полу, каменных скамейках. Было как-то особенно сыро, воздух невыносимо сперт, а люди курили, курили и, находя единственную отраду в табаке и махорке, окончательно отравляли атмосферу. Единственным достоинством этого помещения было то, что здесь было тепло.

На прибывший этап снабжения не предусмотрели, и этапники утром не получили ничего, кроме кипятка.

Настала ночь. Устроившись на полу рядом с другими. Лева помолился и, придав себя в руки Господа, спокойно уснул. Утром проснулся с сильной головной болью. Пребывание в зловонной, сырой атмосфере не могло не отразиться на его самочувствии.

Принесли хлеб. Начался дележ пайка. Когда стало совсем светло, староста бани, высокий, крепкий арестант, крикнул:

— Раздевайся! Приступай к работе!

— Что за команда? — подумал Лева.

Он увидел, что все подчинялись ей, живо стаскивая с себя кальсоны, трусы, рубашки. Боже мой! Он впервые видел такую "работу". Заключенные дружно искали вшей и били их ногтями. Вшей была масса. "Неужели и у меня есть? — подумал Лева. — Да, тело чешется". Он снял с себя нижнюю полу рваную рубашку и вывернул: да, вши! И где только набрался?..

А как было не набраться их в такой тесноте! Ведь еще ни разу не делали дезинфекции белья, не "жарили". И к вечеру, когда еще не стемнело, повторилась та же команда:

— Раздевайся! Приступай к работе!

И опять все разделись и били, давили вшей.

— И откуда только они берутся? — думал Лева. — Все новые и новые...

Лева шелкал вшей и смотрел на голых, раздетых арестантов. Некоторые были еще в теле, упитанные, но большинство худые, изможденные голодом, "И всем нам грозит смерть — думал Лева! — И все эти люди кругом, если не покаются, пойдут в погибель. Но кто скажет им о Христе, кто призовет к Иисусу?"

Вот встать здесь и сказать громко этим людям, что есть спасение, что есть настоящая жизнь во Христе. Но на это у Левы не было сил, не хватало огня. Во всем теле он чувствовал страшную слабость, и болела голова. Он достал Евангелие и стал читать открывшееся место:

"Но вы пребыли со Мною в напастях Моих, И я завещаю вам как завещал Мне Отец Мой, Царство, Да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых. И сказал Господь: Симон! Симон! се сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; Но я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих" (Лук. 22:28-32).

Лева читал эти слова, и они, словно живые, чудные, боговдохновенные, пронизывали все его существо. Он уже не ощущал смрада этого ужасного воздуха, не слышал грязного переругивания между собой своих соседей, не чувствовал головной боли. Он размышлял о напастях, которые пережил Христос и участником которых очень немного, "капельку" стал и он, Лева.

Да, не пропавшая жизнь, не пропавшая юность, впереди — все завещанное Христом. Сейчас голодно, очень голодно, но придет время, будем есть и пить за трапезой Христа в Царстве Его. Не будем алкать и жаждать. А сатана-то так же действует, как и раньше. Старается сеять верующих, как пшеницу, разрушает общины, разбрасывает детей Божьих по тюрьмам, лагерям, ссылкам. Может быть, будет скудеть и вера, падать силы, но Христос — ходатай. Он молился не только о Симоне, но и обо мне, и если будут слабеть силы, если будет скудеть вера с годами, то все же по молитве Христовой к Отцу не погибну, обращусь и отдам все для того, чтобы утвердить братьев моих. Господь силен поддержать.

- Ты, парень, что читаешь?
- Евангелие, — ответил Лева.
- Верующий?
- Да, верующий!
- Почитай нам.

И Лева читал чудные слова. Читал о разбойнике, висящем на кресте со Христом, который перестал злословить Христа, обратился к Нему, унимая другого ругающего разбойника, и был спасен Христом. Люди, а большинство из них были крестьяне, слушали и говорили:

— Как хорошо написано! А мы-то не знаем Евангелия. Священники у нас далеко от села, да и в церквях когда бывали, не слышали об этом.

В тюрьму прибывали новые этапы, и часть арестованных из бани перевели в камеры. Когда Лева подошел к камере, где ему надлежало быть, он прочел старую таблицу над дверью: "На 18 человек". Когда он вошел в это битком набитое помещение, то узнал, что в нем разместилось 57 человек.

Здесь было хорошо тем, что воздух был не так сперт, как в бане, и не так болела голова. Кроме того, из этой камеры днем брали на различные тюремные работы. Когда на следующее утро стали вызывать на работу, то надзиратель спросил:

— Нет ли среди прибывших столяров для работы в столярной мастерской?

Лева вспомнил, что когда он был совсем мальчуганом, родители решили обучить его столярному ремеслу и он ходил к брату Василию Алексеевичу Кузнецову — крупному специалисту и резчику по дереву — и брал у него уроки. Отец приобрел рубанок и сверла, и он с помощью своего учителя даже сделал табуретку. Поэтому Леве поднял руку и сказал, что он столяр и кое-что может делать.

Его взяли на работу. Было очень приятно попасть в большой, светлый цех, где приятно пахло сосновыми стружками. Здесь, как оказалось, особых столярных знаний не требовалось, цех был механизирован, в нем изготавливали оконные рамы. Леву тут же использовали как подносчика и стали учить, как складывать детали. Леве это так понравилось, что он подумал: если дадут едок, то хорошо отбыть его, работая в такой мастерской.

Он присматривался к окружающим рабочим. Среди других юноша заметил двух мужчин, оба с небольшими седоватыми бородами. Они очень слаженно трудились, помогая друг другу.

Лева присматривался. Когда настал час обеда, они сели рядом и, прежде чем приступить к еде, склонились головы и стали молиться:

— Значит, братья, родные братья! — подумал Лева. — Какое это счастье: я вижу братьев!

Он подошел к ним, протянул руку и сказал принятые слова. Они вскочили с досок, на которых сидели:

– Так ты брат?

– Брат.

Они расцеловались.

Трудно описать эти краткие тюремные встречи с братьями по Крови Христа. Ведь так дорого это родство!

Оба брата были украинцами. Они тоже следовали куда-то по этапу и застряли в Канске.

– О нас узнали уже местные братья, — сказал один из них.

Приносили нам передачу и на свидании были. Вот для них будет новость, что вы с нами! Так вы говорите, они вас знают?

— Да, но мне, наверное, свидания не дадут, я следственный, — сказал Лева.

Общение с этими двумя братьями перед началом работы, в обеденный перерыв и в час возвращения с работы в камеру было для Левы большой радостью. Эти встречи были тем драгоценнее, что оба брата, зная, что у Левы впереди следственные мытарства, обещали каждый день аккуратно молиться за него.

Около двух недель Лева работал в мастерской. За работу добавляли хлеба, приварок в обед давался лучше, чем обычно. Братья угощали его из подученных передач, и он не чувствовал голода,

Когда он собирал в мастерской раму, его неожиданно вызвали.

– Куда? — спросил он надзирателя.

– В этап, — коротко ответил тот.

Лева побежал к братьям, они обнялись, поцеловались и расстались.

В канцелярии тюрьмы его ждал особый конвой. По их интеллигентному виду и вопросам, которые они стали задавать Леве, он понял, что это вооруженные сотрудники ОГПУ.

— Мы вас ждали, ждали к себе, да так и не дождались. Так плохо с этими этапами. Вот и приехали за вами.

Они получили бумаги Левы, расписались за него, и он отправился с ними. В ожидании поезда вошли в станционный буфет, поели сами и угостили Леву.

– Больше всего нас интересует вопрос, каким образом вы сумели улизнуть от нас из Красноярска? Мы так вас сторожили, искали...

– Я не улизнул, — сказал Лева, — я просто уехал.

– Ну, ладно, следствие все разберет.

Когда подошел пассажирский поезд, они сняли отдельное купе и усадили Леву между собой. Один сидел у окна, затем Лева, а рядом с ним другой охранник.

После первых тюремных мытарств приятно было ехать в чистом, хорошем пассажирском вагоне. Невольно Леве вспомнился рассказ С. М. Степняка-Кравчинского "Домик на Волге". В нем шла речь о молодом революционере, которого везли в вагоне наподобие того, как сейчас везут его. И он сумел выбраться из окна идущего поезда и

скрыться от жандармов. Сильно ушибленный, он нашел в себе силы добрести до берега Волги и там, в одном домике, обрел приют.

Вообще о побегах заключенные мечтают часто. Но, припоминая этот рассказ, Лева думал, что если бы даже сейчас было открыто окно и охранников вовсе бы не было, то он все равно никуда бы не побежал. Он всей душой шел на страдания, зная, что так суждено.

Конечно, молодой организм — то самое, что мы привычно определяем словом "плоть", — сопротивлялся и не хотел того, что Писание называет волей другого: "Другой поведет тебя, куда ты не хочешь". Но дух сильнее плоти, и он был готов к жертвам, лишениям, невзгодам ради Христа.

Конвоиры разговаривали с ним мало, видимо, считая, что он все равно ничего им не скажет. Другим пассажирам, из соседнего купе, не разрешалось разговаривать с ним.

Когда прибыли в Красноярск, то вызвали специальную машину, и Лева был доставлен в центр города, — туда, где в огромном многоэтажном здании разместилось ОГПУ.

Леву повели во двор и спустили в подвальное помещение, где были камеры. Его раздели догола, тщательно обыскали, проверили все. В душе он молил Бога лишь об одном: что бы не отобрали Евангелие:

— Господи, Ты знаешь, впереди испытания. Сохрани, сохрани, эту Книгу со мной!

И эту Книгу ему оставили.

Несмотря на дневные часы, в камере был полумрак — правильное сказать, сизый полумрак, потому что, как и везде, заключенные много курили.

Здесь было не так тесно, как в пересыльной тюрьме. Каждый имел свою койку. Правда, на койках не было матрасов, одни лишь доски. Но когда Лева получил койку, на которой мог расположиться свободно, это для него было уже большим достижением. Он расстелил свой тонкий матрасик и почувствовал себя словно дома. Правда, он был еще начинающий свое поприще заключенный, и тюрьма для него была далеко не родным домом, но всегда так бывает, когда их худшего получаешь немного лучше, хотя и плохое, оно кажется хорошим.

Присмотревшись к людям, Лева понял, что сидели не простые крестьяне и не простые служащие. Из разговоров он вскоре узнал, что многие были с высшим образованием: инженеры, работники сельского и лесного хозяйства. Были также очень пожилые люди, бывшие офицеры царской армии. Из бесед с ними Лева выяснил, что большинство тут было связано с так называемым делом Рамзина, когда, как в те дни публиковалось в печати, была раскрыта организация интеллигенции, которая якобы занималась вредительством с целью подрыва советской власти.

Все это были очень несчастные люди. Их без конца вызывали на допросы. Возвращались они совершенно разбитыми, сжимали в отчаянии голову и шептались между собой, что по принуждению, под сильным нажимом подписали свои показания того или иного допроса, в протоколе которого была написана вопиющая ложь.

Позднее Лева спрашивал их, почему же они подписывали заведомую ложь. Он считал невозможным подписывать ложь, потому что ложь есть грех. Они говорили ему, что другого выхода нет; будет очень большой срок. А подписанное признание, хотя оно и было явно вынужденным и, безусловно, ложным, не соответствующим действительности, якобы облегчает участь.

Офицеров царской армии допрашивали реже, они смотрели на свое будущее весьма безнадежно, пессимистически. Говорили, что им припоминают все старые дела, за которые они привлекались когда-то и в конце концов их изолируют в особые лагеря как негодный элемент.

Все подследственные получали передачи, книги русских классиков, и каждый старался углубиться в чтение, чтобы только отвлечься от гнетущей действительности. Как оказалось, и кормили здесь лучше, чем в обычных тюрьмах.

Леву на допрос вызвали на сразу. Видимо, из тактических соображений решили, чтобы он "еще больше подумал", чтобы потом сразу "раскололся", как говорят арестанты.

Лева видел, как люди, не соблюдающие известного порядка дня, мучаются без сна ночами, и он решил установить себе строгий режим никогда днем не отдыхать, ложиться только ночью. Это способствовало тому, что за время следствия, несмотря на все передраги, он спал хорошо.

Но главное не в этом. Главное было в том, что его совесть была чиста перед Богом, перед правительством и перед каждым человеком. Главное-то, что, как написано в Писании, думал Лева "спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности" (Пс. 4:9).

Глава 6. Следствие

"Не уклоняйся ни направо, ни налево: удали ногу твою зла".

Притч. 4:27

И вот Леву вызвали на допрос. Невысокого роста, плотный, светло-русый следователь встретил его приветливо:

— Садитесь, садитесь, Смирнский, давно ждали вас.

Он позвонил. Вошло несколько человек военных, видимо, начальство. Они с интересом стали рассматривать Леву.

— Так, так, так, вояжер, представителем какой организации вы являетесь?

— Ну, вот вы и попали к нам. Мы одно только хотим вам сказать: дружите с нашим следователем. Он человек хороший. И еще учтите: ложь нам не нужна, нужна только правда. Мы, конечно, понимаем, что вы незначительное лицо в вашей организации, просто коммивояжер, но от вас, безусловно, потянется ниточка к тем, кто через вас

действует. А с вас спрос маленький, и наказание вам будет небольшое, не беспокойтесь. Только признавайтесь во всем и говорите правду. Согласны?

— Согласен! — сказал Лева. — Я стою только за правду и ложь не терплю.

Они ушли, и Лева остался наедине со своим следователем.

— Первый вопрос к вам будет такой, — начал следователь, — У нас есть данные, что вы знали, что ваши бумаги захвачены нами здесь, в Красноярске, что вы были информированы, что мы вас ищем.

— Да, это так, — ответил Лева. Следователь записал Левин ответ.

— Второй вопрос: кто вам сказал об этом?

Лева молчал. Он внутренне молился Господу дать ему мудрость, чтобы не солгать, но и правду не сказать. Следователь поторопил Леву вопросом:

— Так вам сказала об этом ваша сестра Левашова?

Он не сводил глаз с лица Левы, следя за каждым его выражением.

— Мы разговаривали с ней об этом. Следователь вскочил:

— Так что же она, ваша сестра-христианка, врет? Она утверждает, что не говорила вам об этом. Ну ладно, хватит, я сделаю очную ставку.

Следователь взволнованно заходил по комнате:

— А сейчас вот что меня интересует. Вы только что прибыли в Красноярск, находитесь здесь всего несколько суток. И на другой же день, как вы приехали, приходят к нам ваши верующие и приносят передачу. Скажите, каким это духом святым они узнали, что вы здесь? Это просто непостижимо. Мы хотели устроить так, чтобы никто не узнал, что вы здесь, а они уже знают. Это мешает ведущемуся следствию.

— Это так Господь устроил, — сказал Лева. — Он все может устроить так — сверх ожидания.

— Да, значит, пути Господни, неисповедимы, — продолжал следователь. — Может быть, действительно вы и сами-то не знаете, что вы здесь, и вас бесполезно об этом спрашивать.

Но Лева знал и... молчал. А было так, что когда его на одну минуту ввели в приемную ОГПУ, прежде чем посадить, он там увидел одного знакомого красноярского брата. Ему-то Лева и сказал, что его сегодня привезли. Это минутное свидание устроил сам Господь, и оно имело большое значение, так как следователь время от времени разрешал для юноши передачи.

— Я хочу вам сказать о характере предстоящих наших бесед, — оставил следователь саркастический тон разговора, — Мы запишем вашу биографию, кто ваши родители. Вы подробно расскажете нам, где вы путешествовали, какие ваши задачи. Отпираться совершенно бесполезно. Ведь все ваши анкеты, ваши записи, ваш проект издания журнала "Вестник изгнанника" нами захвачены. Нами захвачен также шифр, который вы изобрели, и вы нам раскроете сами, как им нужно пользоваться. Но главное — вы должны нам подробно рассказать о представителях той подпольной шайки баптистов, представителем которой вы являетесь. Их задача, деятельность, кто из них какую функцию выполняет. Я вам зла не желаю, вы молоды, на вас особой вины не падет, потому что, несомненно, за вами скрывается организация, а вы просто винтик в ней. Вам понятно, что я говорю?

— Да, все понятно, — ответил Лева.

— Так вот, сейчас мне некогда заниматься с вами, а вы пока подумайте. У вас все пойдет гладко. Желаю вам всего хорошего.

Он позвонил, за Левою пришли. Конвоир вытащил наган и повел впереди себя подследственного, держа пистолет наготове.

Еще несколько дней Леву не вызывали на допрос, для того, видимо, чтобы он хорошо все продумал. Но Лева абсолютно ничего не обдумывал. Он придерживался слов Спасителя, Который учил своих учеников: "Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я вам дам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить!.., ни противостоять все противящиеся вам" (Лук. 21: 14-15).

Казалось, совет Христа очень прост, но когда человек находится под следствием, у него всегда пробивается мысль: "Сказать нужно так-то, а если спросят вот это, то отвечать так-то". Нужно бодрствовать и особенно пребывать в молитве, чтобы не искушаться этими мыслями. В эти дни Лева особенно углубился в чтение псалмов Давида, и оттуда на него лились потоки утешения, ободрения, лучи светлой надежды.

Его вызвали снова.

— Ну как, обдумал все, Лева? — спросил его следователь.

— Я ничего не обдумывал, — спокойно ответил подследственный, — Христос учит нас: не обдумывайте.

— Так. Ну, начнем с подробностей твоей биографии и с твоих путешествий. Я разобрался в твоих бумагах, мы навели кое-какие справки, получили из Самары твою подробную характеристику, — так что говори все начистоту.

Лева подробно рассказал, как он рос в семье верующих, учился в школе, колебался между верой и безверием. Бывали дни, когда он почти терял веру. Потом стал молиться, покаяться, отдался целиком Христу. Он рассказал, что в Самаре арестован весь состав совета Волго-Камского союза баптистов, некоторые другие члены общины, молодежь и что он точно знает, они не враги, ничего против власти они не делали, и нигде среди знакомых верующих никаких антисоветских высказываний не было.

— Так, значит, — начал следователь, — вы считаете, что органы советской власти арестовали там, в Самаре, всех этих верующих, в том числе и вашего отца, вашего дядю, ваших друзей из молодежи, не за контрреволюцию, что они сидят, следовательно, безвинно.

— Да, — сказал Лева. — Я твердо убежден в этом. Я их знаю, они преданные советские граждане, труженики и сидят за Слово Божие.

— Что значит "Слово Божие"? Что значит "сидеть за Слово Божие"? Вы хотите сказать, что они сидят за веру?

— Да, я знаю, что они честные люди, активные, искренние верующие, и если их взяли в тюрьму, то, конечно, только за веру. А так не за что было их сажать,

— Так вы считаете, что советская власть устраивает гонения на верующих?

— Я не думаю, чтобы в центре — правительство, сам Иосиф Виссарионович Сталин — устраивали бы гонения на верующих. Но на местах, когда закрывают молитвенные дома, арестовывают проповедников, пресвитеров (я специально изучал этот вопрос, вы видите по анкетам) существует гонение на верующих. Это надо исправить.

Следователь внимательно посмотрел на Леву и, покачав головой, произнес:

— Эх, фанатик ты, фанатик! Ничего ты не разбираешься в этом. Ведь всякая религия — это тормоз нашему делу, ведь всякая вера — это не советская, а антисоветская. Но только я хочу тебе вот что сказать: в неприятное ты попал положение. Ведь ты и среди верующих, неверное, говорил, что братья не враги народа, невинно страдают за веру... Говорил?

— Конечно, говорил. Это истинно.

— А ты слышал: папа римский поднял шумиху, что у нас, в Советском Союзе, преследуют за веру?

— Нет, не слышал.

— Так вот, ты работаешь на руку капитализму, папе римскому. Пойми это. Этим ты уже действуешь как антисоветский человек.

Следователь продолжал:

— Ну, ладно, рассказывай дальше, как ты поехал, что и как там было?

Открыто глядя в глаза следователю, Лева рассказывал, как он молился, как читал Евангелие и решил исполнить слова Христа: "Был в темнице, и посетили Меня". Следователя мало интересовало, что Лева хотел исполнить завет Христа, и он спрашивал его: "А с какой целью? Какая цель преследовалась?"

— Я, как христианин, — говорил Лева, — горел любовью к ближним, жаждал прежде всего проявить эту любовь на деле.

— Значит, вы хотели поддержать, ободрить ваших братьев и сестер?

— Да, именно так, — ответил Лева.

— Ну, скажите, вы хотели также и материально помочь? Было у вас такое желание?

— Как же, было, — ответил Лева. — Но, к сожалению, средств у меня личных было очень мало, и я очень плохо помогал ссыльным и заключенным.

— Мы согласны с вами, — сказал следователь. — Но, разъезжая по Средней Азии и Сибири, соприкасаясь с верующими, с общинами, вы побуждали их к добрым делам. Как это у вас в Писании сказано? — следователь задумался. — Там сказано: "Помните узников, как будто вы сами находитесь с ними в узах..."

— Вы, оказывается, знаете Священное Писание? — сказал Лева.

— Знать, не знаю, а вот приходилось возиться с разными верующими, и чтобы лучше понять их, заглядываю и в ваше Евангелие... Так, ближе к делу. Вы не отрицаете, что организовали моральную и материальную помощь ссыльным верующим, баптистам, трезвенникам, евангельским христианам?

— Я бы сказал, что это звучит слишком громко, — ответил Лева. — Посещать — посещал, но чтобы организовывать... Какой я организатор?!

— У нас есть вещественные доказательства, — сказал следователь и открыл несгораемый шкаф. — Вы получили в Канске письмо для брата Ясырина.

— Да, получил — ответил Лева. — Его у меня отобрали со всеми бумагами. Оно было заклеено, и я его не читал.

— А мы расклеили и прочли. Следователь достал конверт.

Вот посмотрите, тут не только письмо, но и деньги этому Ясырину и пишут тут: "Дорогой брат Сергей Федорович! Мир вам" — и далее из ваших евангельских обращений. А потом что пишут: "Брат Лева нам рассказал, что вы не первый раз страдаете за Слово Божие, сосланы были из Астрахани..." Ну, и дальше: "Мы молимся за вас и посылаем на нужды ваши лепту". Вот она, лепта-то, — сказал следователь, показывая Лева деньги.

— Мы всегда помогаем друг другу, эта заповедь Христа.

— А мы расцениваем это с другой стороны: вы помогаете ссыльным, заключенным, помогаете контрреволюции.

— Но, поймите, они совсем не контрреволюционеры.

— Следствие у них было, советские судебные органы так постановили, и в том, что они враги, никто не сомневается... Так, ну хватит на этот раз, подпишите протокол. Я все записал точно, ничего лишнего — распишитесь.

Лева прочитал. Ничего неверного, кажется, не было записано, и он расписался.

— В следующий раз мы с вами побеседуем по главному вопросу: членом какой тайной организации вы являетесь, кто вас послал? Мы глубоко убеждены, что идея посещения, организация помощи, издание журнала "Вестник изгнанника" не могли исходить лично от вас. Тут есть сила, которая управляет вами. Ведь не мог же все это придумать один восемнадцатилетний мальчишка?

Лева сначала молчал, но когда его продолжали допрашивать насчет организации, "шайки", сказал, что все расскажет в следующий раз.

На следующем допросе присутствовал не один следователь, было все начальство. Все с интересом ожидали раскрытия тайны организации.

— Да, вы правы, — сказал Лева. — Вы правы: один я ничто. Я только посланник. Есть организация, только вы до нее не доберетесь.

— Доберемся, доберемся, — уверенно сказал один из присутствующих. — В каком бы городе ни была, раскроем

все равно.

— Я вам говорю, истину, — сказал Лева. — Организация находится на небе, и руководит ею Иисус Христос. Только он через Духа Святого послал меня на это дело.

Следователь сурово посмотрел на юношу, но в присутствии своих начальников не знал, как отреагировать на его слова. Наконец, он сказал:

— Если ты нам еще раз будешь говорить эту ерунду, то мы вот что сделаем: пустим тебя ангелочком и полетишь ты к своему Богу. Будем продолжать допрос, пока ты не сознаешься.

Медленно потянулись дни и недели так называемого следствия. Что ожидало его? Товарищи по заключению, которые интересовались ходом его допроса, только головами качали и говорили: "Ну, дадут тебе, парень, вышку, разве только глядя на молодость твою сжалются".

Лева читал Евангелие и оттуда вновь и вновь черпал слова ободрения и утешения. "Не бойся, малое стадо!" — слышал Лева слова Христа.

Сознание Левы в те дни как-то особенно раздваивалось: как только вместо Евангелия он брал в руки художественную литературу, начинал читать Тургенева, Лермонтова, словно кто-то его подменял. Читая классиков, он как бы утрачивал внутреннюю силу, какое-то беспокойство охватывало душу, темное, неизвестное, словно пропасть раскрывалась перед ним. Но стоило ему снова взять в руки Евангелие, как покой и тишина водворялись в душе.

Начались ночные допросы. Спрашивали о верующих — одних, других, и все пытались найти, кто же послал Леву. Возвратившись с допросов, Лева молился и все вверял Всевышнему.

А что делалось тогда в эти дни в стенах ОГПУ — страшно представить! Допросы шли день и ночь. Особенно врезалось в память Левы, когда однажды ночью его вели коридором, и вдруг выскочили следователи и закричали: "Зачем здесь этот заключенный! Уведите, уведите его!"

Потом привели какую-то женщину, а Леву поспешно отвели в камеру. Между заключенных все время ходили слухи, что немало людей здесь приговаривают и отправляют "на луну". Один лишь Бог знал, что и как было на самом деле. Судов не собирали, решение выносили особые люди на основании сугубо пристрастного и несправедливого рассмотрения дела обвиняемого. По существу, это был полный произвол.

Наконец, Лева предложили собираться с вещами.

— Куда, зачем? — подумал он. — Ведь обвинение еще не предъявлено.

Его перевели в Красноярскую тюрьму — ту самую огромную Красноярскую тюрьму, к которой он некогда подходил, чтобы передать заключенным передачу и попытаться получить с ними свидание. Но теперь он сам прибыл туда как узник.

Массивное каменное здание тюрьмы, несмотря на суровые сибирские морозы, совершенно не отапливалось. Говорили, что это было вызвано тем, что вышло из строя калориферное отопление.

Глава 7. Тюремная страда

*"Взирая на начальника и совершителя верь),
Иисуса, Который, вместо предлежавшей
Ему радости, претерпел крест..."*

Евр. 12:2

Огромная камера, в которую ввели Леву была переполнена. В помещении было очень холодно, так что снимать шапку и пальто не приходилось ни днем, ни ночью. А голод... Какой здесь был голод!.. Кормили очень плохо: знаменитая тюремная баланда, в которой плавали одна две картофелины, и сырой ржаной хлеб — настолько сырой, что из него по заказу тех, кто получал передачи, старые рецидивисты-умельцы лепили удивительные скульптуры, цветы, шахматы. Лева носила передачи сестра Л., но, находясь среди голодных, он не мог есть один, а тут же угощал окружающих. Белье на нем изорвалось окончательно. И вот, пользуясь тем, что в дни передач было разрешено отдавать белье в стирку, Лева передал сестре свои лохмотья, но назад их не получил: из какой-то полосатой розовой материи она сшила ему рубашку.

Тюрьма для Левы была тяжела не только голодом (хотя голод был такой, что кусочек сырого кислого ржаного хлеба казался лучше конфеты), не только прокуренным, тяжелым, вонючим воздухом — она была тяжела прежде всего зловонием духовно разлагающихся людей.

Чтобы забыться от тоски, от ужасов страшной действительности, чтобы чем-то развлечь себя, люди в тюрьме прибегают к анекдотам, самым грязным рассказам о женщинах. И здесь, в этой камере, среди множества воров и разных специалистов (инженеров, агрономов и вообще, как принято говорить, людей с высшим образованием), сидели некоторые из офицеров, которые попали в Сибирь еще при Колчаке и теперь, со значительным опозданием, расплачивались за свое участие в гражданской войне. Эти уже немолодые люди были развращены, что называется, до мозга костей. Во всем разуверившись, давно утратив даже подобие святого и чистого, что когда-то, возможно, наполняло их души, они были ходячими энциклопедиями разврата и всякой нечисти и, рисуясь и смакуя, употребляли все свое красноречие на то, чтобы рассказывать людям самые грязные истории...

В то время, о котором идет речь, в тюрьме не было никаких правил внутреннего распорядка. Спали кто когда хотел. Каждый делал, что хотел. Тюрьма была переполнена, и начальству было не до порядка. Днем еще было сносно: нередко пели обычные тюремные песни. Но когда наступал вечер и потом ночь, тюрьма начинала стонать.

Тюрьма стонала и сотрясалась от страшного, адского смеха. Лежа на полу, Лева старался заснуть, чтобы только не

слышать рассказываемых грязных историй. Он клал голову под подушку, чтобы хоть сколько-нибудь заглушить звуки доносимых грязных слов. С тех пор у него выработалась привычка — засыпая, класть голову под подушку. Иногда ему даже хотелось, чтобы он оглох — только бы не слышать всей этой пошлости и цинизма.

Один старый седой полковник, заметив отвращение юноши ко всем этим грязным, похабным историям, сказал:

— Так было и со мной. Первый год я не мог терпеть этой пошлости, на второй стал уже улыбаться, слушая анекдоты, а на третий — сам стал рассказывать их.

— Если бы вы были верующим христианином, — сказал в ответ Лева, — этого с вами не случилось бы. Взирая на Христа, на Совершителя веры, вы не заразились бы этой нравственной грязью.

Воры и старые тюремные рецидивисты, скуки ради, изощрялись в тюремных играх. В карты играли всюду. Тогда в этом никто не видел ничего предосудительного, хотя люди проигрывали и насущную пайку хлеба. Устраивались и различные типично тюремные игры, в которых живое участие принимали все находящиеся в камере заключенные.

Вот одна из игр, которые наблюдал Лева. Называлась она — "кота гонять". Ее проигрывали с каждым новичком, но Леву Бог хранил от того, чтобы кто-либо попытался сыграть с ним в эту игру.

Когда новичок входил, его знакомили со всеми. Казалось, никакой опасности ни в чем не угрожает ему. Затем ему объясняли, что в камере есть один парень, который рехнулся умом: все ищет, кто его предал, из-за кого он попал в тюрьму, чтобы того зарезать. Рассказывали, что он якобы зарезал уже нескольких человек, подозреваемых им в предательстве. Новичок невольно начинал наблюдать за этим парнем. Когда наступала ночь, парень доставал нож и принимался точить его. Новичок замечал, что тот, кто точит нож, то и дело бросает взгляд именно на него и начинал волноваться. Парень вскакивал, делал дикие глаза и с ножом устремлялся на новичка. Тут-то, собственно, и начиналось то, что дало название игре. Новичок бросался из стороны в сторону. Все, как бы сочувствуя ему, закрывали его, якобы стараясь образумить обезумевшего человека, уговорить его не резать беднягу. Новичок бросался к двери, пытался стучать, чтобы вызвать надзирателя, но — безуспешно: надзирателей в это время нет. Так продолжалось далеко за полночь, пока обезумевший от страха новичок не забивался в другой угол нар и там в страшном трепете проводил ночь. Наутро ему объясняли, что это — шутка, не более, чем простая игра.

Эта и подобные "игры" доставляли заключенным большое удовольствие. Для них это издевательство над человеком, превращение новичка в подопытного кролика было не более, чем забавным зрелищем, и никто не высказывал сожаления о новичке. А тот мучился страшно, казалось, он вот-вот поседеет от ужаса.

Лева с отвращением смотрел на все это. Но в этой огромной камере он был всего лишь маленькой песчинкой, у него не хватало ни сил, ни воли, чтобы подать свой голос и прекратить это безобразие.

Так же, как синий, тяжелый махорочный дым наполнял камеру, точно так же в воздухе висел ужасный трехэтажный мат, то есть самое зловонное сквернословие. Как поется на этот счет в одной тюремной частушке:

Сверху донизу — кругом
Всюду кроют матюком.

Рецидивисты, которых было много в тюрьме, находясь в добродушном настроении и говоря о самых простых вещах, осоляли свою речь не добрым словом, а смертоносным ядом самых изощренных, изысканных ругательств, без которых они просто не могли выразить свою мысль.

И удивительно, но ставшие здесь интеллигенты, люди с высшим образованием (а их в камере было много — и молодых, и старых) вместо того, чтобы бороться с этой всепропитывающей похабщиной, сами начинали злостно ругаться, подбирая соответствующие своему развитию самые что ни на есть циничные сквернословия. И надо прямо сказать: Леву мучил не столько голод (хотя он там страшно голодал и все время ощущал желание есть), укусы вшей и ледяной холод промозглой неотапливаемой тюрьмы, сколько это спертое зловоние, в которое он был погружен, — атмосфера ада и человеческого разложения.

С теми, кто был рядом с ним, он беседовал, рассказывал о Спасителе, читал Евангелие. Но, увы! Тот маленький луч, которым Лева пытался осветить эту тьму, не был в состоянии рассеять ее.

— Боже. Боже, — думал он. — О, если бы, наконец, Ты послал Своих тружеников в эти страшные тюрьмы, где порок и грех, неверие и зло тесно сплелись в один клубок человеческих страданий...

Он вспомнил, что когда-то слышал о добром дедушке Бедекере, который разъезжал по царским тюрьмам и каторгам и везде проповедовал Христа, раздавая арестантам и каторжанам Евангелие. Где эти дедушки теперь? Их нет. Да и никто не пропустит за железные двери, за колючую проволоку вестников любви Христовой.

Но вдруг словно завеса спала с его глаз. Он словно увидел перед собой не одного дедушку Бедекера, а сотню, тысячи дедушек, мужчин средних лет, юношей, дорогих братьев, которых ввел Господь в это дно человеческого общества, и среди многих страдальцев Христа, которым надлежало быть живыми свидетелями для спасения грешников в этих тюрьмах и лагерях, он увидел и себя — ничтожную, мелкую песчинку.

— О, Господи, дай мне быть крупницей соли, — молился он. — Дай, чтобы через меня Твой чудный свет проник в сердца этих несчастных людей.

Временами тюрьма начинала петь. Тогда не запрещалось никакое пение в любое время суток, и люди, измученные и истрадававшиеся, подхватывали старинные тюремные песни и пели, вкладывая в них всю тоску безысходной грешной души.

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной

Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

Шумит, бушует непогода,
Далек, далек бродяги путь.
Укрой тайга его глухая:
Бродяга хочет отдохнуть.

Там далеко за темным бором
Оставил родину свою,
Оставил мать свою родную,
Детей, любимую жену.

"Умру, в чужой земле зарюют,
Заплачет маменька моя,
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда.

Люди пели, словно стонали, и боль за русский народ, который ушел от Бога, не знает отдыха, облегчения и строит тюрьмы своим падшим братьям, наполняя сердце Левы глубокой скорбью.

А арестованные пели известную песню, сложенную еще в 80-е годы прошлого столетия:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащится с сумой на плечах.

Идет он густою тайгою,
Где пташки одни лишь поют.
Котел его сбоку тревожит,
Сухие коты ноги бьют.

На нем рубашонка худая,
Со множеством разных заплат,
Шапчонка на нем арестанта
И серый тюремный халат.

Бежал из тюрьмы темной ночью,
В тюрьме он за правду страдал —
Идти дальше нет больше мочи,
Пред ним расстился Байкал.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет
И грустную песню заводит —
Про родину что-то поет:

"Оставил, жену молодую —
И малых оставил детей,
Теперь я иду наудачу,
Бог знает, увижусь ли с ней!"

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
"Ах, здравствуй, ах здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец, хочу знать".

Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землею зарыт,
А брат твой далеко в Сибири,
Давно кандалами гремит.

Пойдем же, пойдем, мой сыночек,

Пойдем же в курень наш родной,
Жена там по мужу скучает
И плачут детишки гурьбой.

Какую тюремную песнь ни запеть, в каждой чувствуются слезы, боль и стоны. Лева думал про себя: "Если бы я был певец! Я бы сейчас им спел, но спел иное, лучшее". Сидевший рядом в огромной черной шубе бывший директор одного из совхозов повернулся к нему и спросил:

— Что же ты не поешь? Ведь все поют...

— У меня песни другие, — ответил Лева.

— Это какие?

— А вот я вам не спою, а продекламирую одну,

— Слушаем! Слушаем! — сказали сидевшие рядом. И зазвучал обращенный к ним громкий, внятно льющийся юный голос:

Мир вам, рабы и пленники сомненья,
Усталые от сбивчивых путей!
Вы шли вперед на пышные виденья,
И вот пришли вы к кладбищу костей.

Вы изменили путь, но, к изумленью,
Приведены вы к бездне роковой,
И вы не видите пути к спасенью,
И стонете болезненной душой.

Мир вам, кто плачет в горьком сокрушенье
О тягостном грехе протекших дней!
Скорбите вы, что жизни прегрешенье
Не в силах правдой искупить своей.

Что грех ваш слишком тяжел, а Властитель
И слишком справедлив, и слишком свят,
Друзья, познайте же: вам дан Спаситель,
А Он сильнее, чем грех, иль смерть, иль ад.

Заключенные внимательно слушали Левину декламацию. Директор совхоза, тяжело вздохнув, смахнул с глаз слезу. Это был плотный, упитанный мужчина. Он, видимо, очень тяжело переносил заключение, ни с кем почти не разговаривал, только очень часто протискивался к окну и мурлыкал про себя песню:

Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?..

Никто не знал, в чем его обвиняют (он ни с кем не делился), но было видно, что он не ждет от следствия светлого исхода. Когда Лева говорил ему о Христе, который пришел, чтобы дать измученным свободу, директор слушал, но не говорил ничего — ни за, ни против.

Зная историю Левы, он качал головой, в словах его сквозило сочувствие:

— Пропадешь, пропадешь ни за что! Сейчас такой век — не до гуманности, не до добрых дел...

Некоторые, не выдерживая следствия и тюремных условий, начинали заговариваться. Но это не вызывало чувства сострадания к ним со стороны окружающих. Наоборот, над ними смеялись.

Был в Левиной камере один молодой еврей. В его уме на почве тяжелых переживаний все перепуталось, и он вообразил, что дело его закончено и его вот-вот должны освободить, выпустить на свободу. Каждое утро он вставал, упаковывал свои вещи и направлялся к двери камеры. Там он стоял часами с мешком за плечами, ожидал что двери откроют и он выйдет на свободу. Как только слышались шаги надзирателя, арестанты кричали:

— Открывай, открывай! Тут у нас один на свободу должен выйти! Слыша сильный шум, надзиратель открывал дверь, бедный еврей смело шагал в коридор, воображая, что это его выпускают.

— Куда прешь? Куда прешь? — кричала тюремная стража и кулаками вталкивали помешанного назад. В камере раздавался дружный хохот. Люди, живые люди, потеряв самое дорогое — сострадание к ближнему, искали лишь повода для веселья, забвенья собственных мук.

Наблюдая все это, зная, что жизнь там, на воле, тоже погрязла в грехе, Лева чувствовал, как все дороже, все ближе становится ему Иисус Христос. Он не отвернулся от этого падшего, несчастного мира, забывшего о Боге, но пришел, чтобы взыскать и спасти погибших.

Тюремным врачам, иногда входившим в камеры, заключенные жаловались на холод, просились в баню: мол, заели вши. Того же, кто говорил, что нездоров уводили в амбулаторию. Левиного соседа по камере часто забирали на лечение. Вскоре распространился слух, что он болен сифилисом. Многие отвернулись от этого арестанта, старались держаться подальше от него. О сифилисе Лева знал, что это страшная заразная болезнь, но когда больной сосед

попросил у него кружку, чтобы попить, юноша, не колебаясь, дал ее. Правда, эту кружку Лева после долго мыл: тоже боялся заразиться. Но в отличие от своих соседей по камере он сознавал, что как бы ни был болен человек, духовно или физически, он не может не оказать ему любовь, а тем более унижить. Лева знал, что Иисус на его месте не мог бы поступить иначе.

И вот для заключенных организовали баню. Что это было за удовольствие! Заработала дезинфекционная камера, или, как проще и яснее называли ее заключенные, вошебойка. Каракулевый воротник пальто Левы после прожарки потрескался и стал ломаться, но Лева не жалел об этом: воротник был весь полон гнидами.

Вши стали кусать меньше, а вот для отправления естественных надобностей заключенных перестали водить в уборную (раньше эта процедура осуществлялась дважды в сутки), а поставили прямо в камеру зловонную бочку — парашу. Новый порядок установился после того, как однажды на верхнем этаже тюрьмы от мороза лопнули трубы и нечистоты полились на заключенных, которые в этот момент находились в нижней уборной.

Умывальника в камере не было, и арестант из кружки набирал воду в рот и лил ее себе на руки, намывивал руки, снова пускал изо рта струю воды и таким образом умывался. Леву давно мучила мысль, что он не служит ближним, не делает доброго. И вдруг его осенило. Юноша стал вставать раньше всех и, когда начинали умываться, уже стоял у параша, подавая из кружки всем на руки воду. Некоторые отказывались, но потом сокамерники привыкли к его помощи и благодарили за эту маленькую услугу.

Это было очень маленькое дело — стоять у зловонной бочки и помогать людям умываться. Но и оно наполняло сердце Левы радостью. Он получил возможность хоть чем-нибудь да служить ближнему!

Но пришел день, когда Леву выкликнули из камеры.

— С вещами? — спросил он.

— Да, с вещами, — раздалось ему в ответ.

— Куда, зачем? Господи, Ты все знаешь. Да будет воля Твоя!

Глава 8. Снова следствие

"Помилуй меня, Боже! ибо человек хочет поглотить меня; нападая всякий день, теснит меня".

Пс. 52:2

Леву вывели из тюрьмы и под усиленным конвоем повели в центр города, в ОГПУ. Там был произведен тщательный обыск, во время которого Лева молился об одном: чтобы Господь сохранил с ним Евангелие. И Евангелие не отобрали.

Опять знакомые камеры. Вызвали на допрос.

В кабинете следователя сидело несколько человек. Все они как бы сочувственно посмотрели на Леву.

— Похудел ты, осунулся, слушай-ка...

— Питание неважное в тюрьме, и воздуха нет, — сказал Лева.

— Ну, а разве на прогулку вас не водят?

— Да мы не просимся, — ответил Лева. — В тюрьме холодно, не топят, а снаружи совсем мороз — зима...

— Да, морозы у нас в Сибири крепкие, — согласился следователь. — Вы первый год с ними знакомитесь?

— Да, — ответил Лева. — у нас, в России, нет таких холодов. Здесь на морозе как будто дух захватывает...

— Но зато у нас при морозе ветров нет, — голос следователя зазвучал тише, человечнее.

В это время в комнату вошел высокий, статный военный. По тому, как все находившиеся в кабинете разом подтянулись, Лева догадался, что это начальник. (Кубики и ромбы, которые были тогда на обмундировании работников ОГПУ, Лева "читать" не умел.) Начальник внимательно посмотрел на Леву и сказал:

— Мне просто хочется поговорить с вами по душам. Познакомился с вашим делом — и вижу, что вы настоящий верующий. А вот я настоящий неверующий, ни в какого бога не верю, и мне совершенно непонятно, как это вы, молодой человек, воспитанный в советской школе, верите в Бога. Я знакомился с вашей биографией, мне понятно, что веру в Бога, преклонение перед учением Христа вам помогли внушить родители, окружающие вас верующие люди. Но вы уже вступили в жизнь, вы уже не ребенок. Я думаю, практика жизни должна открывать вам глаза, что никакого бога нет. Вы парень неглупый, давайте с вами разберемся, и вы увидите на фактах своей жизни, что вы заблуждаетесь. Не возражаете со мною побеседовать?

— Нисколько не возражаю, — сказал Лева. — Я всегда готов дать ответ в своем уповании. — И Лева внутренне помолился Богу, что бы Он дал ему мудрость не огорчать начальства, а открыть ему, как он может, Бога. Будем говорить просто, без всякой философии, — повел начальник начавшийся разговор.

— Вот вы мне скажите, чем для вас является Бог, как Его лучше охарактеризовать?

Бог, — ответил Лева, — это прежде всего любящий Отец Небесный.

— Так... — молчание собеседника длилось секунду. — Значит, вы говорите, отец?

— Отец — это хорошо, и все люди знают значение этого слова.

— Так вот, вы скажите мне про вашего Небесного Отца: Он всесильный?

— Да, всесильный, — сказал Лева.

— Он вселюбящий?

— Да, вселюбящий.

— Он всезнающий?

— Да, всезнающий.

— Так вот, мне совершенно непонятно, — заключил начальник. — Я смотрю на вас и думаю: вы его дитя, а Он вам Отец. Как Он допускает, чтобы вы сидели в тюрьме в таких ужасных условиях? Подумайте! Ну, допустим, что Он вселюбящ. Он любит вас, значит, хочет вам добра и хочет вас, конечно, освободить из тюрьмы? Ну, может быть. Он вселюбящ, но просто Он не всезнающ. Он не знает, что вы сидите в тюрьме, что вы страдаете. Ну, допустим, вы утверждаете, что Он вселюбящ и всезнающ, то тогда разрешите сказать вам: не всеильный. Он вас любит. Он знает, что вы в тюрьме, но Он не может освободить вас из тюрьмы. Выходит, Он не всеильный, мы сильнее Его...

Доводы начальника ничуть не смутили Леву.

— Для Всемогущего, — сказал он, — ничего не трудно. Он допускает эти мои страдания, как нечто лучшее, как определенные трудности, которые принесут добрые плоды. Написано: "Ибо, если угодно воле Божией, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые". Я верю, что без воли Господа и волос с головы не упадет, и эти трудности, даже если бы пришлось потерять здоровье и жизнь, ничто по сравнению с тем, что ждет верующего христианина впереди.

Начальник задумался, посмотрел на Леву с каким-то сожалением, потом встал и сказал:

— Знаешь что? Я сам отец, у меня есть дети. Так вот что, я никогда бы не допустил, чтобы мой сын попал в тюрьму. Я знаю, что значит тюрьма, в которой ты сидишь. Я отец и приложил бы все усилия, чтобы освободить своего сына. Я не понимаю твоего Бога Отца...

Лева чувствовал, что начальник говорит искренно. Ему хотелось еще сказать ему, о любви Бога, о том, как Он не пожалел Единородного Сына, но отдал, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Но начальник больше разговаривать не стал, ушел.

Следователь сказал, что дело Левы по-прежнему остается для них неясным. Они, как и раньше, считают, что существует организация, которая направила Леву для материальной и моральной помощи ссыльным сектантам, что им нужно распутать весь клубок и детально выяснить, где, когда, с какими верующими Лева встречался и что они говорили.

— Начнем с вашей встречи с благовестницей евангельских христиан Бруншвит, Вы знаете, кто она?

— Знаю, что она сестра верующая. Я был у нее всего одну ночь, видел как она молилась, видел, как она читала Слово Божие, слышал как она читала присланные ей письма от братьев. Она — искренняя христианка.

— А вы знаете, кто она в прошлом?

— Абсолютно, не знаю. Могу только предполагать, что она была грешница, как все люди, а потом спасена Христом.

— А какие антисоветские разговоры вы с нею вели?

— Абсолютно ни одного слова. Она говорила, что глубоко исследует Слово Божие, написала статью об освящении и хочет всячески, чтобы люди жили в мире, в любви, Она верит, что Евангелие — самое дорогое для народа, так же верю и я. И она надеется, что Евангелие будет распространяться среди русских. А против власти — я твердо знаю — в ней нет ничего, и быть не может, потому что, будучи христианкой, живя по слову Божию, она покорна правительствующим, ибо сказано: будьте покорны всякому человеческому начальству.

— Мы не можем допустить, чтобы те лица, которые сосланы, арестованы за антисоветскую пропаганду, были искренно расположены к нашей власти.

— О, не сомневайтесь! — воскликнул Лева, — Все мы за вас молимся и нисколько не обижаемся, что вы нас арестовываете, так как сознаем, что в этом есть определенный план Божий и Господь через все это только покажет славу Свою.

— Вы удивительный человек — фанатик, с вами никак не договоришься... Ну еще, еще подумайте, посидите, может быть, очнетесь.

Леву увели, и снова он среди людей волнующихся, удрученных допросами, не имеющий надежды на будущее...

И опять Лева открывает дорогое Евангелие, и снова он на зланных пажитях, у тихих и дивных вод, и добрый Пастырь стоит так близко около него, и Его пронзенная рука касается сердца Левы и успокаивает. И эта тишина, этот покой, очевидно, отражался на лице Левы.

Однажды к Леве подошел старик, бывший офицер царской армии:

— Молодой человек, смотрю я на вас и удивляюсь... Все мы так переживаем, мечемся. Вот я, старый вояка, бывал на фронтах и под пулями. А попал сюда — и не могу быть спокойным, так как понимаю: "Эх, яблочко, куда котишься, в чрезвычайку попадешь — не воротишься". Где же источник вашего спокойствия? Ведь вам и днем покоя не дают и по ночам вызывают.

Лева открыл любимую книгу и прочитал: "Если я пойду и долиной тени смертной, не убоюсь зла, ибо Ты со мною, Твой жезл и Твой посох, они успокаивают меня".

— Да, — сказал старик, — вера — великое дело, а у нас ее нет. Жизнь прошла, как и не жил: одни гулянки да невзгоды, войны... Ничего хорошего, и впереди только гроб.

И таких, как этот бывший военный, Лева видел всюду и, видя их, все более и более дорожил тем, что имел, что переплавлялось в этом горниле в то, что дороже золота, огнем очищенного...

Недолго сидел в камерах ОГПУ Лева. Его опять перевели в тюрьму. Снова потянулись длинные; однообразные дни в огромной камере Красноярской тюрьмы. Но они почти сразу оборвались, и Лева снова очутился в подвалах ОГПУ. Снова последовали допросы.

Допрос велся о каждом месте, где он был.

Когда Леву спрашивали о нем самом, он свободно, легко рассказывал. Но когда его расспрашивали о различных верующих, особенно о тех, с кем он соприкасался, старался говорить меньше. Он знал, что на каждого верующего всеми путями стараются собрать как можно больше материала и при случае обвинить и засудить. Но сказать: "Я говорю только о себе, а на вопросы о других отвечать не буду", — такая мысль ему в голову не приходила. Ему все казалось, что если люди разберутся, то правда восторжествует. Ведь между ними абсолютно ничего плохого против власти не было. Пусть изучат все подробно и убедятся сами, что верующие — совсем не антисоветски настроены, а такие же труженики, честные строители общества, как и другие советские люди.

К чести следствия нужно отметить, что со стороны следственных органов в деле Левы не было попыток как-либо исказить его показания. Следователь никогда не кричал, не топал ногами, не стучал кулаком по столу, но вел допрос серьезно, деловито, стараясь выяснить поставленные перед ним задачи. Во все время следствия Лева не слышал от работников ОГПУ матерщины. В общем и целом о чекистах, которые трудились в те годы, Лева, как это ни покажется странным, сохранил самое доброе воспоминание. Он не знает: может быть, Бог в их сердцах сделал так, что никто из них не тронул его пальцем, никто из них никак не мучил его. Он не знает, как относились они к другим подследственным, но во всяком случае готов засвидетельствовать, что и от других подследственных, с которыми Лева приходилось сидеть, он не слышал, чтобы работники ОГПУ издевались, унижали их личность или пытали их. Главное же, для юноши заключалось в том, что его душа всегда молилась за тех, которые держали его в тюрьме, вели следствие и желала им только добра, еще раз добра и самого существенного — спасения во Христе.

Однажды, когда Леву из камеры ОГПУ вели на допрос, он, взглянув на лестницу, ведущую на этаж, где были верхние камеры, увидел женщину-заключенную, несущую дрова. Это была Клавдия Петровна Левашева — та самая, с которой они ходили когда-то с передачами в Красноярскую тюрьму, что приютила его, когда у него были разбиты ноги и его искали, та, которая носила ему теперь передачи в тюрьму. Значит, ее тоже арестовали, значит теперь верующих повсюду сажают... Сердце Левы заболело, заныло.

— Боже мой! Боже! Что же делается! Что же делается! Его взяли за помощь заключенным, ее взяли за то, что она отдавала все, чтобы помогать гонимым страдальцам...

На одном из допросов он не выдержал и сказал, что видел арестованную сестру и выразил негодование по поводу ареста этой простой, милосердной женщины.

— Придет время — всех поарестуем, — резко сказал следователь. Но увидел взволнованное Левино лицо и, смягчившись, добавил:

— Да вы не волнуйтесь, мы ее уже освободили. Только теперь она поняла, что таскать передачи вам не следует.

Вскоре, будучи снова переведен в Красноярскую тюрьму, Лева узнал, что следователь оказался хозяином своего слова: Клавдия Петровна была действительно освобождена.

Как он об этом узнал? Просто она вскоре снова принесла ему передачу...

Глава 9. Обвинение

*"Кто будет обвинять избранных Божьих?
Бог оправдывает их".*

Рим. 8:33

Леву, все время, что называется, таскали: то из тюрьмы в подвалы ОГПУ, то обратно. Это частое таскание утомило Леву. Особенно обыски, которые неизбежно сопровождали каждый этап. Однажды он видел сон: перед ним какой-то длинный-длинный подвал, по бокам вдоль стен какие-то полки, как в большом магазине.

Пришло время, его вызывали еще раз, чтобы из тюрьмы перевести в ОГПУ. Но на этот раз в камеру не посадили, а повели вниз, под главное здание, и когда открылась дверь — перед ним был как раз тот самый подвал, который он видел во сне.

Снам Лева обычно особого значения не придавал. Но знал из Писания, что иногда они бывают от Бога и человек видит, что его ожидает, ту обстановку или получает от Бога то или иное вразумление.

В этом подвале, который до этого Лева видел только во сне, он ночевал совершенно один. Спал на одной из полок. Утром его вызвали к следователю. Следователь сказал, что следствие окончено и его обвиняют по 58-й статье уголовного кодекса, пункт 10, часть 2.

— Что это означает? — спросил Лева.

Следователь достал Уголовный кодекс и прочел. Из прочитанного Лева понял, что его обвиняют в том, что он с целью свержения существующего строя использовал религиозные предрассудки масс и вел антисоветскую агитацию.

— Я вам дам прочесть обвинительное заключение, — сказал следователь и подал лист бумаги. На этом листе Лева прочел, что он, будучи евангельским христианином-баптистом, разъезжал по Средней Азии и Сибири с целью организации моральной и материальной помощи ссыльным, заключенным сектантам, что он утверждал, что советская власть "устраивает гонения на верующих и сажает за веру людей", что хотел организовать выпуск журнала "Вестник изгнанника" для заключенных сектантов, чтобы информировать их о положении верующих в Советском Союзе и всячески ободрять их.

Когда Лева прочел написанное, следователь спросил, признает ли он себя виновным, на что юноша уверенно произнес:

— По предъявленной статье признаю себя совершенно невинным.

— Как же вы признаете себя невинным? Ведь то, что предъявлено в обвинении, вы не отрицаете, и это доказано

следствием?

— Но вы поймите, поймите, — умоляюще сказал Лева, — я абсолютно ни одной мысли не допускал даже, чтобы свергать существующий строй. Я ведь ни одного слова не сказал против власти и не могу говорить. Ведь я стараюсь поступать всегда по Евангелию, никогда и нигде не использовал, как вы выражаетесь, "религиозные предрассудки" масс во вред советской власти. Это абсурд, — такая статья, она совершенно ко мне не подходит.

— Так вы считаете, что посажены невинно, что страдаете за веру?

— То, что здесь написано в моем обвинении, что я посещал ссыльных и заключенных — это факт. Я это исполнял по вере в Слово Божию. То, что оказывал этим заключенным любовь, — тоже по слову Божию. Я убедился, что верующие не вели никакой антисоветской агитации, а посажены несправедливо, — это факт, и требуется пересмотр их дел чтобы они были освобождены. И их освобождение будет только ценно для советской власти, так как снимет пятно вины с правосудия. Ну, а то, что я намеревался издать журнал, но, к сожалению, не успел это сделать, — верно, но и в нем антисоветского ничего нет, и быть не могло. Если у вас есть какая другая статья, чтобы судить меня за исполнение Слова Божия (а это именно то, что я делал), то, пожалуйста, судите. А только 58-я статья ко мне совсем не подходит, Я совершенно невиновен по этой статье.

— У нас есть юристы, есть прокуратура, они знают, кому какую статью предъявить. А ты не юрист, плохо в том разбираешься, поэтому должен понять, что согласно твоим деяниям к тебе как раз подходит 58-я статья. Вся твоя деятельность является контрреволюционной, антисоветской, и хочешь не хочешь, но ты враг наш, враг народа.

— Ну как хотите, только врагом я никогда не был и не буду, никакой антисоветской агитацией не занимался и заниматься не стану. И никогда не перестану молиться о вас, как о правительствующих, ибо нам заповедано Евангелием совершать прошения и моления за всех людей — как самых обыкновенных, так и тех, кто приближен к власти предрержащим. Только в этом случае христианину завещана жизнь тихая и безмятежная, ибо это хорошо и потому угодно Спасителю нашему — Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины.

— Ну, хватит, хватит, ты мне свое Евангелие не проповедай, — сказал следователь. — Все твои дела мы направляем в Иркутск, в полномочное представительство ОГПУ Восточно-Сибирского края. Не Бог, а люди будут решать твою судьбу — советское правосудие,

— Ну, а когда же состоится суд? — спросил Лева.

— Никакого суда не будет. Твое дело относится к категории таких, где все ясно, и потому никакой защиты и обвинения не требуется. Соответствующие уполномоченные лица, чекисты, рассмотрят те материалы, которые мы им дадим, и вынесут верный и справедливый приговор.

— И когда же мне ждать окончательного решения? — но Левин вопрос так и остался без ответа.

Глава 10. В ожидании приговора

*"И ныне чего ожидать мне, Господи?
Надежда моя на Тебя".*

Пс. 38:8

Потянулась, медленно потекла тюремная жизнь: та же огромная камера, те же люди, тот же голод, только более острый, потому что чем больше человек слабеет, истощает собственные запасы тела, тем сильнее ему хочется есть. Холод не воспринимался юношей как более сильный потому, что ослабевший организм перестал его ощущать. Тюремные нары в основном были заняты рецидивистами, преступным миром всевозможных категорий. Лева пришлось спать на полу. Он вытаскивал руки из рукавов пальто, весь сворачивался в комок, плотно запаковывал себя в пальто и засыпал, обогреваясь собственным дыханием.

Однако душа юноши не застывала в этом холоде греха и разложения. Он часто молился — дышал горным воздухом небес, и это давало ему силу жить, А главное — Слово Божие, Евангелие — оно было с ним.

Вновь и вновь погружался он в музыку псалмов Давида. Теперь они не читались, а переживались. Лева припомнил, что, когда его исключили из школы, он учился на курсах пчеловодства, садоводства и огородничества, они проходили практику в садах. Лева носил тогда с собой красиво изданный миниатюрный псалтырь. В свободные минуты отдыха он читал его, старательно вникая в псалмы. Однако, несмотря на все его желание познать глубину псалмов, они были как-то своеобразно недостижимы для него: он ощущал красоту их умом, но не сердцем. Теперь же, когда он проходил жестокую практику жизни, псалмы вошли в его сердце. Они словно стали его собственными, и ему отчетливо стало ясно, почему его предки, гонимые молокане, молились псалмами. В их страданиях, в их тяжелых бедствиях псалмы были так близки им, и они, обездоленные, гонимые, вопияли к Богу, молясь со слезами псалмами Давида. Так и Лева, не просто читал псалмы, а взывал ими к Богу всем своим существом.

— Что же ждет его впереди? Какой бы ни дали ему срок, здоровье уж подорвано. А он знал и слышал, как суров, как жесток режим этих, как их скорее в насмешку, чем всерьез, называли, исправительно-трудовых лагерей. Кого и как они "исправляли"?

Лева не мог не думать и о другом. Кто знает, какой будет приговор? Быть может, придется уйти из жизни...

Ведь в перечне мер социальной защиты по второй части 10-го пункта 58-й статьи значилась и высшая мера — расстрел. И лишь при смягчающих обстоятельствах был оговорен срок заключения не ниже десяти лет.

Давно Лева не имел никаких вестей с Волги, не знал, что с мамой, с семьей, не знал, что с отцом и что вообще произошло за те месяцы, когда он находится под следствием: он был лишен всякой переписки... И снова один и тот же неотвязный вопрос: что его ждет?

Этот вопрос беспокоил не только его лично, но и любого из заключенных, у кого следствие было закончено и они ожидали решения без суда. Все они были как-то особенно задумчивы, чутко прислушивались к каждому стуку. По ночам ожидающих приговора внезапно вызывали. Куда? Зачем? В этап или еще куда — никто не знал. Они уходили и навсегда исчезали для товарищей по камере.

Много легче было, когда вызванному тут же объявляли приговор со сроком и тут же переводили в другую камеру — для этапа. Уголовникам было лучше всех. Они ждали суда, уходили на суд, и потом, обычно уже в тот же день, получали приговор и возвращались в камеру осужденных. Сидевшие с ними друзья быстро узнавали, кто какой срок получил. Иногда ожидающих приговора по 58-й статье вызывали с вещами и днем, и они исчезали в неизвестности.

"Только в Боге успокаивается душа моя" — думал Лева, глядя на окружающих. Ему вспоминались родные евангельские гимны, и, тихо напевая их, он ощущал прилив бодрости, силы, а когда он пел о Небесной Отчизне, его сердце ощущало новые, потоки любви. Вспомнился Лева и гимн, который, бывало, на собрании, перед его открытием, всегда предлагал спеть брат Ладин, старичок, тоже изведавший узы неволи:

"В край родной, в край родной,
В край родной страны,
В край мира, счастья, тишины
Стремлюсь я всей душой!

Ведь мир — не родина моя,
Ему душа чужда.
На небе дом мой и друзья,
Стремится дух туда!

К небесам, к небесам
Я поднял свой взор,
Я знаю, много близких там,
Я в мире до сих пор,

Жесток здесь бой, дни тяжелы,
И страшно мне в борьбе,
Темно среди греховной мглы
В скитальческой судьбе.

Недалек, недалек,
Злой борьбы конец.
Уж слышу песен я поток —
Идет к борцам Отец.

Чего глаз смертный не видал
И в мыслях не имел,
О чем я слухом не слыхал —
Там будет мой удел!

Надежда, вера и любовь, характерные для церковных песнопений окрыляли душу Левы. Мирские же, особенно тюремные, песни своей безысходной тоской навевали грусть. Такую безысходно тоскливую песню пели, например, заключенные в ожидании приговора:

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла;
Своему родному сыну
Передачу принесла.

Передайте хлеб сыночку,
А то люди говорят,
Что в тюрьме всех за решеткой
Часто голодом морят.

Тут привратник улыбнулся:
"Твой сыночек осужден,
Осужденный прошлой ночью
На покой отправлен он.

Его чехи расстреляли

У тюремной у стены.
Когда приговор читали,
Знали звездочки одни".

Пошатнулась мать-старушка,
Покачнулась, слегла —
У привратника невольно
С глаз скатилась слеза.

"Передайте, я купила
На последние гроши
Передайте заключенным
На помин его души".

Со слезами мать-старушка
От ворот тюрьмы пошла.
И никто про то не знает,
Что в душе она несла.

Сколько безутешных матерей, разбитых семей! Кому же назначено утереть эти слезы, утешить, дать радость? И в душе Левы зазвучал ответ:

Христос лишь Один,
Христос лишь Один
Утешит Он тебя...

Ожидающим приговора давали читать книги из тюремной библиотеки. У Левы особый интерес вызывали произведения Н. С. Лескова. Этот писатель не просто описывал окружающее, чаще всего простонародную среду, в чем остро ощущалась обостренная симпатия ко всему доброму и светлому в людях. Мир верующих, ищущих истину, был особенно близок Лескову, и писатель старался показать ценность добрых дел на фоне серой, однообразной жизни. Вот если бы все писатели обладали присущей Лескову глубиной и основательностью, — думал Лева, — они смогли бы передать миру, как велик Бог, как хорошо, живя в любви, нести добро людям.

— Конечно, — мысли Левы сделали грустный поворот, — мне-то, видимо, осталось жить недолго, может быть, всего несколько месяцев... Но как хочется передать людям хоть немного из того, что я испытал в свои восемнадцать лет, убедить их, как чудно и дивно Бог ведет того, кто решает исполнить хоть толику из завещанного Им...

Дни тянулись однообразно и тоскливо. Подъем, утренняя уборка, выход на opravку, утренний чай, затем обед, ужин, поверка и ночь. Но в воздухе уже чувствовалась весна. Окна приносили запах тающего снега. Скоро будет тепло. А ожидаемого результата — нет, как нет! Уже многие из тех, что сидели с Левой и у кого следствие было окончено, одновременно с ним, получили срок (обычно он тянул на пять или десять лет, редко кто был осужден на три года) и были переведены в камеру осужденных. Случаев оправдания осужденных во время следствия без суда практически не было. Каждый, получив свою "порцию", направлялся в лагерь. Не ждал оправдания и Лева. "Да будет Твоя воля, Господи!" — смиренно уповал он...

Невольно мысли неслись вперед: если осудят, куда направят? Может быть, на Соловки? А там дорогие братья: Витя Орлов, Петя Фомин, Миша Краснов. Вот была бы встреча! Леве вспомнилась еще одна тюремная песня:

Соловки вы, Соловки,
Дальняя дорога!
Сердце ноет от тоски,
На душе тревога...

Да нет, говорят, в Соловки теперь уже не отправляют, теперь здесь, в Сибири, организовали огромный Сиблаг. Он ведет большие стройки и поэтому особенно, нуждается в дармовой рабочей силе. Но вопросы, касающегося места отбывания срока, по сути говоря, мало волновали Леву. Все свои тревоги и беспокойства он передал Всевышнему, ибо сказано в Слове Божиим: "Не заботьтесь ни о чем, открывайте свои желания перед Богом".

Ну, а если расстреляют? Умирать не хотелось, хотелось пожить еще — хотя бы для того, чтобы рассказать людям, как дивно идти за Христом не на словах только, а на деле. Ну, а потом? Потом можно и домой...

Глава 11. Прославить Бога

"... Давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога".

Иоан. 21:19

Вся жизнь искренне верующего человека должна быть посвящена прославлению Бога. Однако не только жизнью

своей славит Бога христианин, но и своей кончиной. Первые христиане слагали хвалу Господу не только своей верностью, добрыми делами, любовью к ближним, сама их смерть была также прославлением Всевышнего. Апостолу Петру было сказано, что он прославит Господа не только тем, что будет пасти овец Его, но и тем, как умрет. Некоторые спрашивают: могут ли люди, которые свою жизнь не прославляли Бога, прославить Его своей смертью? Да, могут. Но лучше, если мы являемся достойным Его благоуханием и в жизни, и в смерти.

В один из дивных ранних весенних дней, когда природа только готовилась ожить от глубокого зимнего сна, когда особенно приятно грело солнце, а его лучи проникали в камеру сквозь решетку и арестанты чувствовали их нежное и ласковое тепло, раздался голос надзирателя:

— Смирнский, собирайся с вещами!

— Ну, сейчас вам срок объявят, — говорили заключенные. — Не унывайте, много не дадут. Впрочем, все может быть...

В канцелярии тюрьмы Леву ждал особый конвой. Приговора не объявили. Но конвой расписался у тюремной администрации, что забирает заключенного. Лева ожидал, что, его, как всегда, по правилам конвойного устава, тщательно обыщут, но на этот раз обыска не было никакого. Юношу вывели за тюремные ворота, и на него остро пахло весной. Весна — пора пробуждения, когда особенно призывно манят животворящие соки земли. Весной все хочет жить. А что ждет его, Леву? Почему до сих пор не объявили приговор? Куда его ведут?

— Вперед, не оглядываться! — жестко прозвучала команда. Но, не обращая внимание на то, что оружие у конвоиров было наготове, Лева на миг оглянулся. Боже мой! У тюремных ворот стояла сестра — та самая неутомимая сестра Клавдия Петровна, которая, несмотря на перенесенные испытания, продолжала заботиться о заключенных. Видимо, она принесла Лева передачу.

Юношу повели. Сначала окраиной, потом завернули в сторону. Оглянувшись, Лева увидел, как, крадучись, хоронясь за заборами, следовала за ним сестра. Куда же его ведут?

Пройдя еще несколькими небольшими улицами, конвоиры вывели заключенного к полю, потом вдруг круто повернули к городу. Конвой торопил Леву. Когда они снова оказались в центре города, Лева кожей ощутил стремление конвоя провести арестованного по городу, привлекая внимание прохожих. Лева снова оглянулся. Чудо! Сестра настойчиво следовала за ними.

И вот они в здании ОГПУ. Вошли в приемную. Конвой о чем-то совещается с находившимся там дежурным. Тот звонит, с кем-то разговаривает, и, наконец, Лева слышит, как дежурный шепотом говорит конвою: "Там, где люди, его сажать нельзя" — и как-то испытующе смотрит на Леву. В это время дверь открывается, и в приемную входит сестра. Она смело обращается к дежурному:

— Разрешите, пожалуйста, передать Смирнскому передачу. Здравствуйте, Лева! Как ты себя чувствуешь?

Дежурный вскочил ей навстречу. Бросился к внезапно вошедшей женщине и конвой:

— Уходите, уходите, скорей! Это не Смирнский. Это совсем другой заключенный!

И ее стали выталкивать из приемной.

— Передай всем, — сказал ей вслед Лева, — напиши папе, маме — всем: иду домой, к Иисусу.

Сестру вытолкали из приемной, дверь заперли. И хотя певец из Левы был плохой и, зная это, он редко пел один, но в эту минуту юноша нарочито громко, во всю силу молодого голоса запел:

На небе мой Отцовский дом,
Хочу домой, к Иисусу,
Он так прекрасен, как чертог.
Хочу домой, к Иисусу.

Здесь, на земле, погибнет все,
А там наследие мое,
А там наследие мое,
Иду домой, к Иисусу.

Ни дежурный, ни конвой не оборвали звонко звучащей песни.

Наконец, Леву провели в подвал. Это был большой подвал, освещенный электричеством. Через единственное маленькое оконце в него проникал узкий лучик дневного света. В стене подвала Лева заметил дверь, ведущую в какое-то другое помещение. Лева предложили сесть в углу, у бочек, а у двери, напротив него, уселся часовой с винтовкой. Он следил за каждым движением Левы, ни на минуту не спуская с него глаз. Что за странное заключение? — подумал Лева и пришел к выводу, что видимо, это его последнее заключение перед вечным покоем...

Временами в подвал спускался какой-то военный, испытующе смотрел на Леву и опять уходил.

— Чего они хотят? — думал Лева. — Чтобы я сказал что-нибудь, признал что-нибудь? Но зачем тут эти бочки?

Сердце стучало, воображение рисовало самые страшные картины. Возможно, именно за этой дверью расстреливают людей. А куда потом девают их тела? Но зачем тогда в подвал поставили эти бочки? И Лева продолжал фантазировать:

— Наверное, в них кладут трупы, сверху — камни, а потом — в Енисей.

Однако такой ход его мыслей, скорее, подсказывало свойственное юности любопытство. Самого Леву совершенно не беспокоило, как распорядятся его мертвым телом. Открыв Евангелие, он стал читать то место, где сказано, что Петр перед смертью прославит Бога. Юношу в этот момент заботило только одно: как бы, умирая, не оказаться трусом! Как

бы не обесславить Бога своею смертью! Он хотел умереть достойно, спокойно, как подобает христианину, а сердце трепетало, билось, как бьется сердце пойманной птички...

— Господи! — молил он. — Дай мне достойно умереть, чтобы смертью прославить Тебя...

В подвал ввели еще одного молодого человека и посадили в противоположном углу... Молодой человек был возбужден, чем-то обеспокоен. Часовой строго следил, чтобы арестанты не смогли переброситься между собой ни одним словом.

В мутных небольших окнах подвала погас дневной свет.

— Почему не дают есть? — думал Лева. — Впрочем, ясно почему...

Да он и не хотел есть. Было не до еды. В тусклые маленькие окна подвала смотрела ночь...

И вот в подвал вошел военный, весь в ремнях.

— Встать! Взять вещи! — скомандовал он. — Выходить! Во дворе вокруг них сгрудились охранники.

— Сабли наголо! — скомандовал военный. Их окружили. — Шаг вправо, шаг влево считается попыткой к бегству.

Приказывают конвою без предупреждения применять оружие,

И арестованных повели сонными улицами спящего Красноярска.

Глава 12. Университет жизни

"... Иди за Мною".

Иоан. 21:19

Куда и зачем их ведут — они не знали. Быть может, это конец, а может быть, что-то еще. Если бы даже они спросили об этом начальника конвоя, он не дал бы ответа. По тому, как сопровождавший конвой смотрел на них, было ясно, что инструкция о них составлена как о самых страшных преступниках.

Их повели на станцию, поместили в отдельное помещение. Напротив каждого село по вооруженному конвою. То были удивительно злые, отмеченные печатью суровости люди — видимо, выходцы из казаков. Инструктаж они наверняка получили соответствующий: на Леву и другого арестанта они взирали с такою ненавистью и злобой, что от одного взгляда становилось жутко. Попытка находящихся под стражей поговорить друг с другом оказалась бесплодной. Единственное, что узнал Лева о другом арестанте — это то, что он фальшивомонетчик.

Когда подошел поезд, для них освободили особое купе, уложили обоих на среднюю полку и приказали не шевелиться.

— Что это? — думал Лева. — Это не простой этап. О таком этапе он никогда и ни от кого не слышал. Странно... Куда везут? Чего хотят? Надолго ли?

Поезд тронулся. Кормить — не кормили. Начальник конвоя не отвечал ни на какие вопросы и совершенно не разрешал разговаривать.

Лева лежал, молился, думал, размышлял... Вновь и вновь пред ним представала его прожитая жизнь: детское стремление к правде, к любви, сомнения, обращение к Богу, собрания, верующая молодежь, учение в школе, катастрофа с образованием, а потом — скитания... Бесконечные скитания... Ни на минуту не смутила мысль, что он на неверном пути. Хотя ему отрезали путь в науку и он уже не мечтал поступить в институт, хотя жизнь его протекала среди бурь и ненастья, он знал твердо, что идет за Христом, что это единственный путь к правде, свету и добру, а все остальное покрыто грехом и не дает человеку настоящей жизни.

Ни малейшего сомнения в правильности избранного жизненного пути не проникало в сердце Левы. Он знал верующих, которые вели обычный обывательский образ жизни, не только не страдая за Христа, но и всячески приспособляясь к обстоятельствам, чтобы только лично не пострадать. Лева их не осуждал, но и не понимал. Читая Евангелие, он ярко и ясно видел, что быть последователем Христа, идти за Ним означало нести Его поругание, быть гонимым ради Христа. И если бы в тот момент, когда его везли в страшную неизвестность, кто-нибудь предложил ему быть христианином без страданий, жить поспешной будничной жизнью, он, скорее, предпочел бы умереть, нежели отказаться от той доли, какая выпала ему, — доли тернового венца.

Арестанты засыпали, потом опять просыпались — так наступал день. И вот большая станция, где их вывели. Это был Иркутск. Конвой для чего-то усилили, и их привели в камеру предварительного заключения при станции. В ней сидело много людей. Но их и тут поместили под особое наблюдение. В решетчатые двери камеры сел часовой, с которым они прибыли. Он с ненавистью смотрел на них и категорически запретил остальным заключенным с ними разговаривать. Но один из заключенных, пожилой рабочий, нарушил запрет:

— Почему это с ними нельзя разговаривать? Что они — не люди, что ли? Я рабочий депо, сидел и при царском режиме, но такого не видывал.

Рабочего тут же вывели из камеры.

— Какие-то важные преступники, — шептались между собой заключенные, поглядывая на Леву и его товарища по несчастью.

Лева стал ходить из угла в угол, и в тот момент, когда подходил к краю, противоположному двери, и был к часовому спиной, прошептал заключенным:

— Я баптист, привезен из Красноярска. Здесь есть наши братья, если сможете, сообщите им.

Заключенные молчали и кивали головами в знак того, что шепот Левы ими услышан и понят.

Проходили часы за часами. Страшно хотелось есть. Прибывший с Левого дал знаком понять, что они очень голодны. Тогда находившиеся в камере заключенные стали класть куски хлеба рядом с гулявшим мимо Левого, а он

потихоньку прятал их в карман. Потом сел рядом со своим товарищем по пути и поделился с ним хлебом. Они, стали есть. Конвоир увидел это, но не обратил внимания. Видимо, в полученном им инструктаже не было специального указания, чтобы эти этапники не ели, и он смолчал.

К вечеру их вывели из камеры. Конвой был особый. Повели на пароход. Переправили на другую сторону Ангары, где был город. Там их ждала большая грузовая автомашина. Арестантам велели лечь на дно кузова, а рядом с ними у кабины, встали четверо часовых. Машина понеслась по улицам Иркутска.

Лева невольно предался воспоминаниям о своем недавнем прошлом: "Сюда я приезжал, когда мне было восемнадцать лет совсем недавно... Приезжал для того, чтобы посетить заключенных. Виделся с братьями. Уехал отсюда, чтобы повидать дорогих там, у Ангары, в Тальцах. Ему вспомнилась встреча с Гошей Огородниковым и другими заключенными братьями, вспомнился светлый образ сестры Паши, которая посвятила свою жизнь заботам о гонимых. Где она теперь? Что с ними со всеми?.." Лева вспомнилось далее, как он из этого города с женою заключенного пресвитера Иркутска и ее грудным младенцем выезжал в знаменитый Александровский централ, чтобы посетить ее мужа и других заключенных братьев. В этом трудном деле он не жалея себя, стремился посетить большее число страдающих, оказать им привет и заботу. И вот теперь награда за это — терновый венок страданий]

— О, это не горе! — искренне думал Лева, — Этот венок носил Тот, за Которым он шел, Иисус. Тот, у Которого он учился делать добро. Кто в своей короткой жизни на земле учил людей только одному — любить друг друга, сам исцелял больных, утешал скорбных, воскрешал безнадежных, и за это был увенчан тернием и казнен. Мне ли лучшего желать? — думал Лева. — Да, Господи, дай идти за Тобой!

Ехали мимо какого-то большого, высокого здания, и наверху его Лева прочел — университет.

— А вот это мой университет — подумал Лева и улыбнулся. — Этот университет куда лучше, чем тот, который пришел Горький, написавший книгу "Мои университеты". Да, не дано мне учиться в высшей школе, не дано заниматься наукой. Как некий негодный элемент, выброшен еще из средней школы. Но Бог открыл мне свои университеты жизни, и это все для того, чтобы, пройдя их, можно было твердо знать, где добро, а где зло, что есть Путь, Истина и Жизнь.

Машина остановилась. Знакомые места, знакомые высокие красные стены, знакомые огромные железные ворота. Иркутская тюрьма. Их ввели внутрь и там сдали особой охране. Лева понял, что в общую камеру их не посадят, потому что их принимала тоже охрана ОГПУ. "Вероятно, нам предстоят одиночки", — решил юноша.

Потом последовал тщательный обыск. Обыск до нитки. И вот у Левы отбирают Евангелие и бросают в кучу, где лежат ремни, веревки, отрезанные металлические пуговицы.

— Отдайте мне Евангелие, — просит Лева. — Его никогда у меня не отбирали,

— Не положено, — говорит обыскивающий и продолжает свою работу.

— Господи! — подумал Лева. — Вот и произошло несчастье... Впереди, вероятно, предстоят большие переживания... Такая неизвестность — ив это время лишиться Твоей книги. Господи, будь милостив ко мне, пусть они вернут его! — помолился он сам в себе. Главный дежурный встал, как бы нехотя, посмотрел на Леву, прошелся, подошел к куче, нагнулся, поднял с пола Евангелие, посмотрел, перелистал его и потом, ни слова не говоря, отдал Лева.

— Спасибо! Большое спасибо! — прошептал Лева.

Как удивительно быстро отвечает Бог на молитвы! Тот, Который находится в неприступном свете, на неизмеримом расстоянии, слышит слабый стон души, и какие-то силы, исходящие из этих небесных глубин, действуют на мертвое, не знающее Бога сердце, и человек встает и делает то, что вкладывают в него в этот момент эти небесные силы.

О, какую радость испытал Лева, держа снова в руках дорогую, ни с чем не сравнимую книгу Спасителя!..

Товарища по этапу, назвавшего себя Лева фальшивомонетчиком, отвели в одиночный корпус, Это — красное многоэтажное, здание сплошных одиночек. Там в свое время, как рассказывали потом Лева заключенные, сидел Колчак. Оттуда его и вывели на расстрел.

Леву поместили в другую одиночку. Эти были в главном корпусе тюрьмы с тюремным двором посередине.

Иркутская тюрьма в это время была переполнена, и в одиночках не могли держать по одному. Туда помещали по несколько человек. Лева, как новичку, сразу пришлось занять место у параша. Здесь сидели подследственные, находившиеся "на особом учете". Был здесь бывший начальник районной милиции — сравнительно молодой еще человек, одетый в военную форму. Был известный сибирский бандит — жиган — юноша необыкновенно крепкого сложения с диким суровым взглядом. Был привезенный откуда-то из Монголии седой старик-паша — буддийский монах. Он ни слова не понимал по-русски. Одет был в необыкновенно красивую шубу ярко-желтого цвета. Ему, как самому слабому и старому, предоставили привинченную к стене койку. Остальные размещались кто на нарах, что были у окна, кто на полу.

Глава 13. Допросы

"Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: так будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби".

Мтф. 10:16

Как это обычно бывает, новичка, попавшего в тюремную камеру, сокамерники сразу забрасывают вопросами: кто

он? откуда? за что арестован? Когда Лева рассказал, что он верующий христианин, решившийся исполнить слова Христа: "Был в темнице, и вы посетили Меня", а занимался тем, что посещал заключенных в тюрьмах и лагерях, за что теперь и арестован, один из сокамерников, который на воле был начальником милиции, с грустной усмешкой произнес:

— Ну, парень, тебе, вероятно, припаяют крепко! Никто не поверит, что ты это делал из любви к людям. Никто не поверит, что ты лично, один только, организовывал моральную и материальную помощь заключенным.

Когда же Лева сказал, что следствие по его делу закончено и он ожидал приговора, а вместо приговора его привезли сюда, все заключенные в камере с сожалением посмотрели на него, а начальник милиции, покачал головой:

Плохи твои дела. Одно из двух: или продолжают следствие для выяснения подробностей твоего дела, или направят боярышник караулить.

— А что это такое — боярышник караулить? — спросил Лева.

— Это — сказал сибирский жиган, сверкая глазами, — самое последнее дело. Вышка значит.

Как узнал потом Лева, среди заключенных прошел слух, что всех приговоренных к расстрелу выводили за город, где росли кусты боярышника, там расстреливали и закапывали.

Внутренне Лева был готов ко всему. Но эта неопределенность: зачем привезли в Иркутск, сюда, в одиночку, что они хотят от него? — не могла не волновать его сердце. Любой человек, попав в заключение и зная, что его ожидает наказание, и, возможно, тяжкое, не может отнестись к этому равнодушно, не может не переживать, не может не испытывать внутреннего мучительного чувства тревоги и беспокойства. И чем дольше тянется следствие, тем яснее обвиняемый сознает, что у него нет надежды на облегчение его участи, тем сильнее он ощущает это изматывающее чувство тревоги. Нервная система его истощается, и в жизни бывали случаи, когда заключенный, потеряв всякую надежду, предпринимал попытки покончить жизнь самоубийством, только чтобы избавиться от неимоверно тяжелых переживаний. Именно поэтому администрация тюрем, и особенно наблюдавшие за одиночными камерами, отбирают у заключенных пояса, веревки, на которых они могли бы повеситься, и даже отрезают металлические пуговицы: отточив их, заключенный при желании может вскрыть себе вены и умереть от потери крови.

Леву пугала неизвестность. Возможно, впереди у него новые месяцы страданий в этом каменном тюремном мешке. Но мысль покончить с собой ни на секунду не помрачала его сознание. Он знал, что не по своей воле он явился в этот мир и что, сколько ему назначено быть здесь, определяется не им, а любящим Отцом, в руках Которого каждый день его жизни.

Заключенные рассказывали о том, как выводят на расстрел: по ночам открываются камеры одиночек, "преступникам" затыкают рот, чтобы те не кричали, и ведут по коридору, И когда пришла первая ночь, и все стихло, и коридор одиночек погрузился в сон, Лева, так же горячо помолившись Спасителю, спокойно заснул. (Кстати, надо сказать, здесь был строгий порядок — не так, как в Красноярской тюрьме: ни петь, ни громко разговаривать не разрешалось.)

Где-то за полночь он проснулся. По коридору раздавались чьи-то шаги, открывалась чья-то камера. Слышно было бряцание винтовок, кого-то выводили. Проснулись и другие заключенные: они перешептывались между собой, у всех тревожно билось сердце,

И в эти страшные минуты Лева еще больше молился Богу. Молился не только о себе, но и об этих людях — несчастных, бедных, которые ненавидели друг друга, делали друг другу зло и даже уничтожали друг друга. А в окно — маленькое окно с двойной железной решеткой — глядело бездонное, черное ночное небо. Лева всматривался в него в надежде увидеть хотя бы одну звездочку, но напрасно. Возможно, оттого, что в камере, в стене под дверью, всю ночь горела электрическая лампочка, ярко освещая помещение, где томились арестованные люди.

Прошла неделя, другая. А Леву не вызывали. Дух его был бодр, плоть же немощна. Плоть голодала. Кормили очень плохо. Единственным отличием от красноярской баланды было то, что в здешнем супе попадались большие куски печенки или легкого и каждому заключенному доставалась порция. Эти куски заключенные съедали не сразу, а клали их на фанеру под окном, и только вечером, когда приносили горячий чай, ели их как ужин вместе со сбереженными крошечными кусочками тюремной хлебной пайки.

Но так делать могли не все. Жиган — огромный, мускулистый — испытывал страшный голод, и как только утром получал свою пайку ржаного сырого хлеба, сразу же съедал ее. В обед он немедленно проглатывал полагающуюся ему миску супа с кусочком легкого, а потом смотрел на всех голодными злыми глазами. К вечеру он обычно начинал волноваться, в его глазах сверкало что-то волчье, звериное. Он ни с кем не разговаривал и чувствовалось, что был готов уничтожить все на свете.

Как узнал Лева, этот человек имел на своей совести много убийств. С ранней юности он долгие годы занимался бандитизмом: грабил, убивал на дорогах. И теперь временами на него находили приступы какой-то особой злобы и ярости. Почти со всеми в камере он перессорился, на всех смотрел, как на врагов. Единственно, к кому он был расположен, — это к Лева, который рассказал ему, как Христос, умирая на кресте, спас разбойника.

— Неужели самым первым человеком, которого Христос взял на небо, был разбойник? — спрашивал с удивлением бандит.

— Да, да, — говорил Лева. — Он был большой грешник, так же убивал людей, как и ты. Но помолился, обратился ко Христу и был спасен.

Наконец, Леву вызвали. Его вывели на тюремный двор, где его ожидал "черный ворон" — закрытый автомобиль с кузовом, без окон. Точнее, единственное имеющееся в нем небольшое окно было расположено в его крыше, так что находившийся внутри машины заключенный совершенно не мог видеть, куда его везут.

Машина выехала из тюремного двора. Она везла Леву. Куда? К кому? Для чего? — подумал про себя юноша. И

помолился.

Его привезли в полномочное представительство ОГПУ Восточно-Сибирского края. Где, в каком здании оно размещалось, Лева не знал, так как машина подъехала прямо к дверям, выходящим во двор. Юношу поместили в маленькую камеру и вскоре вызвали на допрос.

В большой, светлой комнате за столом сидел пожилой чекист.

— Здравствуйте! — приветливо поздоровался Лева.

— Здравствуйте! — ответил сидевший за столом и указал Лева на стул возле стола. Он внимательно посмотрел на заключенного, как будто изучая каждое движение его глаз, выражение лица, затем медленно и выразительно произнес:

— Эх, фанатик, фанатик!.. Лева молчал.

— Изучили мы твое дело, молодой человек, анализировали его со всех сторон. Нам вполне ясно, что ты настолько верующий, что говорить тебе, что это — чепуха, совершенно бесполезно. Для нас, конечно, очень странно, что и в наше время встречаются люди, да еще в среде молодежи, которые ради веры в Бога губят себя.

— Я не гублю себя, — сказал Лева. — Христос сказал: "Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот приобретет ее".

— Чудак, ты чудак! — добродушно улыбнулся чекист. — Ведь нам все понятно: начитался своего Евангелия и вообразил, что на небе есть рай. Ну там, сладкое место, вечная жизнь. И вот, думаешь: как бы мне этой сладкой жизни испытать, попасть туда! И вот ты, значит, решил пострадать для того, чтобы заработать себе теплое местечко на небесах. Ведь ты это делаешь из расчета: рассчитал, что это выгоднее, вот и страдаешь.

— Это совсем не так, — возразил ему Лева. — Я пошел посещать ссыльных и заключенных не потому, что я хотел заработать себе теплое местечко у Бога, как вы говорите, — а просто, движимый любовью Христа, не мог удержаться, чтобы не проявить Его любовь к страдающим, порадовать их...

— Так, так, — посурился начальник. — Но ведь сколько тысяч верующих людей в нашей стране, и не таких, как ты! А есть попы или, к примеру, пресвитеры ваши, и ни один из них не пошел жертвовать собою. Вот они, хитрецы, и подсунили тебя. Пусть, мол, пропадет, а наша хата с краю...

— Это совсем не так, — сказал Лева. — Меня никто не подсовывал, а я молился, и Бог мне открыл, что нужно исполнять Его Слово: "Был в темнице, и вы посетили Меня".

— Ну, хватит! — строго сказал начальник. — Это ты там, в Красноярске, мог очки втирать, а здесь мы все до тонкости распутаем. Везде, где ты был, мы опять сделаем запросы, всю организацию раскроем и всех пересажаем. Ты понимаешь, с кем ты имеешь дело? Мы имеем полную власть над тобою, мы заставим тебя выложить полную правду. Понимаешь?

— Вполне, понимаю, — ответил Лева, внутренне молясь. — Вы не имели бы надо мной никакой власти, если бы это не было дано вам свыше. Я среди вас абсолютно беззащитен, но в то же время знаю, как сказал Христос, что и волос с головы не упадет без воли Отца Небесного.

— Что это ты мне — все Христос да Христос! Ты говори по существу: будешь ли все рассказывать, ничего не утаивая?

— Мне нечего утаивать. Я ничего не делал тайно, открыто посещал.

— Тогда начнем, — приступил к допросу начальник, — Первый вопрос. Полагаю для вас этот вопрос будет центральным, ибо он и будет той ниточкой, с которой начнется распутывание вашего дела. Потом ниточка превратится в веревочку, а потом и все вытащим... Расскажите, что вы знаете о вашем лидере Павле Васильевиче Иванове — Клышникове? Где и как вы с ним познакомились?

— Иванов — Клышников, — сказал Лева, — известный брат, и я не могу не уважать его... (Говоря это, Лева думал, что он будет говорить об Иванове — Клышникове то, что известно о нем по официальным журналам и съездовским материалам.) Этот брат — сын известного пионера баптистского евангельского христианского движения у нас, в России. Его отец был одним из первых, кто зажег свет Евангелия на Кавказе в жестокое царское время. При самодержавии он перенес множество арестов, ссылок, но самоотверженно трудился для Христа.

— Ты мне про его отца не рассказывай, — прервал его ведущий следствие. — Расскажи про него самого.

— Хорошо. Павел Васильевич — его сын — глубоко верующий христианин, очень образованный юрист, прекрасно владеет английским языком...

— Это мы знаем, — сказал начальник. — Он выступал в Канаде, в Торонто, на всемирном вашем баптистском конгрессе и был избран вице-президентом Всемирного союза баптистов.

— Да, да, это так, — подтвердил его слова Лева. — Он был у нас руководителем отдела благовестия и выдающимся организатором, преподавателем московских библейских курсов.

— Все это мы знаем, — в голосе чекиста зазвучала сталь. — Ты не думай, что мы плохо осведомлены, мы все знаем. Ты вот лучше расскажи, как ты с ним познакомился и какие вы с ним вели разговоры.

— Я слышал что Павла Васильевича арестовали в Москве, — сказал Лева. — И потом его этапом везли через Самару. Я тогда особенно не занимался вопросами о заключенных и его в тюрьме не посетил. Посетили его другие братья и сказали, что он бодр.

— Ну, а ты не слышал, какие наставления передал он этим братьям?

— Он передал им только один стих из Слова Божия, и все.

— А какой?

— Из книги Иова.

— А что там написано?

Лева сначала хотел утаить завет, переданный братству Ивановым — Клышником, но потом почему-то решил

сказать:

— Там написано: "Теперь не видно яркого света в облаках; но пронесется ветер, и расчистит их" (Иов. 37:21).

— Ого! — воскликнул следователь. — Что же это значит?

— На это я ничего не могу сказать, — ответил Лева.

— Ну, и как же ты познакомился с ним?

— Посещая ссыльных и заключенных, я приехал в Алма-Ату, там был ссыльный Иванов – Клышников со своей семьей, и, естественно, я посетил его.

— Вы были в его семье? Что делали? Какую помощь ему оказали?

— Помощи никакой не оказал, только подарил по открыточке его детям на память.

— А какие антисоветские разговоры он вел?

— Никаких не вел, — сказал Лева. — Наоборот, он сказал, что убежден, что всякий, кто борется с властью или входит в тайную организацию, антисоветскую, противящуюся власти, не может быть членом нашей общины, нашего братства, так как мы признаем, что всякая власть от Бога, и никакой политической борьбы не ведем.

— Гак вы считаете, что Иванов – Клышников не враг и его выслали несправедливо?

— Да, это точно, — сказал Лева. — Он и многие другие, такие, как мой отец, которого я отлично знаю, и дядя – инженер Петр Иванович Чекмарев — ничего антисоветского не делали. Все верующие страдают только за Слово Божие.

— Ты абсолютно уверен к этому? — спросил чекист, глядя прямо в глаза Левы.

— Абсолютно, — твердо ответил Лева. — И подтверждение тому — собранные мною материалы, анкеты и личное соприкосновение с арестованными "сектантами".

— Конечно, ты не знаешь никого из арестованного православного духовенства. Если бы узнал, то убедился, что они на самом деле настроены антисоветски.

— Возможно, — сказал Лева. — Православие всегда было опорой самодержавия, но нас, "сектантов", царизм притеснял. Свободу совести, узаконенную декретом Владимира Ильича Ленина, мы приняли как величайший дар, и у нас не было причин быть настроенными антисоветски.

— А вот коллективизация — разве она понравилась вашим братьям?

— Вы знаете, — продолжал отвечать Лева, — Еще до коллективизации, "сектанты" были за коммуны: устраивали их в селах, где только могли. Наши руководящие братья повсеместно разослали послания, в которых призывали не противиться коллективизации, а принимать все, как из руки Божьей, и ни в чем не противиться власти как божьему слуге. По нашим искренним евангельским убеждениям мы не можем противиться власти, а являемся самыми верными гражданами.

— Ну, хватит тебе защищать своих сектантов. Ты давай, рассказывай, знал ли Иванов-Клышников о всех твоих делах, намерениях?

Молнией пронеслась в сознании Левы мысль: если сказать "знал", то спросит, как относился к этому, какой инструктаж давал. Не лучше ли умолчать и сказать, что не знал. Вообще, этот вопрос, надо прямо сказать, застал Леву врасплох. Он не был подготовлен к ответу, внутренне как-то не сообщил с Духом Святым. Он помнил только о том, что нужно быть мудрым, как змеи. Поэтому в голову пришло такое решение: сказать, что Иванов-Клышников о главных намерениях его ничего не знал и о своем деле с ним не говорил.

Это было лукавство, и следователь тотчас догадался. Он встал, развел руками.

— Как же это так? С братом — и не поделился об этом?

— Да как я мог с ним поделиться? — продолжал настаивать на своем Лева. — Ведь Иванов-Клышников — большой брат, очень большой, а я что? Простой брат, просто ничто: не пресвитер и не хорист...

— Что ж он отнесся к тебе свысока, много не разговаривал?

— Не то, чтобы свысока, но... во всяком случае, что я пред ним, пред большим братом? Разве он будет интересоваться мною?..

Уста Левы произносили явную ложь, сердце его волновалось, но он ту же вспомнил теорию лжи во спасение и постарался успокоить себя. Лишь бы не вмешать в свое дело дорогого брата. Лева никак не хотел допустить, чтобы из-за него кто-нибудь пострадал.

— Ну, хорошо, — не стал настаивать начальник. — Скоро мы все узнаем точно. В ближайшее время я вызову тебя и мы будем говорить об иркутских верующих. В связи с твоим делом мы их всех арестуем.

Леву увели, посадили в "черный ворон" и отвезли опять в тюрьму. Разбитый, больной вернулся он в свою камеру. Он был страшно недоволен собою.

Потянулись тоскливые дни. Никогда раньше Лева не испытывал такой тяжести на сердце, как теперь. Несмотря на голод, несмотря на то, что он лежал около смрадной параша, ему было всегда легко. А вот теперь, когда допустил ложь, слукавил, — как ни пытался оправдать себя тем, что сделал это только ради брата, — сердце его потеряло покой...

Глава 14. Делающий добро

"Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере".

Гал. 6:10

Хотя в камере Лева был не один, братьев по вере среди арестантов не было. Тяжело было юноше сидеть в этой мнимой "одиночке" еще и потому, что никаких писем от верующих и от родных он не получал. Они не знали, где он, а он не знал, что с ними. Здоров ли отец? Что у него там, в ссылке? Как живет мама с малыми детьми? Здоровы ли, хватает ли хлеба? А братство, дорогое братство... Есть ли еще открытые общины, или даже все молитвенные дома отобраны и аресты и ссылки верующих продолжаются? Ничего неизвестно!

Следователь на допросе говорил, что арестуем-де местных верующих. Но, может быть, он просто пугал его? Неужели у них хватит совести ни в чем не повинных людей сажать в тюрьму только за то, что они разговаривали с ним, принимали его как брата во Христе и оказывали ему любовь как заключенному. Он молил Бога, чтобы никто не пострадал, чтобы все прошло благополучно.

— Господи! — шептал он день и ночь. — Пусть сделают со мной что угодно, лишь бы никого не арестовывали из-за меня...

Все заключенные камеры относились к Леве с большой симпатией. Он был самый молодой, самый истощенный, тихий, кроткий, незащитный, желающий всем только добра. Правда, какое добро он мог сделать этим людям в тех условиях, в которых находился?... Он говорил им о Христе, но говорил, видимо, без силы: они не каялись. Единственно доброе, что он делал, это, как в свое время в Красноярске, когда утром арестанты умывались, он стоял у параша и подавал им воду.

Особенно расположился к Леве бывший начальник милиции. Ему были разрешены передачи. Сам он был украинец, а на Украине борщ в особом почете. Так вот, когда его жена передавала ему сваренный дома душистый украинский борщ (а было это почти каждый день), он всегда приглашал Леву разделить с ним трапезу. Лева Отказывался, но тот не приступал к еде, пока Лева не брал ложку. Это был необыкновенно вкусный борщ. Кажется, ни до этого, ни после Лева не ел такого. Юноша сердечно благодарил угощающего и, вспоминая слова Христа, который сказал, что напоивший его чашей холодной воды не потеряет награды своей, говорил, что за этот борщ Господь даст ему особую награду.

На эти слова Левы бывший начальник милиции по-доброму улыбался и спрашивал:

— Хотел бы я знать, что это за награда будет?

Но Лева сказать этого не мог. Он только утверждал, что награда непременно будет.

Начальник милиции очень часто тосковал, грустил, и единственным его отрадой было курение. Он курил папиросу за папиросой, как, впрочем, и другие заключенные; которые готовы были отдать все, лишь бы иметь махорку или табак.

Однажды с передачами получилась какая-то неувязка, произошел перерыв в их приеме тюремными службами, и курящим нечего было курить. Они тосковали необыкновенно. Начальник же милиции метался из угла в угол. Наконец, залез под нары, достал оттуда старый березовый веник, завернул в бумагу листья березы и закурил. Но, увы, это не принесло ему облегчения. С большим состраданием смотрел на него Лева.

— Вы бы обратились ко Христу, — посоветовал он. — Господь избавил бы вас и от тоски, и от курения.

— Счастливый ты человек, Лева, что веришь во Христа. А я вот ни во что уже теперь не верю... Верил в светлое будущее, в коммунизм, а как посмотрел на жизнь, на положение крестьян и на все, потерял веру во всякую правду...

За что он сидел, Лева не знал. Не знали и другие заключенные. Он никогда не проронил о своем деле ни слова. Но все знали, как страстно он любил свою молодую жену и ребенка. Жена передавала ему в передачах свое белье, и он искусно вышивал его, делал всякие мережки. За этим занятием он проводил целые дни.

Часто бывали обыски. Обыскивали тщательно, но несмотря на это, в камере был свой перочинный нож. Как только был слышен шум, указывающий на то, что в других камерах начинается обыск, нож на ниточке осторожно спускали в трещину между стеной и цементным полом, а когда обыск заканчивался, его благополучно оттуда извлекали. Во время одного из подобных обысков всех вывели из камеры и поставили лицом вплотную к стене коридора. Одновременно заканчивался обыск и в другой камере. Арестованных стали проводить мимо того места, где стоял Лева, и вдруг один из них, крепко сжав руку Левы, сказал:

— Приветствую, брат!

— Приветствую! — ответил Лева и оглянулся.

Это был иркутский брат, работавший на станции носильщиком — тот самый, который доставал Леве билет, когда он ехал посещать заключенных в Тальцы. Брат весело улыбнулся Леве, что-то быстро достал из кармана пиджака и сунул в руку Леве. Это были деньги.

— Не надо, что вы! Вам самим нужно, — сказал Лева.

— Нет, тебе нужнее. "Доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере".

— Эй, вы! Что там? Разговариваете? Иди, иди, — закричали надзиратели и в толчки отогнали брата от Левы.

Лева вернулся в камеру. Ему хотелось плакать:

— Боже мой, какая любовь!..

Этого брата-носильщика он встречал на собрании. У него была большая семья, много детей. Он много работал на станции, таская тяжести как носильщик, для того, чтобы их прокормить. Он всегда всем помогал, и когда Лева не смог купить билета, т.к. поезда были переполнены, он тут же сделал все, чтобы достать его Леве. А теперь вот... теперь его арестовали. Почему?

Следствие по делу Льва Смирнского следователи вели тщательно и дотошно, во внимание принималась каждая вновь появляющаяся подробность, изучался каждый шаг Левы. Несомненно, они узнали, что брат-носильщик помог юноше достать билет, и вот его арестовали. Хотят вероятно доказать, что он был соучастником в деле Левы.

Казалось бы, он должен быть страшно разгневан на Леву: в конце концов именно этот юноша, хоть и невольно,

явился причиной его сегодняшнего несчастья. А он бодр и радостен! И что делает? Приветствует Леву и отдает ему свои, может быть, последние деньги, которые были с собой, только чтобы поддержать брата. Да разве это нелюбовь Христова, не Сила Христова, которая влечет и в самых тяжелых условиях повелевает жертвовать собою для ближних?!

Лева знал, что в эти тяжелые годы не только брат-носильщик, но много-много братьев и сестер подвизались в великом подвиге веры страдания, сами теряя лишения и принимая самое трогательное участие в судьбе тех, которые находились в испытании.

Жив ли сейчас этот дорогой брат-носильщик? Он не забыт. То доброе, что он делал, не исчезло. Дорогой брат, Господь знает все доброе, оно записано у Него. "Ибо не неправеден Бог, чтобы забыть дело выше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послуживши и служа святым" (Евр. 6:10). •'

Глава 15. Угрызение совести

"Всякая неправда есть грех, но есть грех не к смерти",

1 Ин. 5:17

Бежали дни, проходили недели. Но на прогулку заключенных не вывели ни разу: режим здесь был особый. А ведь постоянно сидеть в камере тяжело. Вот почему даже спокойные арестанты порой становились беспокойными, ну а с такими, как жиган, порой просто не было сладу. Он часто выходил из себя: ревел, кричал, бил в дверь. Прибегали надзиратели, угрожали карцером. Лева по-хорошему, добром всячески старался успокоить его. Но иногда будто злой дух охватывал бандита. Как-то вечером, после чая, он схватил миску и запустил ее в голову одному из заключенных, а затем с ревом, как зверь, набросился на него. Все в ужасе рассыпались по камере. Один Лева, несколько не испугавшись, ринулся к бандиту, крепко обхватил его руками и заплакал. Тот сразу присмирел и, посмотрев на Леву, сел неподвижно. Вся злоба его мгновенно исчезла. Несчастный, бедный, жалкий, сидел он рядом слевой и тяжело дышал. Лева говорил ему о Христе, который изгонял бесов из несчастных.

— О, если бы я мог верить! — сокрушенно сказал бандит. — Но я не могу, меня воспитали в школе в убеждении, что Бога нет. Я никогда не молился.

Во время обхода начальства заключенные попросили убрать от них жигана, боясь, что он убьет кого-нибудь из них. Его поместили одного в одиночке. Несколько дней и ночей было слышно, как он кричал и бился в дверь. Потом все смолкло. Что стало с ним, Лева не знает. Возможно, за свои преступления он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Но почему, почему он не покался, почему яд неверия настолько отравил его душу, что он не смог молиться и найти мир и покой у ног Иисуса?

Лева был счастлив, что Евангелие было с ним. Читая его, юноша углублялся в великие истины и забывал, что находится в этой душной, смрадной, пропитанной зловоньем и табачным дымом камере, забывал обо всем мерзком и суетном. Он был в Палестине с Иисусом, ходил вместе с Ним, духовными очами как бы видел все события, которые записаны в Евангелиях, и удивлялся, почему люди не верят в эти великие истины, которые даруют покой и спасение душе человека. Ни единого сомнения в истинности слов Спасителя, Его учения не вкрадывалось в его сердце. Он ясно понимал, что Христос, и только Христос, есть Путь, Истина и Жизнь.

Но если это так, то как он, Лева, мог допустить отступление от пути Истины? В глубине души росло и увеличивалось страдание. Это было угрызение совести: зачем он солгал во время допроса? — Чем больше Лева размышлял по этому поводу, тем все более убеждался, что поступил очень плохо. Ведь всякая неправда — грех!

— Господи! — молился он. — Ты знаешь, что это я сделал не для того, чтобы спасти себя, но для того, чтобы у брата (он имел в виду Иванова-Клышников) не было из-за меня неприятностей.

Лева пытался оправдать себя одним ветхозаветным примером. "Вот ведь Раав блудница, приняв соглядатаев и отпустив их другой дорогой, прибегла ко лжи и оказалась в числе героев веры... — успокаивал он себя. А внутренний голос, какой-то глубокий и необыкновенно кроткий, напоминал ему: "Разве ты не знаешь, разве ты не слышал, что отец лжи — дьявол? Ведь Христос говорил о себе перед всеми: "Кто из вас обличит Меня в неправде?.." И снова лукавство брало верх: "Но я ведь поступил так ради брата, для того, чтобы сделать лучше..." А голос снова говорил: "Что же ты доверился больше лжи, нежели Богу? Неужели Господу трудно спасти брата и избавить его от дополнительных неприятностей, сверх тех, что он уже имеет? Ведь нужно только попросить Его, и Он защитит. Ему ничего не трудно. И вовсе нет надобности прибегать к сатанинскому средству защиты — ко лжи.

— Что же делать, что же делать? — думал Лева. И решил поступить так: как только его снова вызовут на допрос он покается, попросит прощения и скажет следователю, что в прошлый раз он солгал

Может быть, многие по поводу этого решения скажут, что оно совсем не уместно и неразумно. Но Лева не мог переносить угрызений совести, ему хотелось быть чистым — ведь именно к этому призывал его Спаситель.

Но для Левы оставался нерешенным еще один вопрос: как вести себя на следствии? Если говорить всегда и везде одну правду, то не получат ли те, которые борются со Христом, лишнего оружия в свои руки, чтобы разрушать дело Божие? Ведь что сделал Иуда? Он сказал правду. Правду о том, где проводит ночи Иисус, как Его найти, а своим поцелуем указал Христа. Иуда не произнес ни слова лжи, а фактически совершил самое тяжкое предательство, которое не забудется в веках. Как же быть? Что отвечать, если на допросах спрашивают о том или ином верующем?

И снова у снова Лева открывал Евангелие и перечитывал строки, описывающие процесс следствия над Иисусом. И перед ним являлся дивный образ Иисуса молчащего. Как ни допрашивали, как ни истязали Иисуса, Он молчал. И когда допрашивающие Его требовали от Него дать показания о своих учениках, Он ничего не сообщил о них, только сказал:

"Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил" (Иоан. 18:20-21).

Леве становилось все яснее и яснее, что молчать о других по примеру Христа — это и есть та высота духовная, которую обладал Спаситель, полагая жизнь Свою за друзей своих. Это высота любви, в которой нет лжи, но есть великая жертвенность.

Когда в следующий раз юношу вызывали на допрос, он прежде всего попросил прощения за допущенную в прошлом своем показании ложь, сказал, что его, как христианина, мучает совесть.

— Это в чем же вы неправильно показали? — спросил следователь.

— В том, что якобы не говорил Иванову-Клышникову о своих намерениях. На самом-то деле я поделился с ним.

— Ну, нас теперь это мало интересует, — не обрадовался Левину признанию начальник. — По полученным нами последним данным мы узнали, что вы решили посетить ссыльных и заключенных братьев и сестер по вере с целью оказания им моральной и материальной помощи еще до знакомства с Ивановым-Клышниковым. Таким образом, узнав, что идея исходит не от него, мы оставили его в покое. Теперь нами решается следующий вопрос: привлекать ли к ответственности всех, кто с вами так или иначе соприкасался и поддерживал или же привлечь к ответственности только вас и инициаторов, которых, надеюсь, мы все же найдем. Этот вопрос будет решен в ближайшее время.

— Но вы все-таки не сердитесь на меня, что я вам в прошлый раз неправду сказал.

— Что вы... Нам часто последственные разную чепуху рассказывают, то наш долг — не верить им, а все выяснить и документально доказать.

С легким сердцем вернулся Лева с этого допроса. С тех пор его убеждением стало: не лгать, а, где нужно, лучше смолчать о других. Впоследствии он увидел, к какому стыду и позору приводит ложь, если верующие во время следствия пытаются ею прикрыться. Следственные органы имеют достаточно опыта и разума для того, чтобы добраться до истины, и как печально и постыдно бывает, когда делают очные ставки между верующими — даже между отцом и сыном — и при этом выясняется, что они лгут, и их стыдят за сказанную неправду.

Только сила Христа, Его мудрость способна во всех условиях прославить Бога через Его детей.

Глава 16. В глубинах слова

"...Они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так".

Деян. 1-7:11

Из камеры, в которой сидел Лева, один за другим выбыли почти все заключенные, остался только бывший начальник милиции да бывший тибетский лама. [Ламаизм — одно из ответвлений буддизма. Как все возвышенные, духовные религии мира, не исключая христианства, первоначальный буддизм подвергся многообразным искажениям. Одна из форм такого искажения — так называемый ламаизм. — Прим.ред.] Лама целыми днями, поджав под себя ноги, сидел на досках, покрывающих его железную койку, и почти непрерывно молился Богу. По-русски он не говорил и лишь знаками объяснял, каким жестоким пыткам подвергали его в тех местах, откуда привезли.

Несмотря на то, что было лето и в камере было тепло, лама почти не снимал с себя шубы — огромной, бараньего белого меха, покрытой сверху каким-то дорогим желтым материалом. Единственным его имуществом был глиняный горшок, из которого он ел суп и который служил ему вместо подушки. Когда лама спал, он опрокидывал горшок и клал на него свою голову.

Какому богу молился лама? И можем ли мы предположить, что у ламы был свой Бог, а у Левы свой. Допустив это, мы логически приходим к выводу, что Бог не один. Догадывался ли Лева, хотя бы и смутно, что этот буддистский монах и он, Лева, оба возносят свои мольбы одному и тому же Единственному Всевышнему Руководящему Началу Жизни и лишь формы этого преклонения перед Высшим Бесконечным Началом разные у того и другого.

Не считая тех часов, которые Лева проводил в молитве, остальное время он посвящал изучению Слова Божия. То, что он имел возможность читать Новый Завет, расценивал как величайшее счастье. Из тряпочек, проклеив их хлебным клеем, Лева сделал футляр для своей драгоценной маленькой книги и старался держать ее в полной сохранности. Юноша читал и перечитывал дорогие ему слова. И перед ним понемногу раскрывалась жизнь апостола Павла. Через свое сердце пропустил Лева жизнь этого великого подвижника веры, "Послание к Филиппинцам" он выучил наизусть и чудную филиппийскую церковь полюбил, как самую родную и близкую. Размышляя над прочитанным, Лева видел пред собою красоту и величие Первохристианской церкви и словно жил ее эпохой.

Во время такого чтения юноша как бы совершенно отсутствовал в камере. Здесь обреталось только его измученное, исхудавшее брэнное тело. Душа же его, его сердце, его мысли были далеко-далеко, в том первом веке, когда восходила заря христианства.

Иногда бывший начальник милиции просил Леву дать почитать ему Евангелие и знакомился с книгой с большим интересом, изумлялся многим местам. Правда, все в ней сказанное считал утопией, прекрасной невозможностью: "Не верю, чтобы когда-нибудь люди жили по заветам Христа". Лева же пытался доказать этой заблудшей человеческой душе, что единственное и основное, что человеку нужно, это подойти ближе к Христу, исполнять его учение, поступать так, как Он призывал.

— Так-то это так, — соглашался Левин собеседник, — но только далеки все христиане от Христа, очень, далеки. Вот смотрю я на тебя, Лева. Ты пошел за Христом и по Христу стараешься поступать, а далек ты от Христа. Вот этот

язычник лама, который, вероятно, никогда и не слышал про Господа, быть может, ближе к Нему, чем ты.

— Почему вы так думаете? — с самоуверенным вызовом задал вопрос Лева.

— А вот, посмотри на него: он все время молится. Ты так не молишься, как он. Но даже не в этом суть. О Христе ведь сказано, что он не имел где главы преклонить. А вот я посмотрю на тебя: ты спишь на мягкой подушке. Так вот, скажу я тебе: разве ты не видишь, что старик кладет голову на глиняный горшок, а у тебя мягкая подушка? И ты называешь себя последователем Христа?! Вот подари ему свою подушку, тогда я действительно увижу, что ты жалеешь старика, проявляешь к нему любовь.

Крепко задумался Лева: "А в самом деле, разве не прав начальник милиции? Какой же я чуткий? Ведь давно следовало бы догадаться подарить старику подушку, а мне, как христианину, куда лучше без подушки". Лева действительно путешествовал с маленькой подушкой, взятой еще из дома. И хотя голову приучился класть не на, а под подушку, тем не менее юноша все время ей пользовался.

Лева взял подушку и после обеда, когда лама стал укладываться головой на свой горшок, попытался знаками объяснить тому, что дарит ему подушку и что горшок нужно отставить в сторону, а спать на подушке. Но увы! Как ни пытался Лева оставить на койке ламы подушку, тот, качая головой, возвращал ее, и по-прежнему голова язычника покоилась на глиняном горшке.

— Никак не принимает он, никак не принимает, — сказал Лева начальнику милиции.

— Ну, уж если сам не принимает, ты не виноват, — заметил тот.

Однажды в камеру ввели молодого человека. Это был комсомолец Павел из Красноярска. Он рассказал, что, работая на заготовках кедрового ореха, убил вместе с партизаном Котовым двоих баптистов — "попов". За это убийство органы ОГПУ их и арестовали.

Никакого раздражения и злости не почувствовал Лева к убийце своих братьев. Наоборот, особая скорбь и сожаление наполнили сердце его. Скоро он подружился с Павлом и рассказал ему о Христе. Павел был очень удивлен, когда узнал, что убитые ими люди были братьями Левы по вере. Но еще более удивился он, видя, с какой любовью и вниманием относился к нему Лева.

Лева давал Павлу читать Евангелие и объяснял, что Спаситель мира, открыв людям новую эру счастья и мира, в своей Нагорной проповеди учил: "...Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вам и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (Мтф. 5:44-45). С удивлением слушал все это Павел. Действительно, новый мир открывался перед ним. А Лева вдобавок сказал, что если бы верующим позволили высказаться, то они не только не потребовали бы наказания убийц, но, наоборот, простили бы им и добивались бы их помилования.

Второй убийца (тот самый, который организовал убийство верующих) — партизан Котов был помещен недалеко от их камеры, тоже в одну из одиночек. И Лева, и другие заключенные слышали, как он мучился, как боялся принимать пищу, думая, что его отравят, и когда его переводили в общую камеру, то страшно кричал и сопротивлялся, воображая, что его ведут на расстрел. Он умолял конвоиров разрешить ему проститься с женой и детьми. И невольно Лева вспомнил пророческие слова: "Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: "Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь" (Рим. 12:19). Этот Котов уже получил свое отмщение.

Завещанная Господом всеобъемлющая любовь ко всем, наполнявшая в те тяжелые дни сердце Левы, была прямым результатом того непрерывного углубления в Слово Божие, которое приносит человеку счастье. Лева не чувствовал ни малейшего раздражения по отношению к тем, кто бросил в тюрьмы сотни тысячи верующих — истинных христиан, и тем более сердце его не восставало против тех, кто столько уже месяцев вел следствие по его, Левину, делу и содержал его в столь трудных условиях. Сердце верующего юноши было полно мира и покоя, он искренне молился за гонящих и злословящих и желал им только добра и спасения.

В условиях голода и страшного нервного перенапряжения греховные мысли не посещали сердце Левы, ибо как написано: "Страдающий плотью перестает грешить". Он стремился только к истине, и в его сердце не было никакого желания зажить спокойной, сытой и обеспеченной жизнью, когда вокруг все гибнет в грехе и беззаконии. У Левы в те дни были только одно желание: положить душу свою за друзей своих.

Глава 17. Змеиная ночь

"И приступил к Нему искушитель..."

Мтф. 4:3

"Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь".

Евр. 2:1 И

Изредка арестантов водили в баню. Это было большое помещение, но каждую из одиночек водили туда отдельно, чтобы жильцы одной камеры не смогли обменяться с жильцами другой теми или иными новостями. Но однажды случилось следующее. Левину "одиночку" вывели не в пустующее банное помещение: там мылся "чужой" заключенный. У него была длинная черная борода и удивительно приятное, умное лицо. Лева стал мыться рядом с ним.

— Кто ты, молодой человек? — спросил незнакомец.

— Я последователь учения Иисуса Христа, баптист, — сказал, улыбаясь, Лева.

— Баптист? — воскликнул мужчина, с интересом разглядывая юношу. — А я православный, преподаватель литературы в Иркутском университете. Меня очень интересуют вопросы христианства, я тяжело переживаю за нашу православную церковь. Баптистско-евангельское движение давно меня привлекало. Ведь оно несет русскому народу Евангелие и Библию.

— Да, это так, — сказал Лева. — И наше желание — жить больше по Евангелию.

— О, если бы вы знали, — обрадовался поддержанному разговору литератор, — как низко пала наша русская православная церковь! Я был в большой дружбе с нашим высшим духовенством, надеялся, что оно проснется, понесет свет народу. Но, Боже мой, что получилось! Ведь это безбожие, отступление русского народа от исканий Бога — прямой результат того, что наше духовенство самым образом жизни своей протянуло народу камень вместо хлеба. И вот я попал сюда, и священников арестовали. И один продает другого, один клеветает на другого, топит другого, только чтобы спасти свою шкуру. Выходит, ими забыты призывы Христа? Скажу вам откровенно: я впал бы в отчаяние, если бы не верил в Бога и народ.

— А в чем заключается ваша вера в народ? — спросил Лева. Он и его собеседник совсем забыли, что они в бане, и перестали мыться.

— Я верю, что стремление народа к свету и правде нельзя убить. Я изучил историю нашей русской церкви, историю раскола и сектантства. И какие бы в ней ни встречались отступления от принятых православием канонов — все же стремление русской души к светлому, Божескому — неискоренимо. Я пришел к выводу, что если официальная господствующая церковь рухнет и православие утратит свое влияние на народные массы, то движение к Богу из недр самого народа, как это мы видим в сектанстве, разгорится ярким пламенем, то братство, которое выражено в ваших общинах, победит всякий формализм и мертвечину неверия и вспыхнет ярким пламенем, освещая будущий путь русского народа. Я убежден, что именно евангельскому движению предстоит великое будущее...

— Вы меня ободрили, — поблагодарил литератора Лева. Но в это время в баню зашел надзиратель и велел поторопиться: время, отведенное на мытье, заканчивалось.

Лева расстался с заключенным литератором, как с родным братом во Христе. Светло и радостно стало у него на душе после этой встречи.

Вскоре юношу снова вызвали на допрос. Начальник был не в духе и сказал, что в последний раз предлагает ему признаться, кто руководил им и кто стоит во главе организации. Лева по-прежнему отвечал, что руководил им Бог и что только Евангелие побудило его сделать этот шаг.

— Ну, вот что, молодой человек. Сообщаю вам, что ваше Евангелие творит только зло. Сидели бы вы дома да помогали вашей матери — и все было бы хорошо. А то вот поехали... К вашему сведению, все лица, с которыми вы соприкасались, арестованы как члены организации, в которой вы участвовали. Подумайте, сколько сирот и вдов осталось по вашей вине, сколько горя и слез причинил ваш неразумный шаг! Вы хотели сделать добро, а сотворили зло. И вот теперь близкие по вере вашей страдают. Вот что вы натворили: не только себя лично, но и многих, многих других погубили. Идите, дожидайтесь приговора, он будет суров.

— Я готов принять что угодно, — сказал Лева. — Молно не только об одном: никто не должен пострадать из-за меня.

— Уже страдают.

Следователь позвонил, пришел военный, и Леву увели.

Необыкновенно грустный вернулся в камеру Лева. Он абсолютно не думал о том, что его ждет суровый приговор. Не это его тревожило. Перед его умственным взором предстали десятки, сотни тех братьев и сестер, с которыми он соприкасался в пути. Они в тюрьмах, их допрашивают. И сотни — больше, больше! — детей, лишенных кормильцев, рыдающих матерей. И во всем виноват он один — тем, что принял необдуманное решение оставить все и посещать заключенных. Ему вспомнились уговоры близких не вставать на этот путь, вспомнились слова его двоюродного брата Юрия, что никто его не посылает, что он сам затеял все это... И вот теперь расплата, такая ужасная, что все добро превратилось в сплошное зло...

Была ночь. Камера освещалась лампочкой, но света Лева не замечал. Все погрузилось в страшный, адский мрак. Стены казались черными, из них, словно наяву, выползали черные змеи. Эти змеи душили его, он страшно страдал. Пропасть отчаяния разверзлась перед юношей. Он хотел молиться, но и молитва не шла на ум. "Злодей, ты, злодей!" — шипели гремучие змеи, и он, объятый ужасом, не знал, что делать. Дух его был еще бодр, но измученное долгими месяцами следствия, тюрьмами тело трепетало в безысходной тоске...

— Итак, все погибло, — думал он, — все то светлое, к чему стремилась душа. Стремление нести утешение обернулось горем и морем слез. И все это потому, что он решился исполнить Слово: "Был в темнице, и вы посетили меня". Душа Левы разрывалась от горя и отчаяния, а черные змеи сатанинских искушений все сильнее и сильнее сжимали его сердце, стараясь умертвить всякую веру, всякую надежду...

Лева метался на нарах. Жить больше не хотелось. И змеи шептали: "Разбей голову об эту стену, умри!"

— Господи, Господи! — стонал юноша, — умоляю Тебя: пусть только из-за меня не страдают родные. Сделай чудо, чтобы пострадал только я один! Чтобы никто не лил слез из-за меня...

Но змеи не отступали, они терзали разум, а яд их проникал в душу.

— Ведь если ОГПУ взялось за дело, они доведут его до конца. Если решил всех арестовать — арестуют. У них нет ни жалости, ни сострадания...

Лева подумал о Христе в Гефсимании. Когда Он изнемогал, явился Ангел с неба и укрепил его. А кто явится ему, кто скажет слово утешения? Тюрьма спала. Только слышались иногда шаги надзирателя и звук открываемого в двери камеры волчка: дежурный проверял, все ли спокойно.

Хотя бы капля ободрения! Хотя бы капля надежды!..

Приближался рассвет. Первые слабые солнечные лучи проникали за решетку окна. И вдруг на окно сели воробьи и там, у решетки, щебетали радостно, бодро, весело. И Лева понял; это Бог послал их ободрить его. И ярким светом озарили его воспаленный ночными искушениями мозг слова Спасителя о птичках, которые не забыты Богом, которые не пропадут без воли Всевышнего... А черные змеи зла уползли, исчезли. На душе воцарился покой, и в сердце зазвучала песня:

Так запою от счастья.
Счастлив, свободен я.
Кто птиц небес питает,
Позабудет ли меня?

Лева припоминал все новые и новые чудные гимны, и душа его пела.

Не тоскуй ты, душа дорогая,
Не печалься и радостна будь.
Жизнь, поверь мне, настанет другая.
Любит нас Сам Господь, не забудь.

Уповай ты на Господа Бога
И почаще молись ты в тиши,
И утихнет на сердце тревога,
И получишь ты мир для души.

В мире волны бушуют, как в море,
Ветер страшно и грозно шумит.
Но взгляни: вот с любовью во взоре
На тебя твой Спаситель глядит.

Жизнью нашей Он Сам управляет
И защиту Свою подает,
Посылает нам то, что желает,
И нас, к радости, к счастью ведет...

Не знаю, сравнивал ли кто воробьев с Ангелами, но для Левы они, сидящие и чирикающие у тюремного окна, поистине были Ангелами. Своим щебетаньем они напомнили ему о великой любви Небесного Отца, который силен помочь, защитить, все устроить... И Лева уснул тихо, спокойно, как засыпают невинные дети.

Глава 18. "Есть надежда"

"А надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам".

Рим. 5:5

И опять медленно потянулись дни тюремного заключения. Голод и недоедание все острее давали о себе знать. Может быть, потому, что Лева не получал никаких передач. Юноша был уверен: начальство запретило принимать адресованные ему передачи. Не может быть, чтобы верующие, которые знали, что он сидит в Иркутской тюрьме, не принесли хотя бы немного пищи. Тело слабело, нервы окончательно отказывали, но он не плакал, он был спокоен так, как может быть спокоен лишь тот, кто возложил все свое упование на Бога. В ежедневной молитве он просил об одном: чтобы Господь освободил всех братьев, которые, возможно, арестованы в связи с его делом.

Однажды, когда особенно хотелось есть, он как-то по-детски попросил у Бога пищи. И что же прошло немного времени, как вдруг входит надзиратель с большим ящиком в руках.

— Вам посылка, — произнес он. — От кого ожидаете?

Лева называл имена и адреса своих родных, близких верующих, но угадать никак не мог. Надзиратель покачал головой:

— Тут фамилия ваша, имя ваше. Вы с татарами в родстве не состоите?

— Конечно состою, — сказал Лева, а про себя подумал: "Кто же из братьев татар мог прислать? Ведь среди татар так мало христиан". И вдруг он вспомнил о брате-татарине из Канска, который особенно любезно угощал его кониной. Сабиров из Канска. от него, видно, посылка, — сказал Лева.

— Да, он самый, — подтвердил надзиратель. — А вы тоже сами из татар, что лк?

— Нет, не из татар, но породнился с ними, — ответил Лева.

В посылке оказались сухари, конская колбаса и сало. Лева от души поблагодарил Бога, что Он услышал его. и угощал заключенных, что находились в это время с ним в камере.

— Как же это вы с татарами породнились? — спрашивали заключенные.
— О, это через Кровь Христа!
— А мы думали, что ваша сестра вышла замуж за татарина.
— Нет, я встречался с ним только один раз, но мы полюбили друг друга, потому что он любит Христа и я люблю Христа.

— Удивительно, удивительно, — говорил бывший начальник милиции, — как это вера во Христе роднит людей без различия национальности, все становятся близкими друг другу.

Эта близость и это родство наполняли сердце Левы жадой увидеть родных близких. Он не сомневался, что свидания ему не разрешат, знал также, что впереди его ждет тяжелая неизвестность. А как хотелось бы увидеть брата!.. И он сказал об этом Господу. Не прошло и нескольких дней, как Господь все устроил. Это было неожиданно и казалось совершенно невозможным, но разве есть что трудное для Господа?

Как-то Лева взобрался на тюремное окно и заглянул в тюремный квадратный дворик, в который арестантов выводили на прогулку. (Этот дворик в центре тюрьмы был со всех сторон окружен тюремными стенами.) Он увидел одного. Лева всмотрелся в гуляющего арестанта и узнал в молодом человеке того самого брата, который ехал в Якутск, но задержался в Иркутске и стал там пресвитером.

Часовые следили, чтобы арестанты не выглядывали в окна, и выглядывать, а тем более разговаривать было опасно. Но Лева, не выдержав, крикнул:

— Брат!

Молодой человек поднял голову и, увидев Леву, радостно ему улыбнулся и крикнул в ответ:

— Есть надежда!

Надзиратель тотчас же увел его со двора. Но эти чудные слова озарили сердце Левы необыкновенной радостью. И юноша стал думать над тем, что хотел сказать ими брат.

— Надежда на то, что Бог сильнее всего, надежда на то, что все кончатся благополучно?

Да, да, жива надежда, есть надежда. И в последующие дни эти слова все время несли ободрение усталому, истощенному узнику. Как приятно, как чудесно, когда в то время, как тебя окружают тюремные стены, когда на стенах читаешь старые надписи, вроде "попадешь — не воротишься", когда свинцовая черная неизвестность нависла над тобою, знать: есть надежда. И Надежда не постыжает, либо любовь Божия велика и безгранична.

Глава 19. "Не положено"

"В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеком... Пришел к своим, и свои Его не приняли".

Иоан. 1:4,11

Человек может ко многому притерпеться. Но какими бы высокими чувствами ни была озарена его душа, роль окружающей его внешней среды все-таки велика. Она может давить на разум, смущать душевный покой.

Уже не дни, не недели, но долгие месяцы находился Лева в спертom, зловонном, прокуренном воздухе тюремной камеры. Щеки его стали совершенно бледные, ввалились. А сам он стал похож на тех заключенных, о которых говорят, что он-де тонкий, звонкий и прозрачный. Лева никак не мог привыкнуть к табачному дыму, который, словно густой туман, сизый и вонючий, наполнял камеру снизу доверху.

И невольно Лева вспоминал свежий, пахнувший травами аромат сада, где он провел свое детство и где встретил начавшуюся юность. Нередко утром, проснувшись с головной болью и все с тем же роковым, неумолимым чувством голода, он после молитвы и чтения любимой Книги переносился мысленно на ту родную улицу, где родился. Там были аллеи тополей, обильно цветущие яблоневые и вишневые сады. Юноша мысленно встречался с родными, шел на огород, где останавливался под двумя огромными раскидистыми осокорями... Так, не замечая окружающего, не ощущая вони параши и ужасного табачного дыма, он дышал свежим, чистым воздухом своего родного дома.

Еще в отрочестве, беря книги из библиотеки, Лева заинтересовался журналом "Каторга и ссылка" и внимательно читал его, номер за номером. Тогда он и в мыслях не мог предположить, что ему придется сидеть в тюрьме, в каменном мешке одиночки, временами набитом людьми до отказа. Он тогда мечтал о науке, о карьере исследователя, путешественника, но сердце его, которого коснулся Христос своей любовью, уже тогда не могло равнодушно пройти мимо страданий. И он продолжал читать этот журнал, полный описания безумных мук тех, кто боролся с самодержавием, верил в революцию и отдавал жизнь за народ.

Именно в этом журнале Лева прочел, что многие тогда умирали от туберкулеза легких, многие сходили с ума, кончали жизнь самоубийством, не будучи в состоянии вынести ужасы пребывания в каменном мешке. Но писалось там и о тех, сильных духом людях, которые, попав в заключение, чтобы не погибнуть, не сломить свою волю в тюрьме, жили богатой внутренней жизнью. Все, что они делали на воле, делали они и а застенке, но только... мысленно: двигались без движения, копали землю без земли и лопаты, пели без звука, радовались встречам и удачам — без встреч и удач, — все мысленно, а если выразить точнее — духовно.

И Лева, кроме времени, которое он уделял изучению Евангелия, мысленно после обеда ходил на Волгу, купался, возвращался домой, беседовал с родителями. По воскресеньям он отправлялся на собрание, слушал пение хора, разговаривал с друзьями. Однако сил от этого мысленного труда не прибавлялось. Наоборот, их становилось все меньше и меньше,

О. если бы хотя бы немного, совсем немного настоящего чистого воздуха, без этого ужасного смрада, дыма, без этой рутами, ненависти!..

Когда Лева поместили в этот каменный мешок, в камере было место поближе к окну, и по тюремным неписанным законам Лева имел полное право занять его. Но потом в камеру ввели других, гораздо более несчастных, чем он. И Лева принял решение: всем им уступать лучшее место, а самому располагаться у зловонной бочки. Там он и спал. Вентиляции нет, душно, душно, страшно душно, болит голова... Лишь только те, кто разместился у окна, могли глотать немного свежего воздуха.

Сколько он еще пробудет здесь, неизвестно. Дни ползут медленно, мучительно медленно. Прошла весна, настало лето. И вот оно тоже близится к концу. А в каменном мешке все то же зловоние, тот же "климат", та же "погода".

— Тебе бы пора к окну, ты ведь давно здесь, — говорили Лева.

— Нет, мне и здесь хорошо, — отвечал он. — Пусть другие займут лучшие места. А про себя думал: "Они здесь страдают, несчастные, да и после смерти у них нет надежды ни на что хорошее, у меня же все впереди..."

Древо жизни цветет,
Плод целебный несет.
И живая река там бежит,
Там бежит...

Лучший друг примет меня. О, какой воздух будет там, у источника живых вод. Это временное — ничто по сравнению с тем, что ожидает верующих, У этих же людей ничего нет. Пусть хоть здесь они займут лучшие места. А у меня вес впереди...

Так думал тогда девятнадцатилетний Лева,

Когда в камеру входил новенький и с опаской смотрел на место у зловонной бочки, его успокаивали:

— Это место всегда занято, располагайтесь рядом...

Делать добро другим — это радость, и отраднo было на сердце Левы, что он избавлял человека от неприятного соседства с парашей.

Ужасны дни в этом каменном мешке, еще страшнее ночи, когда щелкают замки, и кого-то выводят, и каждый содрогается и думает: "Не за мной ли пришли?" Люди опускались, страдали, мучались, ненавидели друг друга, но Леву никто не обижал. Многие даже жалели его пропадавшую молодость. А он... он их любил.

И вот однажды их наконец вывели на прогулку. Было лето, и воздух казался каким-то особенным, чудесным. Лева никогда не забудет, с каким наслаждением дышал он этим чистым летним воздухом. Да, он дышал им и не мог надыхаться в этом маленьком дворе, огороженном высокими стенами. Если такое дивное ощущение свежести и счастья дает земной свежий воздух, то какое же блаженство ждет нас у Отца! — подумал юноша.

Лева посмотрел себе под ноги — это была настоящая земля, чернозем, а не цемент, как на полу каменного мешка. Юноша незаметно нагнулся, взял кусочек земли, зажал его в кулак и тайком принес в камеру. Из хлеба (он был, как глина) Лева сделал маленькую чашечку и, засыпав в нее земли, посадил чеснок, что дал ему сосед-заключенный, получавший передачи. Свой "огород" он поставил на окно, у решетки, ближе к форточке.

Каждый день Лева незаметно поливал посаженное. И вот — появился росток. Вначале маленький, незаметный, он рос на глазах и вдруг зазеленел. Жизнь поваяло в каменном мешке. Люди, неотрывно смотря на зеленый росток, словно забывали горе. Они вспоминали родные поля, луга, сады, говорили о посевах, об овощах, где что родится. Меньше стало зловонных, грязных анекдотов которыми пытались развлечься.

И Лева часами любовался этим зеленым ростком, думая о Том, Кто взошел, как отпрыск, как росток из сухой земли, и не было в Нем ни вида, ни величия.

— О чем ты думаешь, Лева, когда смотришь на эту растущую травку? — спросил его бывший начальник милиции.

— Я думаю о настоящей жизни! — ответил ему Лева. — Вот Христос. Он тоже, придя к нам в грешный мир, принял образ раба и явил людям настоящую жизнь — жизнь любви и мира, переходящую в вечную жизнь. Это растение напоминает мне Христа.

А растение росло, зеленело, и чем больше оно становилось, тем легче было заключенным переносить свои страдания.

Но вот однажды, во внеурочное время заскрежетали ключи в замке двери. Кто-то вошел и грозно произнес:

— Это что такое на окне?

— Да это только маленькое растение. Они никому зла не делает, — ответили заключенные.

Надзиратель полез на нары.

— Гражданин надзиратель, не трогайте, оставьте! — кричали ему. — Это никому не мешает...

Но он не слушал. Схватил и смял зеленеющий стебелек.

— Не положено! — отчеканил он. И бросил живое растение в зловонную бочку.

Захлопнулась дверь. Затих стук кованых сапог. В каменном мешке стало тихо. Люди молчали... А тот, кто сажал это растение, бледный, изможденный, худой, опустил голову на руки и задумался: Христос отвержен в современном обществе. Он, несущий жизнь, отдавший Себя ради страдающего люда, все так же не нужен миру. Его учение выбрасывают, как выбросили этот маленький росток. Даже имя Его стараются истребить с лица земли.

Но почему это? Почему? Ведь Он несет жизнь миру, Он зовет к любви, к братству, очищает нравственную атмосферу жизни от всякой нечисти. Пришел к своим, пришел к людям, а они не приняли Его, они убили Его...

Человечество не может жить без растений, они дают людям пищу, хлеб. Христос — хлеб жизни. Без него мир

погибнет. О, Боже, как нужен Ты этим мятущимся, задыхающимся в грехах людям!

Послышались чьи-то крадущиеся шаги, кто-то с внешней стороны подошел к двери камеры, открыв волчок, заглянул внутрь. И в этом взгляде читалось одно: "Не положено, не положено!"

Глава 20. "Что делать с тобой?"

*"Хулят вас, мы молим; мы как сор для мира,
как прах, всеми попираемый доныне"*

1 Кор. 4:13

Индия... Когда услышите это слово в тюрьме, не думайте, что речь идет об известном государстве в Азии. Нет, это индия тюрьмы. Самое дно преступного мира. Мирок индии настолько развращен и нетерпим даже в условиях заключения, что его изолируют в особые камеры, где индийцы ждут "зарплаты" за свои злодеяния. В большинстве своем это молодежь, соблюдающая лишь законы преступного мира. Всех остальных заключенных, не из категории индии, они ненавидят и презрительно именуют мужиками. Главное удовольствие обитателей индии — карты. Они проигрывают последние пайки, одежду с себя, оставаясь часто совершенно нагими. Мир индии пропитан не только матом, он словно нашпигован всякими преступлениями, какие только знало человечество.

Камеры с индией в глазах заключенных были самым страшным местом наказания. Обитателей индии называли шакалами. Если случайно туда помещали обычного арестанта, он буквально пропадал. Эти камеры выходили на тюремный двор со стороны, противоположной одиночкам. И в одиночках были слышны ужасные крики, которые часто раздавались в индии. Эти крики-боли и отчаяния разрывали сердце Левы.

Иногда там пели, шакалы, обладавшие хорошими голосами, пели громко, не обращая никакого внимания на окрики надзирателей. Некоторые из этих песен остались в памяти Левы. Вот одна из них:

Судьба во всем большую роль играет,
И от судьбы далеко не уйдешь,
Она тобой повсюду управляет,
Куда ведет — покорно ты идешь.

Друзья мои, двенадцать лет мне было,
Когда меня принял преступный мир,
И сила волю быстро охватила:
Я ревизором стал чужих квартир.

Чтоб можно было жить, работала мамаша.
Я потихоньку начал воровать,
И пойман был, и был лишен свободы,
И все забыл, что предсказала мать.

Не слушал я мамаша наставления,
И не молился перед Божеством,
И не исполнил я судьбы своей веленья:
Я шел тропой, проложенной отцом.

Был вор отец, я, сын его, — бродяга,
У отца сыночек я был один.
Теперь я болен страшною чахоткой...
Помру иль нет, но только жаль мне жизнь!..

Лева вслушивался в стон этой безыскусной песни, и душа его болела за всех несчастных, бедных грешников.

— Если бы дали свободу! — думал он. — Мы начали бы работать среди самого падшего мира. У входа каждой тюрьмы повесили бы тексты Священного Писания и лозунг: "Покайтесь и веруйте в Евангелие!" Я бы ничего не пожалел, чтобы проповедовать и звать ко Христу этих страшных шакалов. Ведь они тоже люди, люди...

...А там, в индии, петь перестали, и какой-то шакал громко закричал в тюремный двор:

— Пусть будет проклял тот отныне и веки, кто думает тюрьмой исправить человека!

Лева слышал все это и не со вчерашнего дня знал, что тюрьма — это университеты преступности.

Наконец Леву вызвали опять на допрос. В большой светлой комнате сидел начальник, который вел дело Левы. Он осмотрел его каким-то усталым, равнодушным взглядом. Видно было, что ему приходилось страшно много работать. Ведь тогда для арестованных и подследственных не хватало ни тюрем, ни камер.

— В общем, так, — начал начальник. — Мы проверили твое дело и пришли к определенным выводам. Ты просто фанатик, и вся эта твоя организация существует только в твоей голове. Однако ты совершил предосудительные поступки, и за это мы должны тебя наказать.

— Как угодно наказывайте, — сказал Лева. — Я за Христа готов...

Начальник встал и развел руками:

— Так вот, мы оставляем тебе ту же самую статью 58, пункт 10, часть 3-я. Следствие пришло к заключению, что одиннадцатый пункт, то есть контрреволюционная организация, к тебе не подходит: слишком ты был одинок, и все люди, которых мы задерживали и арестовывали по твоему делу, после детального опроса освобождены.

Лицо Левы просияло. Значит, Господь услышал его молитвы. Буду страдать один...

— Ты, видно, обрадовался, что за тебя никто не страдает, — произнес начальник, улыбаясь оживлению Левы. — Да только пойми, что все это временно. Ничего не изменилось. Вы сектанты, а значит, враги советской власти. Идеализм нам враждебен, и мы будем до конца бороться с ним. Ваша активная религиозная деятельность контрреволюционна, т.к. она подрывает устои нашего строя, основанного на истинах материализма. Рано или поздно, но все твои братья и сестры ответят по закону.

— Но, поймите, — сказал Лева, — Христос стремился делать только добро, чтобы было меньше страданий, несчастий. Никакой контрреволюции у нас и в мыслях нет! К нам эта статья совсем не подходит. Хоть мы для вас как сор, как прах, но мы за вас молимся...

Начальник увидел искренность Левы:

— Если вы субъективно и не против нас и любите нас по вашему Христу, то объективно вы вредите нам, мешаете, и мы должны принимать к вам какие-то меры.

— Но статья! Статья совсем не подходит мне, — продолжал Лева. — Просто сердце болит, что за чепуха: вел пропаганду, агитировал против советской власти, и главное — с целью свержения... Использовал предрассудки народных масс. Нет, в этом я совершенно неповинен.

Начальник сел за стол и начал перелистывать материалы дела Левы. Затем внимательно посмотрел на него и сказал:

— Все это вы наделали в восемнадцать лет. А что будет, когда вам стукнет двадцать пять? Что делать с тобой? Лева ничего не ответил. Начальник позвонил, и Леву увели.

Глава 21. Забытый

"Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся".

2 Кор. 4:8

Больше Леву на допросы не вызывали. Он понимал, что со дня на день по его делу должен быть вынесен приговор. Когда же состоится заседание полномочного представительства О ГПУ Дальневосточного края? Может быть, они сегодня вынесут ему свой приговор, а, может быть, завтра? Но дни шли за днями. Менялись его сокамерники: им выносились приговоры, а он все сидел и сидел. Прошел месяц, затем другой. Из окна подул холодом, наступила осень.

Казалось бы, уж можно было бы привыкнуть к этому постоянному ожиданию приговора и не ощущать его остроты. Но на самом деле привыкнуть было невозможно. Не случайно ведь мудрый русский народ сложил об этом поговорку: ждать и догонять — самое плохое дело.

Неопределенность дела в смысле того, как его расценят и что ему дадут, оригинальность самого дела, которое нельзя было сравнить с какими-либо другим преступлениями, — все это давало Лева ясное понимание того, что он находится в отчаянных обстоятельствах. Если к этому добавить то, что он не получал никаких вестей от близких, не знал, в каком положении его семья, отец, не имел никаких свиданий, если присоединить к этому невероятный голод, который мучил Леву каждый день, а также суровый режим тюрьмы, то можно легко понять, насколько он был отовсюду притесняем. Казалось бы, можно впасть в уныние, прийти в отчаяние...

Его земная хижина — тело — таяло: стала кружиться голова, нарастало ощущение физической слабости, особенно к вечеру.

Единственно, что не было нарушено, — это сон. Как поется в одном из псалмов: "Возлюбленному своему Он дает сон". Этому, возможно, способствовало то, что днем Лева абсолютно не ложился отдыхать. Он или сидел, или стоял, или двигался из стороны в сторону по маленькому пространству одиночки. К вечеру юноша чувствовал себя настолько утомленным, что, положив голову под подушку, не слышал никаких разговоров и быстро засыпал.

Одно становилось Лева все яснее, что если его и оставят в живых, то есть дадут тот или иной срок "наказания" — жить ему останется очень немного. Он слышал об условиях содержания заключенных в лагерях и понимал, что к лагерному труду он совершенно непригоден, а потому обречен быстро "исчезнуть", как исчезают там многие слабые и физически больные. Но и такая перспектива его не расстраивала: он понимал, что впереди, после всех этих страданий его ожидает вечная жизнь.

Одно только земное желание владел юношей: увидеть своих родных по вере и рассказать им, как дивно вел его Бог в его восемнадцать лет, рассказать, чтобы дать им понять, что все, что он север-опт, сделано не им, Левой. Он всего лишь глиняный сосуд, а та неизбывная сила, которая его вела, может быть приписана только Богу, но отнюдь не человеку. Он точно знал, что только Бог, Которому он вверил свое сердце и подчинился, — только Господь привел к тому, что он, невзрачный восемнадцатилетний юноша, совершил то дело, за которое теперь терпел столь тяжкое наказание.

Среди заключенных в тюрьме был слепой старик. Лева часто видел, как его выводили на прогулку на арестантский двор. Он знал много тюремных песен и обладал красивым голосом. Песни он пел громко, но надзиратели

не мешали ему: они сами, видимо, наслаждались его пением. Среди старинных сибирских песен, которые пел этот слепец, одна особенно запечатлелась в сердце Левы. Грустный, тоскующий голос старика плавно рассказывал о том, как

За тюремной кирпичной стеною
Молодой арестант умирал.
Он, склонившись на грудь головою
Потихоньку молитву читал:

"О Всесильный Господь, дай мне силы
Подышать еще несколько дней,
Дай сходить на родную сторонку
И увидеть всех близких друзей.

Повидаться с женой молодою
И обнять престарелую мать..."
Но уж сердце больного предчувствует,
Что ему никого не видеть,

Отвернулся, бедняга, он к стенке,
Три раза он тихонько вздохнул,
И закрыл свои карие очи.
И навеки, бедняга, уснул.

Не увидел он родную сторонку,
Не увидел всех близких друзей,
Не обнял свою милую женушку,
Не обнял свою старую мать...

Когда старик пел, в камерах не было слышно шума: вся тюрьма слушала его. Каждый заключенный как бы предчувствовал, что и его как героя песни слепого, ожидает подобная участь. Ни для кого не было секретом, что немало их именно так и умирало в суровых условиях исправительно-трудовых лагерей,

Этот мотив и слова песни навевали и на сердце Левы тихую грусть. Грусть, но не отчаяние. Как бы в ответ певцу он вполголоса начинал напевать сам:

Когда окончится труд мой земной.
Даст мне Спаситель на небе покой,
Там навсегда буду с Ним пребывать
И вечно славу Его созерцать.

Славу Свою даст Он мне узреть,
Буду на лик Его дивный смотреть.
Славу Свою даст Он мне узреть...

Место даровано в доме Отца
Мне беспредельной любовью Христа.
Ах, что за радость Его увидеть
И вечно славу Его созерцать!

Там многих встречу любимых друзей.
Чудно свиданье вдали от скорбей!
Благость Христа будем все воспевать
И вечно славу Его созерцать...

Да, великая пропасть пролегла междулевой и другими заключенными. Он видел впереди Небесную родину, знал о будущей встрече с любимыми друзьями, вдали от скорбей и не мечтал об временной земной свободе, ибо готовился идти ко Христу. А они, несчастные, не видя впереди ничего, жаждали хотя бы ее глотка, чтобы вздохнуть вольнее, увидеться с любимыми — и все... Ни у кого из них не было столь радужной перспективы, которую имел Лева в своей вере во Христа и в вечную жизнь.

И еще одна тоскливая песнь не раз доносилась до Левы:

Забыт я, заброшен в сибирские края,
Лишен драгоценной свободы,
И так пропадает вся юность моя,

Пройдут мои лучшие годы.

В тюрьме за решеткой нас много сидит,
Наверно, нам участь такая —
В неволе сидеть, на волю глядеть...
А сердце так жаждет свободы...

Лева знал, что, "кто потеряет душу свою, тот приобретет ее", и нарисовал на открытке крест, а на нем распятое "Я", по бокам же — тексты из Слова. Эта открытка потом напоминала Лева о пережитых им испытаниях.

Трудно сказать, было ли это проявлением юношеского тщеславия или Лева известным образом переоценивал силу и значение своего "подвига", но только ему не хотелось, чтобы он был вовсе забыт. Иногда ему казалось, что вот, его возьмут — и никто не узнает, что он был здесь, и не останется о нем никакой памяти.

Заключенные обычно на стенах камеры вырезали свои фамилии. За это администрация наказывала их карцером, а надписи замазывали. Лева тоже решил сделать памятную надпись, но только не на стене, а на ложке. У него была медная никелированная ложка, а на ее ручке острием ножа (который искусно прятали узники) он выгравировал слова — баптист Л. Смирнский. Он думал — ложка не выбросится, всегда кто-нибудь будет ею пользоваться и, быть может, прочтя эту надпись, подумает о том, кто столько пережил здесь ради Христа и Евангелия.

И вот скоро исполнится год, как Лева Смирнский находится в следственном изоляторе, и полгода — в Иркутской одиночке. Почему до сих пор нет приговора? Может быть, ждут, что он раскается? Или что сам по себе "растает", заболит в этой одиночке, и не будет надобности поднять на него карающую руку закона? Однако Лева в голову никогда и мысли не приходило, чтобы написать какое-то заявление, о чем-то хлопотать. Он знал тогда только одно: нужно терпеть и терпеть, идти по следам Христа.

Время от времени начальник тюрьмы с представителями администрации делал обход камер. Собирали заявления, жалобы. В один из таких обходов начальник внимательно посмотрел на Лева и спросил:

- Ты что-то давно здесь сидишь... Следствие окончено?
- Да, уже давно окончено, — слабым голосом ответил Лева. За кем ты числишься?
- За ПП ОГПУ ВСК.
- Запишите его имя и выясните, — сказал начальник.

Они ушли, а Лева стало ясно, как заметно разрушился его глиняный сосуд: руки и все тело его дрожали нервной непрерывной дрожью. Внутренне он был спокоен, но плоть его трепетала, как трепещет в руке сердце пойманной птички. Он старался успокоиться. Проходили часы, а руки не переставали дрожать, и он понял, что тело его близко к разрушению...

Глава 22. Приговор

"Мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем".

2 Кор. 4:9

Казалось, что этот день будет похож на все остальные тюремные дни, но вот неожиданно замок проскрежетал свою обычную песню, открылась дверь, и вошедший человек протянул Лева бумагу:

— Распишитесь!

Лева взял и прочел. Это было постановление ПП ОГПУ ВСК. С левой стороны написано: СЛУШАЛИ дело Л. Смирнского. С правой стороны — ПОСТАНОВИЛИ: по ст. УК 58, пункт 10, часть 2-я приговорить к пяти годам концентрационных лагерей.

Лева расписался.

Собирайся с вещами. Сейчас вас поведут в общую камеру осужденных.

Лева быстро собрал свои скудные пожитки. Прощаться ему в камере было не с кем, так как в этот день он сидел один.

Какое впечатление произвел на Лева приговор? Он не обрадовал его, но и не испугал. Лева знал, что при том положении, когда целый ряд верующих, исполнивших Евангелие, несправедливо попадали в тюрьму, Ому свободы не ждать. Ожидая вывода в общую камеру, Лева тихо запел:

Не ради почести и славы
Стремлюсь я, Боже, к небесам.
Хоть труден путь борьбы кровавой,
Но верю я Твоим словам,
Что я Твой воин, Боже правый...
Нет больше славы,
Не надо почести иной.

Не ради вечного покоя
Стремлюсь я, Боже, к небесам,
Хотя среди земного зноя

И тяжело моим рукам...

Не ради вечного блаженства
Стремлюсь я, Боже, к небесам,
Но чтобы в песне совершенства
Воспеть любовь к Твоим рабам.

Нечиста песнь моя земная
И обрывается порой.
Лишь там польется в сени рая
Она достойною хвалой...

Лева чувствовал особую близость Христа, когда получил приговор, когда стал осужденным. Христа тоже осудили за любовь. Со слезами в душе, с необыкновенной радостью во всем своем существе Лева ощущал великое счастье страдать со Христом, за Христа, страдать за любовь...

Глава 23. Общая камера

"...Терпя недостатки, скорби, озлобления..."

Евр. 22:37

Общие камеры Иркутской тюрьмы были переполнены осужденными, ожидающими отправку в этап. Здесь, как и везде, Лева не занял места на нарах. Здесь, как и везде, он встретил озлобленных, несчастных, ругающихся людей, отрадой которых было единственное — зловонный табачный дым и грязные анекдоты. Среди них Лева был самым молодым. Лица его не коснулась бритва, лишь на подбородке темнел юношеский пушок. И это чистое юное лицо его резко выделялось на фоне обросших грязных лиц. (В парикмахерскую бриться заключенных возили редко.)

— Ты за что осужден, парень? — спросил Леву огромный коренастый мужчина. Этот бывший начальник одного из лагерей был осужден за творимый им произвол.

— Я верующий, последователь Христа, — сказал Лева.

— Ну, верующих, не сажают. Совершил какое-нибудь преступление?

— Исполнял Евангелие: посещал ссыльных и заключенных.

— Да, это не дозволено. Сколько тебе дали?

— Пять лет, — спокойно ответил Лева.

Спрашивающий критически осмотрел Леву и сказал, безнадежно махнув рукой:

— Это для тебя много. В лагерях ты и трех лет не протянешь, да какое лет — и трех месяцев, может быть, не выдержишь. Там, друг мой, вот так, — и он сжал свой кулак. — Работаете — ешь, живете; слаб, не выполняете нормы — штрафной паяк, штрафной барак, и загнешься как миленкий. Вот и все...

— Ну, вы так не говорите, — возразил один из заключенных. — Там медицина ведь следит...

— Ха-ха! — рассмеялся бывший начальник лагеря. — Медицина! Нужно дать план, нужно выполнить норму — вот тебе и медицина. Не потопаешь, так и не полопаешь — вот все...

Между заключенными шли бесконечные разговоры, куда и как направляют этапами. Все мечтали попасть в сельскохозяйственный лагерь: там, говорят, и работа полегче, и питание получше. Всех пугали сибирские лесозаготовки — отдаленное от города таежное отделение, о котором рассказывали разные ужасы. Боялись также дальних этапов. Этап — это самое страдальческое время для заключенных.

Составлялись списки, спрашивали, кто какой специальности. Видимо, этапы формировали не только в зависимости от статей и сроков, но и от качества рабочей силы. На сердце Левы было совершенно спокойно. Он знал, что у него есть Отец, Который печется о нем и устроит все, как нельзя лучше. Знать это очень хорошо, но доверять всецело, не проявлять своей воли, это, видимо, особое достижение.

И вот с Левою произошло следующее: всех осужденных заключенных перед этапом комиссовывали, то есть подвергали осмотру медицинской комиссии, которая устанавливала категорию трудоспособности. Не миновал этой тюремной медицинской комиссии и Лева. Его раздели догола, и когда врач стала слушать его сердце и легкие; то позвала других врачей и находившихся при комиссии студентов Иркутского медицинского института и стала им демонстрировать Леву. Из их разговоров он понял, что здоровье его совершенно никуда не годится. Врачи стали составлять акт, чтобы "сактировать" его как нетрудоспособного. Лева слышал, что таких нетрудоспособных оставляют отбывать наказание в тюремных камерах как негодных для лагерей и они в тюрьме медленно умирают.

— Послушайте, — обратился Лева к врачам. — Будьте так добры ко мне, не актируйте меня, отправьте в лагерь.

Лева думал, что он — садовод, пчеловод и огородник — попадет в сельскохозяйственный лагерь, где, может быть, поправится, может быть, встретит там братьев, может быть, увидит солнце, посевет, огороды, пчел...

— Нет, ты туда совершенно не годишься, — сказал ему главный врач.

— Ну, пожалуйста, направьте меня в лагерь! — просил Лева. Ему пошли навстречу и записали его как трудоспособного. Прошли дни, прошли долгие годы, и Лева до сих пор не знает, правильно ли он поступил, настаивая перед врачебной комиссией неправильно оценить его трудоспособность, признать, вопреки очевидности, трудоспособным. Возможно, он проявил тут свою волю, а не отдался на попечение Отца и в часы или минуты комиссовки молитвенно с Ним не разговаривал...

Глава 24. Этап

"...Скитались..."

Евр. 11:38

Приходили люди со списками, выкликали прокомиссованных заключенных и переводили их в камеры, готовые к этапу, В одном из списков оказался и Лева, перевели и его.

В этапной камере были не только осужденные по 58-ой статье, но и масса воров-рецидивистов. Они вели себя нагло и всячески старались обокрасть тех, кто имел какие-нибудь вещи, поэтому каждому приходилось быть начеку. Здесь каждый день выводили на прогулку, и, когда однажды их вывели во двор, Лева увидел побелевшую землю, выпавший первый снег. Сразу почувствовался мороз.

В этапных камерах не было такого строгого режима, как в следственных. Заключенные по вечерам пели. Особенно часто пели песнь этапников:

Тюрьма Иркутская большая,
Народу в ней не перечесть.
Ограда каменная высока,
Через нее не перелезть,

И вот заходит в тюрьму начальник
И начинает выкликать:
"Рецидивисты, все собирайтесь!
Пора в этап вас направлять".

Рецидивисты все добрались,
Сложили вещи впереди,
И слышен голос конвоиров:
"Давай в вагоны заходи!"

Вот поезд тронулся, помчался,
Помчался прямо на восток,
А чья-то, чья-то мать старушка
Стоит и плачет у ворот.

Туда приеду, начальник спросит:
"Ты чей, откуда и куда?"
А я скажу, что я бродяга
Не помню матери, отца...

Лева смотрел на окружавших его бедных, несчастных людей. Особенно жаль ему было тех уголовников-рецидивистов, которые с юности скитались по тюрьмам. И все ради чего? Ради греха, преступления... Он решил побеседовать с одним из паханов — старым жуликом. Тот с удовольствием стал рассказывать ему похождения своей юности: побеги, успешные грабежи, убийства... Лева, в свою очередь, стал рассказывать ему свои приключения. Тот слушал, широко раскрыв глаза, и, недоумевая, разводил руками, когда Лева доказывал, что счастье — не брать у других, а давать другим.

— У нас совсем другой принцип, — сказал вор. — Вот какой: бери от жизни все, бери хотя бы с кровью.

Как ни пытался Лева рассказать ему о любви Христа, о вечной жизни, это было для него так ново, так необыкновенно, что он никак не мог понять, о чем говорил Лева.

— Ну, к чему вы стремитесь? — спрашивал старый вор. — Здесь страдать, все давать другим, что за жизнь такая?

Лева продекламировал ему старинный стих, который пели когда-то братья — пашковцы, братья — штундисты;

Ты куда идешь, скажи мне,
Странник с посохом в руке?
Дивной милостью Господней.
— К лучшей я иду стране.

Через горы и долины,
Через степи и поля,
Через леса и чрез равнины
Я иду домой, друзья.

Странник в чем твоя надежда.
Во стране твоей родной?

Белоснежная одежда
И венец весь золотой.

Там источники живые
И небесные цветы.
Я иду за Иисусом
Через жгучие пески.

Страх и ужас незнакомы
Разве на пути тебе?
Ах, Господни легионы
Охранят меня везде!

Иисус Христос со мною,
Он меня направит Сам
Неуклонную тропую
Прямо, прямо к небесам!

Так возьми ж меня с собою,
Где чудесная страна.
Да, мой друг, пойдем со мною,
Вот тебе моя рука.

Недалеко уж родная
И желанная страна.
Вера чистая, живая
Нас ведет с тобой туда...

— Да, все это интересно, — произнес преступник. — Сказать тебе по правде? Когда мне страшно бывает на деле, я молюсь Богу. Бога мы, воры, никогда не отвергаем, но и знать Его не знаем...

В своей вечерней молитве Лева особенно молился за этот несчастный, бедный мир, чтобы воссиял и для него свет учения Христа.

Перед этапом был проведен тщательный обыск, и с Левого случилось то, что можно назвать несчастьем. У него отобрали Новый Завет.

— Господи, пусть они вернут! — просил внутренне Лева. Но конвой был злой, напоминающий тех, кто раздевал и пригвождал Христа, лишая Его всего. Так лишили Леву Евангелия. Но он не возроптал, а только сказал:

— Благодарю тебя, Господи, что во все время следствия Твоя книга была дивным светочем, укрепляла и приближала меня к Тебе. А теперь Ты будь ближе ко мне и Сам говори мне...

Разлука с драгоценной книгой была необыкновенно тяжела для Левы. Он даже не отдавал себе отчета, как дорога она ему. А теперь, когда уже не мог каждый день и каждый час заглядывать в эту книгу, черпать из нее утешенье и все больше познавать в ней Христа, — теперь Лева особенно почувствовал все великое значение этой маленькой Божественной книги в жизни.

Этапников погрузили в товарный вагон. Набивали битком. В вагонах были железные печи, и они страшно дымили и никак не хотели разжигаться. Наконец разгорелись. Но тепло было только около них, в углах же вагона было холодно, как на улице. Куда везли — никто не знал. Заключенным никогда не говорят, куда их везут. Станции мелькали за станциями.

— Да будет воля твоя во всем, Господи! — молился Лева.

В этап, как всегда водилось в те времена, им выдали соленую селедку и порцию хлеба, а также небольшие кусочки сахара. Как всегда, не хватало питьевой воды, и заключенные надоедали конвою одной и той же просьбой:

— Дайте воды, дайте воды!

Прибыли на какую-то станцию. Вагоны отцепили, отвели на дополнительную, ветку.

— Мариинск, --- говорили те, кто выглядывал сквозь решетки вагона.

— Да, это был Мариинск, тот самый, который в свое время Лева посещал. Их выгрузили из вагона, построили, окружили конвоем, начальник сделал стандартное предупреждение о побеге. Тронулись в путь.

Лева думал, что их поведут к знаменитому Мариинскому распреду, в старинный тюремный централ, но их повели в другую сторону. Прохожие на улицах останавливались и смотрели на этапников. Невольно Леве вспомнились слова тюремной песни:

Я видел толпу любопытных людей,
Смотревших с каким-то укором,
Как будто для них я был злодей,
Мошенником, плутом иль вором...

В то же время Лева подумал о том, как вели в свое время на казнь Христа со злодеями. Тоже народ не разобрался, что Он ни в чем не виноват. Многие тогда смотрели на процессию, направляющуюся к Голгофе, примерно такими глазами: "Раз присудили, значит справедливо... Надо же наказывать за преступления!"

Их привели к огромной белокаменной Мариинской церкви, стоявшей возле леса. Церковь была окружена рядами колючей проволоки. За эту проволоку заключенных и поместили.

То, что увидел Лева в церкви, его потрясло. Это зрелище никогда не изгладится из его памяти. Церковь была необыкновенно переполнена. Все ее полутемное помещение, почти до самого купола, занимали многоэтажные нары, воздвигнутые на больших деревянных бревнах. Нары были соединены между собою лестницами, и люди находились не только внизу церкви, но и почти у самого ее купола.

В Мариинск из многих тюрем направлялась рабочая сила для формирования и пополнения лагерей Сиблага. Помещений для прибывающих осужденных не хватало, поэтому мудрые руководители в место их пребывания превратили церковь. В ней было, как в тюрьме: пахло не ладаном, а зловоньем бочек — параш; воздух был напоен не дымом камильниц, а смрадом от сотен трубок и папирос курящих. Вместо благоговейного шепота молящихся и стройного пения хора: "Господи помилуй!" и "Аллилуйя", слышался непрерывный мат и крик дерущихся, спорящих, ругающихся. Это был какой-то живой гнойник разлагающегося, стонущего люда. Это была мерзость запустения на святом месте.

Утром их вывели на воздух, на прогулку. Умывались снегом. Как голодные, озлобленные животные, думали только об одном: когда получат пайку хлеба, когда выдадут тюремную похлебку.

Лева всматривался в лица соседей (лазить по всем нарам не было сил): может быть, есть здесь кто из братьев... О, как бы ему хотелось встретить брата, верующего! Но, увы, никого не встретил, никого не нашел. Кругом были грубые, опустившиеся люди.

Страшно было сидеть в этой церкви! Все только и мечтали, как бы их скорей перевели из нес...

Глава 25. Мариинский распрел

*"...Ты со мною; Твой жезл и Твой посох —
они успокаивают меня. Ты приготовил предо
мною трапезу в виду врагов моих..."*

Пс. 22:4-5

Леву и многих других по спискам вызвали из тюрьмы-церкви, построили и повели. И вот они около каменных стен Мариинского распределителя ОГПУ.

Большие, из красного кирпича стены, огромные ворота. К этим воротам когда-то подходил Лева, еще будучи вольным, чтобы посещать близких. Здесь он встретился с дорогим братом Володей Лобковым, получив с ним свидание.

А теперь здесь он сам. Встретит ли он братьев? Заключенных ввели через ворота тюрьмы на огромный двор. В самую тюрьму — каменную, многоэтажную — не повели: она была переполнена.

Во дворе тюрьмы были выстроены громадные, длинные бараки, наподобие зданий, которые строятся при железнодорожных станциях для приема грузов. В один из таких барак и ввели прибывший этап. Здесь заключенным предложили раздеться догола и связать все вещи для дезинфекции. Когда они это сделали, их, голых, направили в баню, где тщательно остригли и обрили. Воду в бане выдавали мером, так как и ее не хватало. После санобработки все получили чистое белье, серые суконные бушлаты, брюки. Потом повели в отделение карантина. Там предложили верхнюю одежду повесить в особом помещении на вешалки, а всех в одном белье поместили на нары. Постельных принадлежностей не было никаких.

На этих нарах в одном белье им предстояло прожить две недели карантина. Приятно быть в белом белье, приятно освободиться от вшей; несколько менее приятно — спать на голых нарах. Но было тепло, и одно это уже вселяло в души заключенных приятное чувство отдыха.

Как ни искал тут Лева братьев, верующих, — никого не нашел.

Через две недели заключенные получили свои вещи, прошедшие серную газовую дезинфекцию. Вид их был весьма неказистый, да они в сущности были мало нужны, так как этапникам выдавалось тюремное обмундирование.

Отсюда их перевели в огромный барак с многоэтажными нарами. Людей здесь было тысячи. Располагались они по этапам прибытия. Несколько огромных нар занимали священники, монахи, арестованные в разных монастырях, например, из Сызранского монастыря. Все они были одеты в черные длинные рясы и в другие свои облачения. Были среди них молодые — с черными длинными бородами и такими же волосами, были а совершенно седые старики. Держались они несколько отдельно от других, решив защищать свою, положенную "по чину" одежду и свои длинные волосы и бороды. Однако это им удалось ненадолго: вскоре всех их остригли, переделали и смешали с общей арестантской массой.

Лева искал своих. И встретил братьев-немцев. Это была необыкновенная радость свидания: приветствовали друг друга по Писанию — лобзанием, молитвой, благодарением Богу.

— Есть ли у вас Слово Божие? — спросил прежде всего Лева.

— Да, есть, — сказал один из них и достал небольшого формата Библию. Лева с радостью взял ее и решил прочесть, что ему откроет Господь. Но увы, прочесть ничего не смог. Библия была на немецком языке. Лева, хотя и учил немного немецкий язык в школе, совсем все позабыл.

— Ах, как жаль, что я не знаю языка вашего. Не учил его в детстве, как следует, — сказал он.

— Да, тогда эта книга для вас, как запечатанная, — сказал брат немец. — С людьми еще и так бывает: берут Библию как будто на своем языке, а не могут ничего понять в ней, пока Дух Божий не откроет ум к разумению.

Вскоре Лева нашел и русских братьев. От них он узнал, что Володя Лобков продолжает работать в мастерских расстрела и отбывает свой срок здесь.

— Так сообщите ему, что и я здесь. Может быть, он проберется...

— Хорошо, мы передадим ему записочку, — пообещал один из братьев.

Это было 15 ноября 1931 года. Наступил день рождения Левы. Ему исполнилось двадцать лет. Лева молился, чтобы Господь сделал благословенным этот день и посетил его. И Господь это сделал. В тот день к ним, заключенным этого пересыльного барака, пришел Володя Лобков. Лева увидел и еще дорогих, близких братьев. Это был воистину праздник. Они делились впечатлениями, молились, беседовали. Володя дал почитать Лева из своей любимой книги. Они имели чудную братскую трапезу и пели, как лишенные всего, заключенные, обреченные на заклятие... Володя поделился своими мыслями о Паше, о связывающей их дружбе, и сказал, что тут же напишет, чтобы она приехала и попросила свидание с Лесой. Сквозь тьму тюремного мрака пробивался чудесный свет любви Божьей. Лева горячо благодарил Спасителя.

Часть 4. ДНИ СКОРБИ. 1931 — 1934

"...И будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни".

Откр. 2:10

Глава 1. Тайга

"Ибо Он не презрел и не пренебрег скорби страждущего, не скрыл от него лица Своего, но услышал его, когда сей воззвал к Нему"

Пс. 21:25

Зима сибирская — холодная, морозная. Долгие ясные ночи, И когда было еще совсем темно и только звезды сверкали на небе, в глухой молчаливой тайге раздались мерные удары: металл бил по металлу. Кто-то большой кувалдой стучал по подвешенному к дереву буферу от железнодорожного вагона, и в бараках, окруженных изгородью из колючей проволоки, просыпались люди.

— Подымайся, подымайся! — кричали надзиратели, бегом врываясь в убогие деревянные постройки.

Лева проснулся, с удивлением открыл глаза. Еще минуту назад он был не здесь, а в далеком жарком Узбекистане, в Ката – Кургане, откуда начал посещение ссыльных и заключенных. Увы, это всего лишь сон. Однако душа и сердце юноши и теперь хранили те чувства, которые сопровождали его в грезах. Он как бы снова собирался в путь, прощался с близкими. Но горячая любовь детей Божиих и любовь Отца Небесного согревали его. Лева был тогда полон энергии, жажды жертвы ради несчастных страдающих. Но все это было тогда. А теперь?

Приподнявшись на нарах и сбросив суконное одеяло, заключенный стал торопливо одеваться. Голова кружилась. Ему стало плохо еще вчера, после вечерней работы, когда он вместе с другими пилил и колол дрова. Дрова были еловые, а ель кололась плохо. С сердцем стало особенно нехорошо, когда он изо всех сил большой деревянной кувалдой бил по колуну, чтобы расколоть полено. С тех пор, как только он пытался торопиться или поднимать дрова, укладывая их в поленницу, сердце начинало биться часто-часто.

— Что будет, Господи? — молился Лева, одеваясь. Я в руках Твоих, и в этой скорби взываю к Тебе. Ты знаешь: я готов перейти к Тебе, у Тебя так хорошо...

Вдруг он услышал стук падающего тела, крики, опять звук падения. Это вошли в барак люди из "самообслуги" — здоровые, сытые парни из числа заключенных. Хватая за ноги непроснувшихся, они сбрасывали их с нар: заключенные должны были вовремя выходить завтракать и на работу.

Упавшие страшно ругались, потирая ушибленные бока, но тем не менее торопливо собирались. Все по опыту знали, что стоит сказать слово против или опоздать, и — холодный и голодный карцер — неминуем.

— Господи! — продолжал молиться Лева, натягивая ватный бушлат. — Ты знаешь, я хотел бы быть с Тобой. У Тебя ведь так хорошо, и никто не слышит крика этих погонщиков. Там нет голода, холода, непосильной работы. Но если я нужен тебе, здесь, на земле, то оставь меня. Я хотел бы еще повидать моих братьев, сестер, рассказать им, как Ты любишь, как Ты вел меня, когда я исполнял волю Твою и посещал заключенных. Благодарю Тебя, что Ты удостоил меня самого стать заключенным ради имени Твоего...

Закричал бригадир, выстраивая бригаду в столовую. Строем вошла она в это большое здание, где принимали пишу одновременно несколько сот человек.

Жидкие щи казались такими вкусными!.. Хотя мяса и не было видно, по запаху чувствовалось, что они — мясные. Ели торопливо. Во-первых, потому, что к этому побуждал голод, а во-вторых, засиживаться за столами не разрешалось: за спинами стояли люди следующей бригады, ожидавшие завтрака. Хлеб бережно завертывали в платки, его надо было хранить так, чтобы ни одна крошка не пропала.

— Украли, украли! Пайку хлеба украли! — истошно завопил старик с седой бородой.

— Ну, за пайку убивать надо! — отозвался бригадир. — Пайка — это жизнь. Не получишь пайку — обессилишь, не заработаешь хлеб на следующий день.

Попытались найти вора, но неудачно. Видимо, за завтраком тот успел съесть свою пайку, и теперь чужая, украденная у соседа и завернутая в платок, не могла быть обнаруженной.

От завтрака силы у Левы не прибавилось. Он еле шел, торопясь вместе с другими, и сердце его опять забилося тревожно, нехорошо.

Не раздеваясь, в бушлатах, шапках и валенках заключенные легли на свои постели в ожидании развода — распределения по рабочим местам. Эти недолгие минуты перед сигналом пробежали, как одна секунда, и снова по тайге разнесся призывный звон металла. К лагерю приближались вереницы охранников, одетых в черные полушубки, слышался вой охранных собак.

Еще не рассвело, но Лева вместе с другими арестантами уже вышел из барака и встал в строй около проходной. Осматривая своих людей, бригадир остановился около Левы.

— Ты, парень, видно, совсем нездоров.

— Сердце что-то бьется нехорошо, — ответил Лева.

— Знаешь что? Оставайся-ка в лагере, просись к лекпому. (Лекпом — лекарский помощник, фельдшер — заменял в лагере врача и представлял всю медицину.) Возможно, комендант тебя пропустит. На работе от тебя все равно толку мало, — заключил бригадир.

Н— у, а если не пропустит? — спросил Лева.

Бригадир ничего не ответил. Он знал так же, как знал это и Лева, что если комендант не пропустит, то заключенного ожидает барак усиленного режима, а может быть, и того хуже.

— Оставайся, оставайся, — сказал бригадир, — а то ты едва дополз прошлый раз.

Бригада ушла. Лева вернулся в барак и сел у стола, не раздеваясь. Было очень грустно. "Разве я не хотел работать? — думал он про себя. — Разве я не готов был перевыполнить эти нормы и заработать себе хорошую пайку хлеба, чтобы быть сытым? Ведь и Слово Божие говорит: "Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь". Но не было сил, совершенно не было сил.

О, если бы с ним была Священная Книга — Библия! Но дорогой, любимой книги с ним не было. О, если бы его окружали братья, верующие, он поделился бы с ними своими переживаниями! Но вокруг стола сидели угрюмые и злые, проклинаящие непосильную работу люди, так же, как и Лева, надеющиеся попасть к лекпому. Они матерились. Всматриваясь в их искаженные ненавистью, изможденные лица, Лева убеждался, что они погибают дважды: и душой, и телом.

Вошли надзиратели. Мрачно, со злобой взглянув на оставшихся, они потребовали, чтобы все выходили к вахте и строились. Началась проверка оставшихся в лагере. Некоторые из заключенных решались даже на бесплодные попытки куда-нибудь спрятаться, затаиться. Но едва обнаружилось, что по подсчетам вышедших на работу и оставшихся в лагере кого-то не хватает, сразу же приступали к усиленным поискам по баракам. Отсутствие при проверке хотя бы одного заключенного вселяло в начальство тревогу: а что, если ночью был побег? Ведь каждый из начальствующих отвечал за каждого заключенного своим благополучием.

И вот сегодня не хватило одного при подсчете. Долго стояли на морозе. Заключенные прыгали, толкали друг друга, чтобы не замерзнуть. Лева чувствовал, что он застывает, и пытался двигаться изо всех сил.

Наконец, раздались торжествующие голоса надзирателей: с чердака сволокли прятавшегося там заключенного. Все беспощадно ругали его, в том числе и те, кто мерз из-за него на морозе, забыв, что он такой же несчастный, как и они. Ему грозили кулаками и обещали тут же, после проверки, убить. Но саморасправы не произошло: надзиратели увели спрятавшегося в кондей.

Явился комендант, здоровый, высокий, в черном полушубке.

— Освобожденным лекпомом отойти в сторону! — скомандовал он, по списку проверил их фамилии и отпустил в бараки. Разрешил разойтись по рабочим местам и "хозобслуге" — дневальным, парикмахерам, работникам бани и кухни.

— А вы что еще здесь? — закричал комендант, обратившись к оставшимся.

— Больные мы, больные, — раздались голоса.

— Выстроиться в одну шеренгу! — скомандовал начальник. Выстроились. "Господи, — молился Лева. — к Тебе зываю в скорби своей".

Комендант подходил к каждому и, испытываяще заглядывая в лица, командовал: одним направо, другим налево. Те, которым было велено отойти вправо, были толчками вытолканы на вахту, где их принял конвой и погнал в лес на работу. Остальных же (тех, кто оказался слева) повели к лекпому. Лева был среди последних.

На слабость никто не жаловался — это не было поводом к освобождению от работ и не считалось заболеванием. Лекпом послушал сердце Левы и, покачав головой, занес его имя в список освобожденных.

Лица освобожденных от работ и вернувшихся в барак, несмотря на все страдания, дышали радостью: хотя бы немножко, но можно было отдохнуть. Один молоденький парнишка прямо ликовал.

— Братцы, братцы, я освобождение закосил! — кричал он друзьям по несчастью. — Помогите забраться на нары!

Истощенный и ослабленный, без помощи других не могущий даже взобраться на нары, он искренно думал, что получил освобождение от работ не иначе, как через свою "хитрость".

Этот день запомнился Леве тусклым и серым: Чтобы хоть чем-то заполнить оставшееся свободное время, юноша стал помогать дневальным мыть полы. Но удивительное дело: даже эта сравнительно легкая работа оказалась для него трудной. Лева был освобожден от работы и на второй, и на третий день.

Неожиданно в лагере зашептались, задвигались как-то по-особенному. Пополз слух: едет комиссия. Всюду скребли, белили, наводили порядок. Лекпом проверил лагерь на вшивость.

Несмотря на то, что заключенных раз в десять дней мыли в банях, а все их "барахло": одежду и постельные принадлежности — прожаривали в дезкамере (по-лагерному жар-камере); несмотря на то, что волосы у всех были острижены, за исключением бород у некоторых стариков, вши все же обнаружили. Перед приездом комиссии снова и снова "вшивые команды" гоняли в баню, дезинфицировали. Но даже хождение в баню и то было для Левы утомительным.

Приехала комиссия. Из кого она состояла, какие цели ставила, Лева не знал. Не знали и другие заключенные. Были осмотрены те, кто находился в БУРе и карцере, а заодно и освобожденные, и больные в лазарете. Лева сам наблюдал, как приехавший врач страшно кричал на лекпوما, нещадно его ругал, а потом руководитель комиссии вызвал коменданта и тоже кричал на него. Затем комендант в санях подъехал к лазарету, откуда вынесли какого-то больного, и сам тотчас же повез его на станцию для отправки в город, в больницу.

Между собой шептались, что это тяжелобольной, которому нужна была операция. Однако его долго не освобождали от работы, даже не допускали до лекпوما, а в лазарет положили уж в крайне тяжелом состоянии. С приездом комиссии все обнаружилось, и больной был немедленно отправлен на операцию.

По лагерю снова поползли слухи, что в УРЧе (учетно-распределительной части) составляю списки и, возможно, будет организован этап из этого лагеря. Облегченно вздыхая, многие из заключенных говорили, что теперь они спасены от смерти. Выдавшие же виды рассказывали, что в таежных лагерях Сибири царил еще и не такой произвол и люди погибали ни за что, ни про что. А потом приехала комиссия из Москвы, провела расследование и сняла с работы начальство лагеря. Шли дни. Леву назначили помощником дневального, и юноша старательно выполнял новую работу.

Приглядываясь к людям, Лева все ждал, что, быть может, он найдет брата, верующего — такого же, как он. Увы, не только в этом бараке, но и в других, куда заходил Лева, ни разу не встретился ему человек, который жил бы тем же, чем и он. Некоторые старики казались скромными и степенными, но присматриваясь к ним, Лева замечал, что кое-кто из них покуривает, кто-то ругается. И юноша отходил в сторону: нет, то были не близкие, не родные.

Беседовать о Боге с соседями по нарам Лева не решался, да и не было сил.

Но однажды утром Лева, проснувшись, сразу же ощутил голод. Это был не тот голод, который всегда терзал его плоть, не голод хлеба насущного, а голод души по драгоценному для него Слову Божьему. Юноша стал молиться, просить, чтобы Господь помог ему вновь и вновь углубляться в Слово Его. И вдруг, сердце озарила мысль. Нет бумаги? С трудом достаю листки, чтобы написать письма близким? А выход вот он, здесь! Лева подошел к железной печке, около которой лежали березовые дрова, взял у дневального нож и, срезав с березового полена кору с гладкой поверхностью, расщепил ее на тонкие листочки. Так была сделана маленькая записная книжка. В ней напротив числа и записал Смирнский стих, пришедший на память: "...С ним Я в скорби..." Лева не помнил, где именно в Библии это место находилось, но почему-то был уверен, что оно в псалмах. И вот этот стих непрерывно звучал в душе Левы в течение дня. Работал ли, был ли в столовой, разговаривал ли с кем-нибудь, он все время вспоминал об этом стихе: "С ним Я в скорби..." Лева ясно сознавал, чувствовал, верил, что он не один в этом огромном таежном лагере, что с ним его близкий Друг, О разделяет все его скорби и немощи, утешает, ободряет и устраивает так, чтобы все было хорошо.

Назавтра на этой же березовой коре Лева записал слова, которые, насколько он помнил, были в "Послании к Римлянам": "...Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу..." И хотя свирепствовала метель и был такой буран, что в двух шагах ничего не было видно (заключенных из-за плохой погоды даже не вывели на лесоповал), Леве этот день казался изумительно ясным, радостным. Как будто среди всей этой непогоды и снежной бури пробилась лучи солнца, и грели, и освещали его.

Да, это было так. Через слова "все содействует ко благу" в душу молодого человека пробилась надежда, что впереди не несчастье, но бесконечное страдание, но то благо, которое дает Бог любящим Его. И больной, истощенный, окруженный людьми, по своему поведению напоминавшими ему жителей Содомы и Гоморры, Лева в душе чувствовал себя счастливым. Те грязные истории и похабные анекдоты, которыми старались занять себя на досуге заключенные, словно не касались его, проходили мимо. Он верил, что хотя и плывет по грязному житейскому морю, но плывет в надежной ладье спасения, и грязь этого мира не проникает в его душу так же, как вода не проникает в ладью. Он был озарен светом другого мира, и Слово Божие — свидетельство этого другого мира — убеждало его в том, что путь его среди волн житейского моря направлен только ко благу и он прибудет к лучшей пристани.

Маленькая самодельная записная книжка из бересты была для Левы сушей драгоценностью. Он перечитывал записанные в ней стихи и утешался.

В эти столь трудные для Левы дни его согревали воспоминания детства: как он в воскресной школе учил наизусть многие евангельские и библейские тексты. Как никогда ранее, ему теперь стало ясно, что родители, уча его Слову Божию, с малых лет заложили в нем то самое драгоценное, которое не только не может исчезнуть, но является подлинной пищей жизни в тяжелые годы. Он вспоминал рассказы матери об Аврааме и Иосифе и многое другое. Эти воспоминания наполняли его душу счастьем. "Воистину счастлив тот, — думалось юноше, — кто с детства знает Писание. Счастливы дети, имеющие любящих родителей, бабушек, дедушек, которые с детства вкладывают в них драгоценные истины добра и мира, спасения и чистоты".

В лагере же Леву окружали люди, лишенные такого счастливого детства. Они воспитывались родителями в помышлениях о земном и мирском, ничего не знали о Христе, и вот теперь Лева воочию убеждался, как они несчастны. Ничего светлого, ничего чистого в их поведении он подметить не мог. В дни заключения ими руководило лишь одно стремление: иметь побольше хлеба, ржаного хлеба, чтобы быть сытыми и не умереть, не лечь костями. И их бесконечные разговоры тоже были об одном — как бы освободиться, поскорее выйти на свободу.

Большой радостью, настоящим праздником стало для Левы письмо от матери. Ведь прошло более года, как он был арестован, находился под следствием. А потом пребывание в пересылках... За это время ни одной весточки — ни от родных, ни от близких.

Лева знал, что маме было тяжело, чрезвычайно тяжело: работала, содержала четырех детей и поддерживала мужа, находившегося в ссылке. Но, как женщина умная, она не позволила себе в письме к сыну ни одного слова горечи, уныния. Наоборот, только слова ободрения и радости. Мама писала, как молилась о Леве, как, долго не получая о нем известий, все же была спокойна, зная, что без воли Отца Небесного и волос не упадет с головы. Она ободряла Леву и советовала ему "почаще смотреть вверх". Писала, что и папа, и дядя Петя, и прочие ссыльные бодрствуют. Спрашивала, в чем он нуждается, и готова была вновь и вновь все отдать для того, чтобы помочь родной страдающей душе.

Еще Лева получил письмо из Мариинска от Володи Лобкова, одного из тех братьев по вере, с которыми Лева встречался в Сибири на пересылках. В письме упоминалось о сестре Паше Огородниковой — той самой, которая так много помогала заключенным. Письмо Володи было проникнуто словами ободрения, надежды и веры.

Необыкновенно легко стало на душе у Левы от чтения этих двух писем. Да, среди мрачного мира, который сегодня окружает его, среди миллионов людей, погрязших в земном, которые мучаются сами и мучают других, есть "малое стадо" — те, кто интересуются прежде всего не тем, во что одеться, что есть, как удовлетворить свою половую потребность, но живут высшими интересами. И хотя такие люди были далеко от Левы, он как бы видел их незримо, а письма от них явились живым доказательством того, что они идут в жизни той же дорогой, какой во все века шли лучшие люди истории — дорогой любви к Богу, чистоты и мира, страдания и терпения.

В первых числах января 1932 года, когда Леве исполнился двадцать один год, в лагере был собран этап. В него отобрали заключенных, которые не могли работать на лесозаготовках. Куда же отправят этот ненужный человеческий балласт, не пригодную для этого лагеря рабочую силу? Заключенные не знали, куда идет этап, так же, как стадо перегоняемых домашних животных, коров и быков, не знает, куда и зачем их гонят.

Всех, отображенных в этап, волновал вопрос: "Куда?" Мечтали попасть в лагерь с сельскохозяйственным уклоном: там и работа на полях и огородах полегче, и питание гораздо лучше. Те, кто уже побывал в сельскохозяйственных отделениях, говорили, что там всегда удавалось съесть лишнюю картошку, морковку. А если повезет — попадешь на склад перебирать овощи, тут уж совсем голодать не будешь. Другое дело, если отправят куда-нибудь в шахты или на север. Там гибель неминуема.

Среди отправляемых Лева в физическом отношении был одним из самых слабых, но по настроению, наоборот, одним из самых бодрых.

Он подобным вопросом не мучился. Его не интересовало, что предстоит впереди. Все заботы он возложил на Высшее Руководство, и в его записной книжке из бересты появилась карандашная запись: "Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас".

Этапников собрали в отдельном бараке, вымыли в бане. Начальство распорядилось выдать им самое изношенное, чиненое белье, ведь их отправляли в другой лагерь.

Одежда заключенных пахла по-особому. Бесконечные прожарки в жар — камерах, работа на лесозаготовках, пребывание в бараках, которые на ночь запирались и потому воздух там становился спертым, — все это придавало ей тот специфический лагерный "аромат", к которому сами арестанты настолько привыкли, что и не замечали его. Но когда приходили свежие люди, например, врачи, комиссованные в этап, особенным образом поводили носами, как бы давая понять, что запах лагерников отнюдь не из приятных. Что касается лагерного начальства, то оно этот запах ценило: в случае побега собакам по запаху было легко обнаружить бежавшего, даже если бы он смешался с толпой людей.

Лева тоже не замечал его. Юноша уже свыкся с тюремной одеждой, с лагерными нарами. Единственное, к чему ему так и не удалось привыкнуть, — это чувство голода. Все время страшно хотелось есть.

О свободе в отличие от заключенных Лева не тосковал. Он понимал, что сейчас церковь Христа гонима, везде позакрывали молитвенные дома, сослали массу братьев и сестер, и для Христа в России нет места нигде, разве только в тюрьме. И Смирнский не думал о досрочном освобождении. Он даже не вел счет дням, которые остались до конца его срока. Зачем? Если нет в России свободы для Христа и Его учения, то и лично ему, Леве, не может быть никакой свободы.

Перспектива жить в лагерях до смерти нисколько не страшила Леву. Он твердо верил в то, что эти кратковременные страдания — ничто по сравнению с тем, что откроется ему в чудных небесах. Он знал, что каждый ушедший день только приближает его к Небесной Родине и что там не будет ни страданий, ни воздыханий, ни несправедливости. Там никто не угнетает ближнего, там. Христос, Свет, Жизнь...

Глава 2. В этапе

"Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его. и прослаблю его"

Пс. 90:15.

Перед отправкой всех тщательно обыскивали. Найдя у Левы книжку из бересты, надзиратель стал ее читать.

— Ты что, верующий?

— Да, верующий, — спокойно ответил Лева.

— Странно. Такой молодой, а верующий. В какого же Бога ты веришь?

— В Того, Кто сотворил небо и землю, — ответил Лева. — И Иисуса Христа, Спасителя.

Разговор прервал подошедший начальник конвоя. Он взял у надзирателя книжечку из бересты и, просмотрев, бросил ее в кучу недозволенных вещей. В основном там были ножи да бритвы — их всегда изымали у заключенных во время этапа.

— Почему у меня отобрали записную книжку? — недоумевал Лева. — Ведь там только стихи из Библии. А, понимаю!.. Ведь Слово Божие острее меча обоюдоострого, оно проникает в самую глубину человеческого естества...

Смирнский подошел к железной печке, около которой грелись этапники, наклонился к дровам и, отщепнув кусок коры, положил его в карман.

— Зачем это тебе? — спросил один из бригадников.

— Да так, нужно, — ответил Лева. Кусок коры не отобрали, он не был острорежущим.

Вечерело. Этап погнали на станцию Тайга.

Молчаливо, торжественно стояли по обе стороны дороги сосны, березы и ели, покрытые снегом. Скрипел снег под полозьями саней, на которых везли вещи заключенных. А там, наверху, было небо. Темные тучи как бы застыли на нем, и заходящее солнце, отражаясь в них, говорило о бесконечном: края туч розовели от вечерней зари, да и сами тучи, освещенные солнцем, не казались мрачными и угрюмыми. Лева шагал и невольно то и дело поднимал взор к небу. Было так приятно думать о том, что говорит Писание. Ведь придет день — был уверен Лева, — когда явится Христос, и тоже будут тучи, и Христа встретит мир истерзанный, утонувший во тьме.

— О, как возрадуемся мы! — продолжал Лева развивать свои мечты. — Скажем: вот Он, Бог, на которого мы уповали. Но почему же, почему люди, когда пришел свет в мир, чтобы озарить сидящих во тьме и тени смертной и направить их стопы на путь мира, почему они отвернулись от Христа? Почему бы и нашей стране не жить по Божьи, чтобы каждый любил другого, помогал, прощал? Ведь природа ее так богата, что богатств этих хватило бы всем, все были бы сыты, радостны и довольны... Но, увы! На всем земном шаре не снискать ни уголка, ни островка, где бы царили мир и любовь. Повсюду слезы, горе, ненависть, борьба. И это потому, — решил для себя Лева, — что Христос не занимает первое место в сердце человека...

На станции стоял поезд — несколько "телячьих" вагонов. В них и погрузили заключенных. В вагонах было так же холодно и морозно, как и на воле. Но зажгли круглые железные печи. И хотя они сильно дымили, это несколько не огорчало этапников: в вагоне стало тепло, и можно было улечься на покрытые инеем нары. Как водится, конвой сделал последнее предупреждение в отношении побега, двери вагона заперли, и все стихло. Помолвившись, Лева спокойно уснул.

Когда он проснулся, через решетку маленького вагонного оконца проникал солнечный свет, а вагон не двигался. Заключенные, которые не спали, сказали, что поезд еще не отправляли. Пришел конвой, принес ведра с горячим кипятком. Сухой паек на время этапа выдавался заключенным на руки и состоял из хлеба, сахара и селедки. От селедки всегда хотелось пить, и скоро заключенные стали просить конвой принести еще горячей воды. Но начальник конвоя отказал: не получите до следующего раза, и никакие просьбы не помогли.

К вечеру был сформирован состав (он вез лес и заключенных), прицеплен паровоз, и поезд наконец-то тронулся. Поздно ночью он остановился около какой-то большой станции, и конвой принес воды.

Это общеупотребительное выражение, широко распространенное в тюремной (лагерной) среде, низводит свободную человеческую личность до положения бессловесной скотины. — Прим.автора.

Лева переносил жажду легко. Год пребывания в условиях следствия приучил его к какому-то особенному терпению. То же относилось и к хлебу. Свою порцию Лева аккуратно делил на три части: завтрак, обед и ужин, и никогда этому правилу не изменял.

Ехали день, другой. Куда — никто не знал. Наконец, состав прибыл на какую-то большую станцию. Огромные прожекторы освещали большие насыпи. Прибыли ночью. Все, казалось, было погружено в мрак неизвестности. Наутро заключенных высадили из вагонов, построили и погнали в город. Было ясно: это какая-то большая новостройка. В лагере этапникам сообщили, что они приехали в большой новостроящийся город будущего — Прокопьевск. Здесь были разведаны большие залежи каменного угля, и сюда со всех сторон направляли этапы заключенных, чтобы строить шахты и дома, в которых будут жить труженики нового города.

Баракы, где разместили прибывший этап, были деревянные, длинные, с двойными нарами. Ввиду холода и примитивности постройки нары располагались не у стен, как обычно, а отступя — посередине барака.

Глава 3. Прокопьевск

*"Чтобы никто не поколебался в скорбях сих;
ибо вы сами знаете, что там нам суждено".*

І Фес."3:3

Этапников подвергли санобработке. В лагере своей бани не было, и заключенных под усиленным конвоем повели в городскую — огромный, как большой клуб, бревенчатый дом. Его тотчас оцепила охрана, и мытье началось. Горячей воды было в избытке, и это воспринималось непривычно. В обычных лагерных банях ее или не хватало, или выдавали по нормам — черпаками. А тут горячая вода текла из кранов, и никто в ней не ограничивал. Заключенные вымылись хорошо. И Лева после бани почувствовал себя особенно бодро.

Руководители лагерных работ начали опрашивать прибывших, что те умеют делать. Огородники и пчеловоды не

требовались, и у Левы остался один выход — записаться к бригаду плотников: в них испытывали особенную нужду. Правда, он не скрыл от своего бригадира, что не специалист, а топором умеет рубить лишь дрова, но тот обещал научить.

После обязательной выдержки в карантине этапников разместили по бригадам. В бараке, где оказался Лева, было много казахов. Они резко выделялись среди русских заключенных своей многоречивостью: их говор не прерывался до ночи. Расположились на нарах так: русские — по одну сторону барака, казахи — по другую.

Зима в тот год стояла холодная. Частые сильные бураны сопровождались большими снежными заносами. Но заключенных вывели на работы. Окруженные тесным кольцом конвоя, они шагали по снегу. Без конца слышались крики:

– Не отставай! Подтянись! (Эта команда относилась к русским.)

– Жур-жур-жур! (что в переводе означало то же самое) — кричали казахам.

Бригада, в которую был определен Лева, состояла в основном из крестьян — тех вечных тружеников, которые привыкли работать и днем, и ночью. За работу они принялись с азартом, ведь тому, кто будет работать усердно, лагерное начальство посулило самую большую (в кило двести) хлебную пайку. К тому же ударный труд давал возможность заработать зачет рабочих дней. (При условии добросовестной работы заключенного и при выполнении нормы ему засчитывались дополнительные рабочие дни — не те, которыми мерялся его срок, а как бы вольные — сверх отсиженного срока.)

Строила бригада бараки и большие двухэтажные дома. Материалом для строительства служили деревянные заготовки стандартных размеров, различные же утеплители, рамы, стекло доставлялись по железной дороге.

Учтя слабые силы Левы, бригадир зачислил его просто подсобником. Юноша подносил лесоматериалы и шлак для засыпки завалин, выполнял другую работу — делал все, что ему поручали. Не было случая, чтобы он когда-нибудь отказался. Лева помнил слова Христа: "И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два" — и, следуя им, старался исполнять все добросовестно.

Иногда на душе у него делалось тяжело: что это он, окончил почти девятилетку, имеет познания в огородничестве, садоводстве и пчеловодстве, а пригодился только на то, чтобы засыпать завалинки. Да что-нибудь подтаскивать?! Но работа сглаживала боль.

Жизни без труда Лева не представлял, и когда в газетах писали, что трудом исправляют человека, что труд в нашей стране — дело чести, доблести и геройства (такие плакаты повсюду были расклеены и в лагерных стенах), он это вполне принимал, считая, что Бог, создав человека на земле, заповедал ему трудиться.

Лева видел также, что те, кто стремится к праздности и не любит труд (воры и преступный мир лагеря), особенно развращены и их излюбленное занятие — картежная игра — не только не приносит им отдохновения, но, наоборот, приводит к новым страданиям. Ведь иногда они проигрывали в карты последнее — одежду, пайки хлеба за целую неделю.'

Глава 4. Брат

Лева тосковал без общения. Как он ни искал, как ни спрашивал, никого из близких, то есть верующих так же, как он, не встречал. Что делать? Он решил молиться и просить Бога, чтобы Он помог ему встретиться хотя бы с одним братом (верующим).

По вечерам, когда все отдыхали на нарах: кто чинил одежду, кто рассказывал что-нибудь, кто напевал знакомую песню — Лева, хотя и не был певцом, тоже нередко пел. В тот вечер, когда, склонившись головой к столбу, на котором держались нары, юноша тихо пел, он вдруг услышал, как кто-то всхлипывает. Заключенные много переживали и терпели, часто сильно страдали, тоскуя о близких, но редко бывало так, чтобы кто-нибудь плакал. Сердца их словно окаменели, и все чувства находили выражение только в брани — в непристойном трехэтажном мате.

— Кто это! Что это? — тревожно подумал Лева.

По другую сторону столба сидел пожилой человек. Его заплаканное лицо было обращено к Леве:

– Вы брат? Я слышал, вы пели гимн.

– Да, я брат, — воскликнул юноша. — А вы?

– Я тоже люблю Иисуса, — сказал незнакомец, утирая слезы, Я латыш, давно здесь и не встречаю никого. Все чужие.

Лева бросился к нему. Они обнялись и поцеловались.

– Вы что, брат? — послышались голоса рядом сидящих.

– Да, да, братья, — ответил Лева.

— Вот редкий случай! — удивился кто-то, — Неожиданно в лагере два родных брата встретились...

Люди смотрели на радостные, в слезах лица и думали, что действительно два разлученных брата по плоти случайно наши друг друга в лагерях. Как они ошибались! Это была не случайность. Они встретились потому, что их Небесный Отец, услышав их мольбу, дал им эту встречу. Люди ошибались еще и потому, что духовное родство объединяло глубже и значительнее родства плотского, эти братья были более родными, чем обычные братья. Пусть они встретились впервые, пусть один из них был русский, а другой латыш — все равно они были близки друг другу, потому что их породнила Голгофская кровь Христа, Они долго не спали, делились своими переживаниями, а потом, склонившись на нарах, благодарили Бога за эту необыкновенную встречу.

Встреча эта ободрила обоих. Скорбь стала не столь тяжелой. С новой силой разгорелась вера в Того, Кто слышит

молитвы и отвечает просящим Его.

Засыпая, Лева думал: "О, если бы люди уверовали в Бога Отца и были послушны Ему! Погасла бы вражда, национальная рознь, и все человечество стало бы одной дружной семьей. Что же мешает людям стать на путь мира, счастья? Почему они так противятся Богу? Христос об этом сказал так: "Люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы".

Глава 5. Могильщик

В лагерном лазарете двое умерли. Это известие вызвало у заключенных грустные чувства. Каждый невольно думал: "А не придется ли и мне тоже умереть здесь? Окончить жизнь в позоре, как преступнику, так и не получив извещения, что осужден незаконно и без вины, так и не повидав родных, не побывав на родине?"

Утром бригадир отозвал Леву и сказал:

— Там есть наряд копать могилу. Плотников мне отпускать жалко. Так вот, копать пойдешь ты и еще двое подсобников.

Двое других пытались отнекиваться, Лева же молчал. Бригадир отвел их на вахту, где их принял конвой и повел куда-то в сторону. Шли долго, потом свернули на холм, и там, среди степи, расчистив снег, стали копать могилу. Земля оказалась рыхлой — наподобие щебенки. К обеду кончили.

— Мы в лагерь не пойдем, — решил конвоир. — Я сообщу, что могила готова, покойников привезут, и сразу закопаем.

Скоро на дороге показалась подвода. На санях покрытые толем лежали два трупа. Это были двое мужчин среднего возраста — совершенно голые, замерзшие, застывшие, словно статуи. Отчего они умерли, Лева так и не узнал.

Заключенных тогда хоронили без гробов и белья. Гробов не делали потому, что весь лесоматериал шел на строительство, белье же было нужнее живым. На дно могилы положили лист толя, затем без слов, молча опустили на веревках похожие на мумии трупы, покрыли сверху другим листом толя и, не проронив ни слова, стали забрасывать могилу землей. Работали настолько торопливо, даже вспотели, и все о чем-то, каждый про себя, думали.

Стоявший рядом конвой тоже не проронил ни слова. Видно, и в эти минуты думал о чем-то значительном и важном. Ведь там тоже были люди, и они знали, что конец любого человека один — смерть и могила. Лева не задумывался о том, что может быть, и его тело будет подобным образом брошено в могилу. Он сожалел лишь, что жена и дети умерших уже не дождутся своих родных.

Да и были ли эти умершие действительно преступниками? Кто знает... Ведь тогда за каждое случайно оброненное слово давали статью 58 — 10 (контрреволюционная агитация). Нередко бывали случаи, когда по злобе или из-за зависти соседи или даже товарищи по работе наговаривали на невинного в сущности человека, и он получал десять лет заключения, как самый страшный преступник...

У Левы на все подобные вопросы был свой взгляд. "Не в этом дело совсем не в этом, — размышлял он про себя. — Беда в том, что люди навеки гибнут без Христа, умирают без веры в спасение, в верную жизнь. Это и было подлинным горем многих, слишком многих. Однако сами они не осознавали этого..."

... Никто не произнес ни слова. Лишь вздохнул возница, расконвоированный:

— Да, все под конвоем ходили. А вот как померли, мне их доверили — освободились они, без конвоя я их и привез... Видимо, ему хотелось хоть немного разрядить обстановку. Но шутки не получилось. Вес, понуро опустив головы, побрели обратно — в лагерь. И конкой не подгонял, видно, и у этих людей было на душе нерадостно...

Глава 6. Лютеране

Лева так же, как и брат-латыш, очень хотел иметь хотя бы часть Евангелия. Однако достать его не было никакой возможности. Написать матери, чтобы она выслала Евангелие, Лева не решался, так как знал, что оно наверняка пропадет. Все посылки, прежде чем выдать заключенному, вскрывались в его присутствии. Все "неположенное" отбиралось, а Евангелие относилось к неположному.

Однажды брат-латыш сообщил Лева, что в соседний барак поместили только что прибывших с этапом братьев-лютеран — немцев. В тот же вечер юноша пошел знакомиться с ними. В углу на нарах он увидел трех благообразных старичков с небольшими бородами. Лева поздоровался и представился, что он верующий брат. Один из старичков, улыбнувшись в ответ, сказал:

— Мы сами лютеране и находимся на верном пути.

— А я евангельский христианин-баптист, — ответил Лева. — И тоже нахожусь на самом верном пути.

— Да, да, — заключил другой старичок. — Мы все находимся на верном пути, хотя по некоторым вопросам наши взгляды и не совпадают.

Побеседовали о том, кто за что и как попал в заключение, а затем Лева спросил, нет ли у них Евангелия.

— Евангелия нет, но Библия у нас всегда с собой, — вступил в разговор третий и, порывшись в мешке, достал маленькую Библию на немецком языке.

— Вы знаете немецкий? — спросил он, подавая Библию Лева.

— О нет, увы! Учил в школе немного, да забыл.

Юноша полистал страницы книги, но прочесть ничего не смог. Второй раз оказался он в таком положении и снова пожалел, что с детства не изучал, как следует, немецкий язык, хотя возможность заметив на лице Левы растерянное

выражение, старичок сказал ему:

– Приходите ко мне каждый вечер после работы и мы вместе будем читать и переводить Евангелие.

Лева обрадовался. Ведь он будет не только читать Евангелие, но и одновременно изучать немецкий язык. Как говорится две горошки — на ложку. Несколько дней Лева ходил к старичку, и они вместе читали Евангелие. Старичок учил Леву читать и переводил. Но в жизни все меняется и иногда очень быстро. Старичков лютеран отправила куда-то в другое подразделение, и на этом учение Левы закончилось.

Глава 7. Труд, голод, холод

Так хотелось тепла и солнца, но зиме, казалось, не будет конца. Страшные морозы чередовались с не менее свирепыми вьюгами, но, несмотря на непогоду, заключенные выстроили целый квартал двухэтажных домов. Дома обнесли высоким проволочным забором, установили вышки для часовых и решили перевести туда несколько бригад заключенных — образовать лагерное подразделение. В это подразделение должна была войти и Левина бригада.

С братом-латышом пришлось распрощаться. Это было трогательное прощание. Латыш только что получил из дома посылку и, как Лева ни отказывался, вручил ему сахар и кусочек сала. Сразу же после работы бригаду Левы повели в новое подразделение. (Вещи были упакованы заранее и перевезены на лошадях.)

Проволочный забор, окружавший лагерь, создавал зону. Свет в двухэтажных домах, казалось, говорил о заботе начальства о быте заключенных. Бригады распределили дома между собою, и Лева, а с ним еще несколько человек из бригады оказались в уютной двухкомнатной квартире. В ней была печь и стояли так называемые топчаны.

— Ну, теперь заживем! — радовались заключенные. "Зажить", однако, сразу не удалось. В помещении стоял такой же мороз, как на улице. Попытались разжечь уголь и дрова в печи, но из этого ничего не вышло: дым шел не в трубу, а в комнаты. Кричали, шумели, но поделаться ничего не смогли. Так и пришлось распротиться с надеждой растопить печь. Или заключенные-печники клали эти печи недобросовестно, или же печи так промерзли, что не поддавались обогреву. Тяги не было никакой.

Это была такая ночь, которую Лева запомнил на всю жизнь. Мороз, как на улице — сорокаградусный. Кутаясь на топчане, не вынимая ног из валенок, закроешься в бушлат, чтобы дышать только закупоренным воздухом, и все стынет, замерзает... Холод, страшный холод... — вспоминал потом о ней Лева.

Так и промучились заключенные на новом месте всю ночь, а наутро их погнали в столовую. Там с приготовлением пищи тоже было не все благополучно, и напоили их только кипятком. Горячую же пищу обещали привезти прямо на производство. А мороз в тот день выдался, как говорится, знатный. Ноги в валенках коченели, и Лева, чтобы не обморозить пальцы и как-нибудь согреть ноги, то и дело бил носками валенок о бревно. Какая уж тут, в подобных условиях, была производительность труда!

Наконец, привезли суп в термосах, но мисок не было. Взамен мисок — железные бачки, те самые, в которых заключенные обычно моются в бане. Жидкий, как вода, гороховый суп разлили по этим бачкам. Вокруг каждого с ложками в руках сгрудилось человек десять, по команде они дружно заработали ложками, поспешно черпая горячую баланду.

Это было захватывающее зрелище, но слишком грустное. Лева вместе со всеми набросился на баланду... Его подгонял ужасный голод. Юноша едва успел произнести перед пищей обычное:

— Господи, благослови!

Тарелок, чашек начальство так и не достало, и все время, которое Лева прожил в этом пункте, ему приходилось питаться из общих железных тазов.

Когда после работы вернулись в лагерь, то печи уже были отремонтированы. Их прочистили и затопили. Стало очень тепло и приятно. Можно было сбросить ватный бушлат, ватные брюки и почувствовать себя хоть на миг человеком.

В печку была вмонтирована плита с духовкой, и Лева тут же начал готовить на ней вкусные вещи. Он брал ломоть хлеба, посыпал его сахарным песком — подарок брата-латыша — и клал в духовку. Сахар плавился, хлеб немного поджаривался, и получалось нечто вроде пряника или сладкой гренки. Пример Левы оказался заразительным: остальные стали делать то же. Сахар и сало, которые дал Лева брат-латыш, были съедены в тот самый теплый зимний вечер вместе со всеми жильцами комнаты. Так заключенные отпраздновали свое "новоселье".

А холод крепчал, и ветер усиливался. Бригады вольных плотников перестали выходить на работу. Тогда начальство собрало заключенных и объявило штурм строительства. Были вывешены плакаты-призывы, что ни морозы, ни бураны не должны остановить работы — "Выполним и перевыполним нормы!"

Ударный труд был чреват несчастными случаями. Устанавливая щиты на крышах двухэтажных домов, плотники были в особой опасности: ветер рвал все из рук — и один из эсков, упав с крыши, разбился.

Леву бригадир послал крыть щепой крыши строящихся домов. О, если бы это было летом! Работа сама по себе нетрудная, было бы и приятно, и полезно, загорая на солнце, прибивать щепу к крыше щитов. Но теперь!.. Ветер рвет щепу из рук, пальцы коченеют от холода, становятся, как деревянные, а надо крыть, прибывая эту щепу, — таково задание. Лева мучительно страдал, замерзая на крыше. Пальцы на руках опухли, на ногах — болели, а большой палец на правой ноге совсем раздулся. Но нужно было работать, выполнять норму...

"Воспитательная часть лагеря непрерывно поучала, мол заключенные должны испытывать чувство гордости от сознания, что им доверили участие в столь великом строительстве, что только трудом они могут "искупить свою вину". И люди трудились, и честно трудились. Только воры да выдавшие виды уголовники-рецидивисты по-прежнему

считали, что лучше отсидеть в кондее, чем потерять на такой работе здоровье.

Бригадир видел, что Лева работает добросовестно и относился к нему хорошо. Понемногу он стал учить юношу плотницким работам. Лева уже умел настилать полы, подгонять доски, а однажды ему дали такую работу, от которой отказался вольнонаемный: с помощью трафаретов наносить масляной краской номера на вновь выстроенных домах. На морозе стыли не только руки, краска становилась такой густой, что ею невозможно было писать. Но Лева писал. То и дело бегал в "подогревалку" — отогреть пальцы и краску, а потом снова шел на свирепый мороз писать номера.

Бригадники стали замечать, что Лева — другой человек, не похожий на них, и скоро всем стало ясно, что он верующий христианин. Его веру никто не ставил юноше в вину, наоборот, не только старики, но и молодежь относились к нему хорошо, знали, что Лева лишнего слова не скажет, никого не осудит, всегда чем-нибудь постарается помочь.

Но вот, наконец, повеяло теплом. Казалось, еще немного — и наступит весна. Однако вскоре завернул такой холод и разразился такой буран, что создалось впечатление, будто природа вовсе забыла о весне. В одну из страшных ветреных ночей, когда сыпал особенно густой снег, в соседней квартире, где помещалась часть Левиной бригады, царил непрерывное оживление. Сосед юноши шепнул ему на ухо: "Собирается побег".

Среди арестантов в соседней квартире был летчик. Он, тяжело переживавший заключение, и явился инициатором побега. Его участники запасли хлеб (прочие заключенные делали вид, что они ничего не знают), и в ту самую ночь, когда вьюга прямо-таки сбесилась, захватив одеяла, полезли через сугробы к зоне. Ветер выл, снег слепил глаза. Накинув одеяла на проволоку изгороди, они перемахнули через нее и исчезли в снежных вихрях. Исчезли бесследно.

Замерзли ли они где-нибудь в сугробах, или же их поймали, или, пробравшись к вольным, они сумели переодеться и скрыться, или, может быть, их, настигнув, убили, — все это для заключенных осталось неизвестным. Начальство пошумело, искало, но потом на проверке объявили, что бежавшие найдены. Лева к мысли о побеге относился отрицательно. Он считал, что нужно терпеливо нести крест, который возложил Господь, а не сбрасывать его с плеч.

Глава 8. Монах

К весне бригаду, в которой был Лева, перевели обратно в барак. Здесь Лева сдружился с заключенным, который не ругался, как прочие в бригаде, и отличался от других своею скромностью. Узнав, что Лева верующий, новый знакомый стал расспрашивать его о сути его верований, а потом открылся ему: мол, всю жизнь был монахом Сызранского монастыря. Как монаха его и забрали. Вся "вина" его, следовательно, заключалась только в том, что он был монахом.

Лева про монастыри и монахов знал только понаслышке, и после работы новые знакомые часто беседовали. Сызранец рассказывал юноше-баптисту о своей прежней жизни. И лицо его при этих воспоминаниях приобретало какое-то Особое выражение.

— Какое благолепие, какой звон, какие иконы!.. — сокрушенно вздыхал он. — Бывало, встанем засветло к заутрени... И трудились, и постились — все как полагается.

Понятно, у каждого православного монастыря свой устав, свои нравы, свои обычаи, но в общем и целом, настроение встреченного Левою монаха можно было бы, пожалуй, выразить словами стихотворения Зинаиды Гиппиус "Не здесь ли?"

Я к монастырскому житью
Имею тайное пристрастие.
Не здесь ли бурную ладью
Ждет успокоенное счастье?

В полночь — служенье в алтаре,
Напевы медленно-тоскливые...
Бредут, как тени, на заре
По кельям братьям молчаливые.

А утром — звонкую бадью
Спускаю я в колодезь каменный,
И рясу черную мою
Ласкает первый отсвет пламенный.

Весь день — работаю без дум,
С однообразной неизменностью,
И убиваю гордый ум
Тупой и ласковой смиренностью.

Я на молитву становлюсь
В часы вечерние, обычные,
И говорю, когда молюсь,
Слова чужие и привычные.

Так жизнь проходит и пройдет,
Благим сияньем озаренная,
И ни чего уже не ждет
Моя душа невозмущенная.

Неразличима смена дней,
Живу без мысли и без боли я,
Без упований и скорбен,
В одной блаженности — безволия.

Лева рассказывал своему монастырскому собеседнику, волею революции вырванному из привычной обстановки и насильственно помещенному совсем в иной мир, о себе, о своей любви к Богу, а монах с удивлением смотрел на него. Ему не верилось, что, как утверждал Лева, можно и должно служить Богу, не выходя из "мира", в самой заурядной жизненной обстановке.

Тут, в стенах лагеря, скрестились две взаимоисключающие точки зрения. Спор этот, понятно, был не нов и начат далеко не со вчерашнего дня. Но тем интереснее, что он был продолжен в столь исключительных условиях.

— Нет, нет, — говорил монах. — Самое главное — это отречься от мира, посвятить себя целиком Богу и молиться...

— Нет, нет — возражал ему Лева. — Самое главное — посвятить свою жизнь Богу, живя среди людей. Ведь заповедал же наш Учитель, Христос не только монахам, отшельникам, но и всем людям вообще, в каких бы условиях они ни жили: "Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного".

— А вот, — качал головой монах, — когда мы жили в монастыре, сколько было паломников!.. Они видели нашу жизнь, видели благочестие и воздавали славу Богу.

— Ну, а как же вы понимаете слова Христа, когда Он молился о своих учениках: "Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранить их от зла"? Мы должны жить среди людей, святить в миру Божие и своею жизнью отражать учение Христа, подтверждать Его истинность.

— Ну, вот мы с вами сейчас живем среди людей, — опустив голову, продолжал не соглашаться монах. — Но что это за жизнь? Только одно мучение: слушать эту ругать, эту несусветную похабщину, видеть все эти беззакония... А ни вы, ни я — мы не просвещаем этих людей. Нет таких условий. А вот когда церкви, когда монастыри, — какие свечи горят перед Богом; какие службы идут!.. Тут, действительно, кто ищет Бога, найдет Его...

Лева возражал и доказывал, что самое важное и главное — это идти в мир и, живя в привычной обстановке, спасти падших грешников...

Иногда им приходилось работать вместе. Одними носилками таскали глину. Когда монах сердился, возмущаясь царившими в лагере порядками Лева останавливал его. Тот не обижался и в ответ на замечания Левы благодарил:

— Правильно, правильно ты, брат, говоришь!

Особенно нравилось монаху, что Лева не брился и его лицо покрылось едва заметным пушком. Ему самому уже было лет пятьдесят, и голова его стала совсем седой.

...Но однажды взрыв возмущения, охвативший душу монаха, разрушил всю его веру, все его убеждение в преимуществе монастырского жития. Как-то в день отдыха заключенные вспоминали свои семьи, рассказывали про своих детей. Было какое-то особенное оживление, не стало слышно грязных анекдотов. В каждом из участников беседы словно родилось нечто возвышающее, перенесшее всех их далеко от привычной невеселой обстановки. Вспоминая семьи, некоторые поделились своими радостями первого месяца любви, некоторые рассказали, как познакомились, как поженились. Один молодой крестьянин с живостью говорил о том, как ждал рождения сына, как заботился о жене, когда та забеременела.

— И вот, когда появился наш Петя и я увидел этого крошку, я еще больше полюбил свою жену. Ребенок словно озарил нашу жизнь...

Внезапно рассказчика перебил монах. Он вскочил, весь трясаясь и не обращаясь собственно ни к кому, отрывисто, почти крича, выдохнул.

— А я?.. Я загубил свою жизнь, загубил в этом монастыре!.. Я не знаю даже запаха женщины, не знаю ласки, не знаю ничего этого. Все время борьба с плотью. И вот теперь годы ушли, а; у меня нет этого, хотя я всей душой хотел тоже иметь семью. Загубил, загубил я свою жизнь!..

Он бросился на койку, схватил подушку и спрятал в ней свое лицо.

Никто не смеялся над ним. Все чувствовали, как тяжело этому человеку, и понимали, что горе его непоправимо. Он, как и все, был рожден для счастья, для радости, но годы ушли. Он с самых юных лет в поисках истины пошел в монастырь, чтобы безраздельно служить Богу, провел там юность и зрелые годы, за то, что был монахом, отбывает сейчас столь несправедливое наказание... И вот теперь — жестокое раскаяние, что избрал в жизни не тот путь. Он не отрицал Бога, любил богослужение и все церковное, как он выражался, благолепие, но теперь сильно раскаивался, что подавил, уничтожил в себе то доброе чувство, которое звало его к простой семейной жизни, к отцовству...

А Лева, глядя на то, как сокрушается монах, думал про себя: "Апостол Павел советует остаться, как он, то есть не иметь семейной жизни, но это кому дано. А кому не дано, тот, видимо, должен исполнять закон Божий — иметь семью".

Глава 9. Брат-кузнец

Левы услышал, что среди расконвоированных заключенных есть один — кузнец по специальности. Про него говорили, что он не ругается и слывет среди людей "божественным" человеком.

Лева передал ему записочку: "Кто вы? Как вы верите в Бога?" На следующий день кузнец сам пришел в зону — за черту ограды, где находились бараки заключенных, и нашел Лева. Этот высокого роста статный кубанец был брат во Христе. Встреча состоялась необыкновенно радостная. Кузнец даже пожалел, что он расконвоированный, хотя ему жилось гораздо лучше, чем заключенным за колючей проволокой, и сказал, что хотел бы быть там же, где Лева, в бараке, лишь бы иметь возможность общаться с ним.

— А не встречал ли ты в Прокопьевске верующих? — поинтересовался Лева.

— Нам не разрешают ходить среди вольных, — ответил кузнец. — Но некоторые приходили к нам по делам ремонта, и я спрашивал. Нет, верующих в Прокопьевске они не знают.

— Может быть, они и есть, да таятся, — предположил Лева.

— Если нет, то будут, — уверенно сказал кузнец. — Город растет, многие приезжают, и здесь будет Церковь Христа.

Почти каждый выходной они встречались, беседовали, сидя на нарах, вспоминали лучшие годы, иногда тихо пели.

— Споем, брат. Люблю гимн "Ближе, Господь, к Тебе".

— О, это любимый гимн брата Ладына, старичка, в Самаре, которого сослали, — отвечал Лева. И они вполголоса запевали: "Ближе, Господь, к Тебе, ближе к Тебе..."

Расходясь, всегда тихо молились, и Лева обычно провожал брата-кузнеца до вахты. Когда тот доставал что-нибудь вкусное (а тогда в ларьках иногда продавали кетовую икру), он угощал Лева.

Однажды кузнец пришел задумчивый и расстроенный.

— Знаешь, брат, — сказал он Лева, — у меня такое переживание, что не знаю, как поступить. Недалеко от нашего лагеря поставили целый состав товарных вагонов. Начальство вызвало меня и говорит: "Оставь всю свою работу, поручаем тебе срочное дело: ты должен ковать решетки и прибывать их к окнам товарного состава. Если выполнишь порученное, горбуши наешься вдосталь". Ну, я, конечно, смолчал. Пошел в кузницу, подобрал проволоку, железо, и вот теперь делаю решетки. У нас разговор идет, что из лагеря готовится какой-то дальний, большой этап, и именно эти вагоны оборудуют для отправки заключенных. Я, конечно, понимаю все это, но вместе с тем думаю, могу ли я, как христианин, делать решетки для людей, для самих себя? С одной стороны, сам-то я не сажаю никого, с другой стороны — делаю решетки, вроде как участвую в создании неволи...

Вопрос брата заставил Лева призадуматься. Наконец, он произнес:

— Нужно молиться. Каждый из нас стоит перед Богом. Если что нельзя, совесть не позволяет, то лучше отпроситься на другую работу, а если сердце не осуждает, то Бог не взыщет... Кому как открыто, кто какого духовного уровня достиг.

Когда они встретились в следующий раз, кузнец рассказал, как пытался перевестись на другую работу, но начальство, видя его честность и добросовестность, отказало: мол, другим эту работу доверить не могут и настоятельно требуют, чтобы именно он делал решетки и прибывал их.

— Ну, и как же ты? — спросил Лева.

— Делаю и прибываю, — смиренно ответил брат-кузнец. — Надеюсь, что Бог не взыщет. Я здесь ни при чем, что всех нас, людей вообще, в тюрьме держат...

И тут Лева невольно пришли на память строки стихотворения известного поэта Валерия Брюсова:

Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? Кому?
Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

И ему стало тяжело на сердце, когда он понял, что все тюрьмы, лагеря, решетки, замки — все-все до мельчайших деталей сделано самими трудящимися. Ведь не буржуи, не капиталисты строили тюрьмы, а тем более создавали всю лагерную систему: бараки, сторожевые вышки, колючую проволоку. — Все это для самих себя сделали сами рабочие.

— Стало быть, — думал Лева, — мы сами себе создаем наше рабство... Нет, лучше не думать об этом...

Глава 10. Сосковец

*"...Многими скорбями надлежит нам войти
в Царствие Божие".*

Деян. 14:22

Весеннее солнышко пригревало землю, и снег таял. Приближение весны чувствовалось и в веянии ветерка, и в щебетании птиц, которых заключенным удавалось видеть на стройке.

— Ну, теперь заживем! — говорили некоторые. — Скинем теплую одежду, легче будет работать, греться можно будет не в теплушках, а на солнышке.

— Загорать будем! — добавляли, посмеиваясь, другие.

Однако старые, опытные рецидивисты, с сомнением качая головой, предупреждали:

— Напрасно радуется. Весна — самое опасное время. Многие дотягивали до весны, а потом силы иссякали, и они помирали. Особенно кто туберкулезный: закашляет кровью — и конец...

Неожиданно всех встревожила весть: собирают большой этап. Куда, зачем — никто не знал. Состоялась врачебная комиссия, и всех потерявших трудоспособность и резко ослабевших в списки не включали.

— Подбирают трудоспособных. Этап большой — значит, на большие работы, — строили догадки заключенные.

Собственно говоря, ехать никому не хотелось, ведь, можно было попасть из огня да в полымя. Здесь все-таки стройка больше плотницких работ, пока шахта еще не развернулась. А там можно попасть в каменоломни, на тяжелые земляные работы или на лесозаготовки. Но, само собой разумеется, с заключенными никто не советовался: у них ничего не спрашивали и им ни о чем не докладывали. Они были просто рабсилой, которую можно направить куда угодно, когда угодно и использовать в любых условиях. В списках отправляемых оказались и Лева, и брат-кузнец, и многие другие.

Снег уже стаял, когда этап был готов к отправке. На сердце у Левы было спокойно. Он знал, что так или иначе, а скорби будут продолжаться и что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие. К тому же юноше давала силы владевшая им уверенность, что он поедет не один: с ним будет Высшее Руководство, ибо, как говорит Писание, Он Сам сказал: "Не оставлю тебя и не покину тебя".

На огромной площади перед вахтой землю разбили на квадраты. В центре каждого встало по надзирателю, к которому направляли этапиремого заключенного с вещами. На квадрате происходил тщательный обыск, и все неположенное отбиралось.

Памятные стихи из Слова Божия Лева писал по утрам теперь уже не на березовой коре. Заключенным, как паек, выдавали махорку и к ней несколько пачек курительной бумаги. Махорку — страшный яд — Лева всегда бросал в печку, за что многие курильщики на него сердились. Они предлагали юноше менять махорку на сахар или хлеб. Но, как бы ни был голоден Лева, на такую мену он никогда не соглашался. Ведь написано в Евангелии: "Не делай другому, чего себе не желаешь". Курительную же бумагу он использовал, записывая на ней карандашом "золотой стих" на день.

Во время обыска исписанные листки в этих маленьких пачках всегда находились в середине, а сверху лежали чистые. Надзиратели на курительную бумагу не обращали внимания, и, таким образом, памятные стихи из Слова Божия сохранялись и радовали Леву в этапе.

Кстати сказать, этап — это самое трудное время для заключенного: сухой паек, неизменное воровство в вагонах, теснота — набивают, как сельдей в бочку, — нередко недостаток воды и даже соленой рыбы. А главное — неизвестность. Люди в этапе всегда чувствовали, что они теряют силы.

В те годы заключенным за работу не полагалось никакой платы. Взамен ее выдавали так называемые премиальные, причем не теми деньгами, которые были в обращении "на воле", а особого вида бумажными знаками, называемыми бонами. На них в лагерном ларьке можно было купить продукты, обувь или даже красивую рубашку. Перед этапом Лева на полученные боны приобрел немного картофельной муки. Как потом оказалось, это было очень кстати. Дорогой юноша размешивал ее в кипятке, и получался кисель. А если добавить в него немножко выдаваемого в паек сахара, то кисель получался вкусным и питательным.

В товарном (его еще называли телячьем) вагоне были двухэтажные нары, но их на всех не хватило. Заключенных набили столько, что некоторым пришлось спать на полу — под нарами и в промежутках между ними. Этапиремым сообщили: конвой вооружен не только винтовками, но и пулеметами. И не мудрено — состав был преогромным. Двинулись в путь под охраной конвоя и сыскных собак. Эшелон заключенных шел медленно, часто стоял на станциях, пропуская другие поезда. Так, в пути текли дни за днями. Мимо мелькали леса, горы, селения. Этапиремые смотрели через решетки на окружающую природу, строя при этом домыслы о том, где они находятся, куда их везут? Лева совсем не пришлось смотреть в окно: около него сидели "паханы" — многолетние руководители воровского, преступного мира.

Благодаря тому, что некоторые из бригадников позаботились о нем Лева, расположился в углу нижних нар. Он испытывал необыкновенное сердечное волнение: хотелось многим рассказать о Христе. Однако то ли по природе он был несмел, то ли у него не хватало духовной силы, но юноша не решился открыто выступить перед всеми, а только вел тихую беседу с соседями по нарам.

— Вот если нас на север загонят... — размышлял его сосед.

— Загонят, так загонят, — замечал Лева. — Гораздо важнее найти ответ на вопрос: куда же вообще наша жизнь направляется? Дни уходят за днями, и мы на поезде жизни куда-то едем, спешим. А куда?

— Ну, куда? — поддержал разговор другой сосед. — В конечном итоге только в могилу. Как мы ни кичимся участью всякого человека одна...

— Верно, — подтвердил Лева. — Смерти никому не избежать. Но вот самое существенное: кончается все могилой или не кончается? Одни люди говорят, что да, кончается; другие же на основании каких-то данных утверждают, что человек сам по себе не исчезает: умирает тело, а дух сохраняется, так как существует закон сохранения энергии.

— А что такое дух? — с вызовом спросил молодой сосед. — Просто человек выдохнул пар, вот тебе и дух...

— Так-то оно так, — сказал Лева. — Но многие говорят, что не только в паре дело, существует в человеке нечто, что воскреснет, и будет тогда другая жизнь — для одних вечное, счастье, для других — вечный ад.

— А может, сказки все это? — не унимался молодой сосед. Но другой, более пожилой, подумав, произнес:

— Вряд ли это сказки. Многие умные люди верят в загробную жизнь... И подумать только, в каком же положении окажутся те, которые все отрицали и ни во что не верили. А вдруг обернется, что все это правда, и они предстанут перед страшным судом...

— Для того, чтобы выяснить все это, — сказал Лева, — мы должны обратиться к достойным, знающим людям. И вот Апостолы, как говорит Писание, утверждают, что есть возмездие за грех и есть вечная жизнь.

— А откуда они это узнали?

— От Христа. Христос возвещал только истину, в устах Его не было лжи. Он нес людям только добро, исцеление, и именно Он открыл им, что воскресение из мертвых будет, что каждый получит возмездие в зависимости от того, кто как употребил свою жизнь, свой талант, и это достоверно...

Беседу нарушил внезапный толчок, вызванный остановкой поезда. Конвой закричал, чтобы подготовили бачки для горячей воды и ящики для получения хлеба. Дорога была дальняя, и этапируемых периодически снабжали свежим хлебом. В вагоне поднялись шум и толкотня...

Прошло еще несколько дней пути, и заключенные узнали, что они ехали севером России: миновали Ленинград и двигались к Карелии. Большая остановка была на станции Медвежья Губа. Слухи о новом месте назначения росли, и конвой теперь уже не скрывал, что их везут на великую сталинскую стройку — на Строительство Беломорско-Балтийского судоходного канала.

Вот, наконец, и приехали. Остановились на станции Сосновец. Началась выгрузка из вагонов. О, как рады были заключенные размять полузакочневшие от неподвижности члены!

Со станции этап погнали в лагере. Прошли мимо большого, длинного деревянного дома — это было управление Сосновецкими лагерями. За ним простиралась проволочная зона. А вот и лагерь! Разместились в огромных палатках. Рабочая сила тогда направлялась со всех сторон, и строить бараки для заключенных не успевали. Деревянное основание сверху обтягивали брезентом — получалось жилище, похожее на палатку.

В каждой палатке устанавливали железную печь, в углу устраивали сушилку — вот жилье и было готово. Такими палатками застраивались целые улицы, и жили в них на сплошных двойных нарах тысячи и тысячи людей: сталинская машина "вербовки" работала вовсю, следователи не успевали выдумывать арестованным вину за виной... Постельных принадлежностей этапируемым по прибытии не выдали. Видимо, снабжение отставало от пополнения лагерей заключенными. Тех, кто прошел санобработку, — разбили на бригады. Первые дни, в карантине, работали на подсобных работах. Левою руководило одно желание: найти братьев, то есть таких же верующих, как он. И он их нашел. И сразу стало как-то хорошо, приятно на новом месте. Каждый вечер встреча с братьями, беседы, молитвы, тихое пение... Трудно выразить словами, что значит встреча с понимающими тебя людьми. Тяжесть ярма заключения как-то сразу становится легче. Приехавших собрали в клуб. Там выступило начальство и сказала, что родина и партия "доверили" им великое строительство канала, который свяжет одно море с другим и будет очень ценен для развития экономики страны. Начальство особенно упирало на то, что всех, кто будут работать добросовестно и выполнять нормы, обязательно премируют. Будут аккуратно проводиться зачеты рабочих дней, а по окончании стройки особо отличившимся работникам даже большие сроки будут сняты и они будут освобождены.

— Трудитесь, искупайте вину! — призывало начальство, хотя все прекрасно знали, что вина большинства заключенных мифическая, эфемерная. — Мы о вас будем заботиться. Ну, а того, кто собирается лодырничать, не потерпим — дадим новый срок.

Глава 11. Первые работы

Первые недели бригада Левы копала котлованы, потом их поставили корчевать пни: надо было подготовить место для каких-то новых построек. Почва была полупесчаной. Лева выкорчевал один пень, ему дали другой. Вероятно, на этом месте росла большая сосна. Лева работал напряженно, но вовсе не потому, что мечтал получить зачет рабочих дней. У него совсем не было надежды стать свободным, поскольку сам Христос не обрел свободы на земле. считал, что везде нужно трудиться добросовестно. Кроме того, сам характер работы вызвал у юноши приятные воспоминания, остро напомнив ему детство, когда они с отцом корчевали пни яблонь. Вот почему, несмотря на то, что рабочий день уже кончался, Лева продолжал окапывать отведенный ему пень, стараясь извлечь того из земли, и спустился около него по пояс в яму.

В это время мимо проходило начальство, наблюдая, кто и как работает.

— Ты грамотный? — спросил начальник Леву.

— Да, — ответил он, — окончил девятилетку да еще курсы огородничества и садоводства.

— Грамотные люди нам нужны, — сказал начальник и распорядился записать юношу в бригадиры.

Лева ничего не сказал в ответ, но, возвращаясь под конвоем с работы в лагерь, задумался над вопросом, может ли честный человек быть бригадиром. И не только честный, но и верующий. Ведь известно (тогда об этом все говорили), что работа заключенных и строительство канала в целом держатся на трех "китах": это мат, блат и туфта. И действительно, Лева постоянно наблюдал, что не только рабочие и бригадиры, но и все начальство в подтверждение своих доводов и для "убеждения" не находили ничего лучшего, как применять самую скверную матерную ругань. Мат глубоко возмущал юную душу верующего. Да и не только его одного. В заключении встретился единственный человек, который восхищался матом и, утверждая, что в нем сокрыты творческие способности русского народа, тщательно собирал и записывал всевозможные варианты этой мерзкой ругани. Он представился как писатель. Далее следовал блат, то есть обязательная связь с сильными, опека их, всяческое к ним подхалимство. И все это для того, чтобы получить более выгодное задание, лучший инструмент. Наконец, туфта, то есть то самое, что делают все бригадиры, завышая расценки и замеры работ, чтобы прокормить членов своей бригады да и себе самим заработать побольше премиальных. А венчает должность бригадира постоянная необходимость понукать людей, быть своего рода

погонщиком этого бессловесного человеческого стада. Обдумав свое новое назначение, юноша пришел к выводу, что бригадиром он быть не сможет. И вечером, когда Лева официально сообщили, что ему поручается бригада, он категорически отказался от повышения в должности. Как его ни уговаривали, как ни убеждали, аргументируя это главным образом тем, что не такой уж он крепкий и на тяжелых работах пропадет, Лева упорно настаивал на своем: мол, с этой работой не справлюсь и потому за нее не возьмусь.

А перед тем, как отойти ко сну, Лева молился Господу:

— Господи, Ты видишь, что эта работа мне не под силу, я не могу выполнять норму. Смилуйся, устрой все по-хорошему...

И что же? Наутро в его палатку (случайность то была или не случайность?) забежал один из верующих — брат-электрик.

— Послушай-ка, брат! — быстро проговорил он. — У нас начальник электростанции и механик ищут человека по учету электроэнергии и других различных работ. Может, ты справишься?

— Что ж, — ответил Лева, — я физику изучал — попробую.

В то время кроме охраны зоны лагерей на канале были сооружены дополнительные зоны оцепления. Правда, при необходимости заключенные могли выходить из зоны, но на это требовался особый пропуск. Получив его, Лева направился в контору электростанции. Местность вокруг была чудесная: камни, сосны... Электростанцию построили на берегу быстротекущей, порожистой карельской реки Выг.

Река Выг, Выговский край, Выгозеро... Как бы удивился Лева, если бы узнал, что примерно за 240 лет до постройки Беломорско-Балтийского канала как раз на берегах реки Выг — на том месте, где он впоследствии был сооружен, — коммуна жили русские люди. И именовали они себя почти так же, как Лева — христиане евангельского исповедания. Еще более Лева был бы удивлен, если бы узнал, что эти люди попали сюда, в столь глухие и нелюдимые тогда места именно из-за своих религиозных взглядов. Правда, они не были ссыльными. Они сами бежали сюда, в эту глухую, гиблущую местность, спасаясь от "десятирожного зверя" антихриста и антихристовых властей. Их песни свидетельствуют о глубоком неприятии ими мира, в котором "градские законы" все истреблены, а сонмы мерзостей умножены и торжествует зло. Они не хотели и не могли мириться с такими порядками в обществе, при которых "в сластолюбии которые тех почтили, на седалищах первыми учинили, а собор нищих возненавидели. Лихоимцы все грады содержат, немилосердные в городах первые, на местах злые приставники".

Кто же были эти люди? Выговская общежительная пустынь была учреждена раскольниками-беспоповцами и получила название Выгореция. Основателем пустыни был старец Даниил — человек мягкого, незлобивого характера. Он предсказал, что "места эти распространятся и прославятся во всех концах. По-умножении же поселятся с матушками и с детками, с коровушками и с люлечками". Предсказание Даниила сбылось. Вот почему скит в память отеческого провидения и назвали Даниловским. Потом рядом с ним появился Алексинский (женский) скит.

Во главе Выгореции стояли такие выдающиеся люди, как братья Андрей и Семен Денисовы (из рода князей Мышецких). Особенно силен в риторических науках и философии был Андрей Денисов — незаурядный ум и высокообразованный по тому времени человек. О нем, его начитанности и влиянии на "рядовых" раскольников имеется много исторических свидетельств. Братья Денисовы были, между прочим, авторами широко известного в свое время полемика сочинения — "Поморские ответы". На первых порах скитники много бедствовали. Причиной были недороды из-за плохих климатических условий ("зяблевые годы"), но вскоре скит окреп и вырос в большое многоотраслевое коллективное хозяйство, и его по справедливости следовало бы отнести к числу наиболее ранних в нашей стране коллективных хозяйств, а точнее — коммун. В Выгореции, кстати, процветал на редкость вольномысленный дух в лучшем значении этого слова. Говоря словами М.М. Пришвина, который в свое время немало и с большой теплотой писал о Выговской кинонии и о людях "древнего благочестия", "при царе Александре III приехал чиновник, все описал, все опечтал, и с тех пор Выгореция кончилась". Было это в 1854-55 годах. Историк свидетельствует, что не уцелели не только иконы и старые рукописи, даже скитские постройки — и те были разрушены.

Но все это было давно. А сейчас на дворе стоял 32-й год XX века и юный христианин Лев Смирнский направлялся в контору электростанции.

Начальство электростанции — такие же, как он, заключенные специалисты — встретили Леву приветливо, расспросили, за что он здесь, и, узнав, что попал в заключение за веру, по-доброму засмеялись.

— За что только теперь не сажают! — воскликнул механик, венгр по национальности. Он был когда-то участником венгерской революции, бежал в Россию, и вот теперь осужден как... контрреволюционер. "Вольная" профессия Гаспара Гаспаровича Леренса — инженер.

Заведовал электростанцией русский, из простых. Он похлопал Леву по плечу и отвел в контору:

— Вот это твоя комната — работай. Будут приносить тебе отчеты о расходе топлива, электроэнергии, все учитывай по форме. Дам тебе книги — занимайся, времени хватит.

Лева старательно принялся за работу: ходил по объектам, лазил по каналам, знакомился с компрессорами. Компрессоры — "Чикаго", "Сумский" и другие — перестали быть ему в диковинку. Деррики, гайдеррики, помогающие вытаскивать камни из канала, центробежные насосы, выкачивающие воду из котлована, моторы — все стало близко для него. Когда у механика плавилась подшипники, он составлял акты и направлял подшипники в мастерские для восстановления.

Леренг и начальник электростанции были очень довольны отношением юноши к труду, а Лева вскоре так освоил работу, что у него оставалось много свободного времени, и он начал изучать электротехнику. Появились мечты:

— Вот, если Богу будет угодно и я освобожусь когда-нибудь из заключения, то поступлю в электротехнический

институт, стану инженером-электриком. У электричества большое будущее. И быть инженером-электриком вполне совместимо со званием христианина.

Так думал Лева. А дни летели. Наступила поздняя весна 1932 года. Погода установилась теплая, ясная, и строительство шло самыми развернутыми темпами. Тысячи заключенных вкладывали в работу на канале свое здоровье и силы.

Глава 12. Мать

А на воле в это время шло планомерное уничтожение духовной жизни. Общины были разбиты, союзы и организации верующих прекратили свое существование. Редко кто из братьев получал письма от своих общин, писали только родные.

Лева Смирнский из своей Самары тоже не имел -никаких известий, письма приходили лишь от мамы. Ее душа и сердце всегда помнили гонимого, презираемого сына, и в письмах она всячески старалась радовать его, описывая жизнь семьи и упоминая тех, кто бодрствует и, как она выражалась, "еще дышит". Кстати сказать, 1932 год был чрезвычайно тяжелым и голодным для народных масс на так называемой воле. Во многих городах и селах страны люди порой нуждались в хлебе гораздо острее, чем те, кто работал на канале. Заключенные хотя и "вкалывали" за эту горбушку, но все же им выдавали ее аккуратно, без перебоев, И вдруг в одном из писем мама сообщила Лева о своем скором приезде. Она так соскучилась по сыну, так захотела его увидеть, что оставила все и отправилась к нему на Беломорский канал. Свидания в те годы давали краткие, исключительно личного характера, да к тому же лишь тем, кто хорошо работал. И поэтому когда приехала мать Левы, начальство электростанции стало хлопотать перед Прохорским — начальником Сосновецкого лагеря, чтобы заключенному Смирнскому разрешили личное свидание с матерью. Их просьбу удовлетворили. О, радость встречи! Ее трудно, почти невозможно выразить словами. А встреча с матерью всегда особенная, ибо велика и бескорытна ее любовь. Кто только из писателей и поэтов не воспевал образ матери?! Что касается Левы то он считал свою маму несравненной — гораздо выше и лучше всех тех, которые описаны в литературе. Ибо она была матерью-христианкой. С юности она стремилась к науке, к знаниям, и все лучшее, что имела, вложила в своих детей. И вот мать обнимает своего сына — отверженного, заклеянного печатью преступления. Но сердце ее знает, что на самом-то деле он не виновен — ни перед Богом, ни перед людьми. Вот почему, целуя его, она не сдерживает слез.

— Мама, как хорошо, что ты приехала! — радуется Лева.

— И я так рада, что Бог сохранил тебя в годину следствия и продолжает хранить...

На берегу Выга, близ электростанции, стояла водокачка. Ее-то на время и предоставили Лева и его матери, чтобы они могли жить вместе в дни свидания. А свидание им дали на несколько дней. Начальство даже отпускало Леву с работы, чтобы он почаще мог быть с матерью. Но обязательный юноша все же забегал на электростанцию, чтобы произвести необходимый учет.

— А что я тебе привезла!.. — сказала мать, открывая чемодан. Это было то, что, на взгляд Левы, было слаще меда и каплей сота — Евангелие, небольшого формата Новый Завет.

— И еще, — Анна Ивановна ласково посмотрела на сына, — я привезла книгу для всех братьев. Называется она "Поднятая завеса" и почти целиком состоит из чистого Слова Божия. Там столько утешений, столько хорошего...

Практически получилось так, что мать приехала в лагерь не только ради одного Левы. После окончания рабочего дня к водокачке на берегу Выга со всех сторон подходили люди. Это были такие же верующие, как Лева и его мама. Однако прийти могли далеко не все, а только те, кто имел специальные пропуска, разрешающие находиться вне зоны. Они часами беседовали с Анной Ивановной и Левой.

Вечерело. Лучи чудесного карельского заката проникали в окно водокачки. А мать читала те места из Писания, которые могли успокоить и ободрить заключенных:

— "Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их", — звучали слова одного из псалмов. И еще: "Бог посреди его; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра".

— Если поэтому, как сказано в псалме, "Ангел Господень ополчается" и избавляет боящихся Бога, то мы не должны допускать себя до боязни. В Его присутствии никто и ничто не может сделать нам зла. Никто не может причинить вреда ребенку в присутствии матери, если только мать сперва не будет обессилена. Но так как наш Бог не может быть обессилен, может ли в нас быть место страху? Поистине, ничто не в состоянии противостоять могучей, всепобеждающей силе Его присутствия. Горы, и океаны, и скалы, и пустыни — все это в духовной области жизни тает и исчезает при Его появлении. Как сказано в Писании, горы, как воск, тают от лица Господа, от лица Господа всей земли; земля тряслась, даже небеса таяли от лица Божия...

Во время таких бесед один молодой брат-заключенный поделился своими переживаниями по поводу так тяжело перенесенного им следствия: только благодаря силе Бога не страшны ему были угрозы следователей. В самые тяжелые моменты он все время ощущал Его присутствие.

Мать Левы, в свою очередь, рассказала, как тяжело ей пришлось, когда лишь потому, что муж ее был сослан, ее тоже объявили лишенкой, уволили с работы, и детей стало нечем кормить. Но она молила Бога, чтобы Он заступился, чтобы помог. И Бог помог... Кто только ни захотел на водокачку, чтобы принять участие в беседе! И все уходило радостными и ободренными: Бог помогает, Церковь Его не исчезнет с лица земли, врата ада не одолеют ее.

Лева на боны покупал в ларьке продукты, и они с матерью были в состоянии не только сами повкуснее поесть, но и угостить своих друзей.

Однако всему приходит конец. Счастливые дни свидания с матерью истекли, она уехала. Но осталось привезенное ею Евангелие, и к нему потянулись многие. Лева, не задумываясь, разделил его на части и, оставив себе только одну (с Нагорной проповедью Иисуса), остальные передал братьям, чтобы они обменивались ими друг с другом.

Вообще верующих баптистов среди заключенных было достаточно много. Братья-белорусы, например, жили в лагерном пункте по другую сторону канала. Свое маленькое Евангелие во время обысков они искусно прятали в лапты. Но на тех лагерных пунктах, где отбывал заключение Лева, с духовной пищей было очень плохо. Вот почему, как только представилась возможность, он купил записную книжку и в свободное время переписал в нее текст Евангелия от Марка.

Вскоре в конторе электростанции установили телефонный коммутатор, у которого стала работать девушка-заключенная из лагеря. Мужчины лагеря — начали беззастенчиво приставать к молодой телефонистке — толкали ее, тискали. Однако она, будучи, видно, чистой девушкой, хранила себя от всего. Лева почему-то стеснялся с ней разговаривать. Она же, узнав, что он верующий, часто вздыхала, когда Лева упоминал имя Божие.

Была там еще одна женщина, тоже из заключенных, но та, как говорится, пустила себя по течению. Она была уборщицей электростанции и часто, не таясь, заходила в спальню, где жили Леренс и начальник электростанции: она сожительствовала с ними обоими. Те же выхвалялись перед ней Левой, говоря ей, что он "неприкосновенный" — совсем другой человек, нежели они. Женщина подходила к Лева, вела с ним бесстыдные разговоры, пытаясь соблазнить. Строго храня свою нравственность, Лева всячески доказывал, что семейная жизнь без распутства и без измены — самое чистое и великое дело. Ответом ему служил дружный хохот.

Шло время, Лева продолжал заниматься электротехникой. С удовольствием помогал Гаспару Гаспаровичу, который пытался изобрести особый транспортер для извлечения камней из канала.

Юноша благодарил Бога, что в скорбях Он дает ему возможность трудиться по силам, приобретать знания и быть полезным для окружающих.

А тем временем северное лето с его белыми ночами пролетело быстро, наступила осень. Ночи опять стали темными, и строительство канала, где заключенные работали посменно, в том числе и ночами, озарялось тысячами огней электрических фонарей, прожекторов и ламп.

У Левы складывалось все хорошо: он был доволен своей работой, встречами с братьями и бодрими письмами, которые получал от матери. Тем не менее его не покидало какое-то внутреннее беспокойство. Хотелось больше служить людям, все силы отдать на дело Евангелия. Но беда в том, что это дело было в те годы как бы приостановлено: несмотря на то, что в лагере было много верующих, обращения грешников были единичными. Встречался Лева с одним известным украинским братом-проповедником, который работал шорником при комбайне. Казалось бы, этот труженик Евангелия и здесь должен высоко держать знамя любви Христовой, но старик совсем опустил руки, всего боялся и пуще всего — как бы его не лишили той спокойной работы, которую он в лагере выполнял. С братьями он общался мало и редко, и от беседы с ним у Левы осталось тяжелое впечатление. Никакого огня, никакой жажды подвига — один только животный, убивающий бессмертную человеческую душу страх!

Глава 13. Жизненное призвание

Чем и как прославить Господа? Этот вопрос не давал Лева покоя.

Тем временем похолодало. Чувствовалось приближение зимы. Лева жил в бараке за зоной вместе с работниками электростанции, большинство же верующих братьев размещалось на лагпунктах, и увидеть их можно было лишь в выходной. Приближалось 15 ноября — день Левиного рождения. Осталось всего несколько дней до этой даты, когда он "счислял дни свои, чтобы приобрести сердце мудрое".

— Господи! — молился он перед сном, стоя на коленях на нарах. — Ты знаешь, этот день рождения я встречу не в кругу близких, и мама не приедет. Но прошу Тебя, посети меня, дай мне такой подарок, чтобы он мне был на всю жизнь.

И Лева стал ждать подарка. Юноша получил его в виде указания, что его призвание вовсе не электротехника. Его дело — служить людям в качестве милосердного самарянина.

Как же это произошло?

За два дня до даты его рождения у Левы заболела нога. Около пальцев на стопе дергало — образовался гнойник. На следующий день нога совсем разболелась, юноша стал хромать и поэтому решил пойти в амбулаторию. Вечером после работы он зашел в лагпункт и направился в санчасть, которая размещалась в первом большом бараке около вахты.

То, что Лева увидел, поразило его до-глубины души. Приема врача ожидала масса народа, заключенные стояли, сидели, зачастую, как, например, узбеки прямо на полу, поджав, как принято у них, под себя ноги. В приемной и коридоре была невыразимая грязь. Несколько лежачих, обслуживавших больных, только успевали поворачиваться, что-то записывая на ходу.

— Что у тебя?

— Кашель, грудь простыла.

— На таблетку.

— Что у тебя?

— Температура.

— Иди вон на ту скамейку, где сидят люди с термометрами.

Все знали, что при освобождении от работ решающую роль играет температура. Если она выше 38°, то освобождение обеспечено. В зависимости от этого и приспособлялись: одни, как только лекпом отвернулся, нагоняли температуру, постукивая кончиком пальца по концу термометра, другие приносили с собой подмышкой горячую золу, и температура повышалась до 40°, иногда термометр даже лопался.

Лекпомы все эти возможные ухищрения, на которые шли заключенные, знали и поэтому нещадно ругались и кричали на них. А бедные зеки все равно изо всех сил старались их обмануть.

Так как очередь была огромная, Леве представилась возможность наблюдать душераздирающие картины, когда лекпомы выставляли за дверь больных, которым, по их мнению, нельзя было дать освобождения.

У Левы отец был фельдшер. Он четыре года проучился в земской фельдшерской школе, где медработников готовили старые земские врачи. Готовили, как своих будущих лучших помощников. Эти фельдшеры, и в их числе отец Левы, по умению поставить диагноз болезни и назначить лечение не уступали самым опытным квалифицированным врачам. Наблюдая работу отца, Лева получил представление о медицине как о самой жертвенной и гуманной профессии.

Когда он был маленький и отец приглашал врачей на дом, Лева смотрел на них с особым, трепетным чувством. Ведь им известно не только строение человеческого тела, они изучали и такую науку, как психология. А значит (так тогда казалось мальчику) могут по лицу читать мысли — его и других. То же, что он увидел сегодня, скорее, представляло собой пародию на медицину, сущую карикатуру, но вот подошла его очередь, и Леву пригласили в перевязочную. Там сидели, кто на полу, кто на табуретках, человек пять больных. Фельдшер, не моя руки, перевязывал то одного, то другого. Никакого стерильного материала не было. Лева не был медиком, но он видел, как работал отец, у которого дома был набор хирургических инструментов и он сам зашивал резанные раны, останавливал кровотечение. Лева понимал, что значит чистота в хирургии, и теперь, видя всю эту грязь, он был просто потрясен. К тому же пол был настолько грязным, что невозможно было определить, крашенный он или же нет.

— У меня нога болит, — сказал он лекпому. — Прошу вас только об одном: дайте мне немного ваты и марганцовки. (Бинт ему привезла мать, когда приезжала на свидание.)

— Ну-ка, покажите вашу ногу Лева показал.

— Резать надо, садитесь.

— Резать я не дам, — сказал Лева

— А я вам освобождения не дам.

— Мне освобождение не нужно, — сказал Лева. — Дайте только марганцовки. Фельдшер, у которого было работы по горло, отсыпал немного марганцовокислого калия и дал ваты.

— Только без разреза не обойдетесь, — сказал он.

— У вас я не могу делать это, слишком тут грязно... Лекпом выругался:

— А ты что хочешь, как на воле, что ли?

Лева ушел, хромя. Перед его глазами стояли толпы несчастных больных, а в ушах звучала ругань лекпомов. На душе у него было тяжело.

Придя в барак, Лева залез на нары и стал точить маленький перочинный нож, который подарил ему брат-кузнец. Он решил сам себе разрезать ногу. Для этого он налил в чашку кипяченой воды, густо развел марганцовку, опустил в нее кончик ножа, крепким раствором марганцовки смазал область нарыва и осторожно, но твердо разрезал то место, где виднелся гной. Как только гной потек, ему стало легче. Он отслоил ножом эпидермис, под которым был гной, отрезал кусочек бинта, смочил марганцем и, положив марлю и вату, забинтовал.

Следующий день был днем его рождения. С самого своего пробуждения Лева ждал подарка от Господа. На электростанции знали, что у него болит нога, и передали, что на работу он может не выходить. И вот новорожденный один в бараке. Дневальный, окончив уборку, куда-то ушел.

— Где же подарок от Тебя, Господи? — внутренне молился Лева. — Неужели это больная нога? Что Ты хочешь мне этим сказать?

У Левы вошло в привычку, если с ним приключалась болезнь или какая-нибудь неприятность, анализировать случившееся, чтобы понять, что хочет сказать посланным ему испытанием Любящий Друг. И вот теперь, лежа на нарах, Лева размышлял, что хотел сказать ему Господь.

С собой у него было Евангелие от Луки, и Лева внутренне помолился:

— Господи, у меня сегодня день рождения, никто не придет и не выскажет мне добрых пожеланий, никто не принесет мне никакого подарка. Но я прошу Тебя: Ты приди ко мне, скажи мне свои лучшие пожелания.

Лева молился от всего сердца и поэтому был уверен, что Бог слышит его. Лева знал также, что Бог часто отвечает через Слово Свое, и юноша открыл Евангелие и стал читать.

Перед ним была притча о милосердном самарянине. Он знал ее с детства, но теперь то, что говорил Христос, было необыкновенно живо, как будто вся картина развертывалась перед его глазами. И когда он дочитал до места, где было написано: "... Иди, и ты поступай так же" (Лук. 10:37), он словно услышал голос Самого Иисуса. Лева вздрогнул, как будто пелена упала с его глаз:

— Так вот кем мне надлежит быть, так вот к чему я призван! Мое назначение — быть милосердным самарянином.

Казалось, это совершенно невозможно. Но если ли что невозможное для Бога? И когда Он указывает путь, то не устраивает ли все?

Леве стало совершенно ясно, что он должен стать медицинским работником — все равно санитаром, фельдшером или врачом, лишь бы только служить людям, делая им добро от всей души.

Юноша встал на колени и поблагодарил Господа за то, что Он указал ему его профессию, или, вернее,

специальность. До этого он никогда не думал о медицине. С детства, мечтая стать геологом, собирал камни и вечерами подолгу размышлял о будущем, когда в горах и ущельях будет искать полезные ископаемые. Потом увлекся химией — и химия стала для него всем. Затем Лева вспомнил, как Бог открыл ему путь сначала к садоводству и огородничеству, а позже — в электротехнику. Но все это, думал юноша, были лишь искания, а воля Божия сообщена ему только теперь — и это и есть подарок ко дню его рождения.

Перечитанный текст Евангелия произвел на Леву такое сильное впечатление, что оказался способным определить направление жизни. Текст этот, казалось, написан не на бумаге, а на скрижалях сердца, и не пером и чернилами, а Духом Святым. И юноша продолжал благодарить Бога за подарок, определивший направление его жизни.

Одновременно Лева не переставал удивляться: ведь он никогда прежде даже в мыслях не представлял себя медицинским работником. Даже отец, любивший свою профессию, не советовал сыну пойти по его стопам, зная, как низко в то время оплачивался труд медицинского работника, а трудиться, чтобы содержать семью, приходилось и день, и ночь. А теперь Лева, можно сказать, в один миг, бесповоротно и твердо получил призвание к этой профессии и принял его как подарок с неба. Никакому иному объяснению случившееся не поддавалось.

Лева тут же написал маме письмо, в котором попросил ее немедленно купить и выслать ему учебники для фельдшерской школы. Посылка с книгами пришла очень скоро. Мать достала для сына все необходимые по программе руководства и учебники.

Что произошло слевой — трудно объяснить. Он никогда не учился так, как в эти дни — ни до, ни после. Правда, его учению в немалой степени способствовали и условия его тогдашней работы. Все положенное он выполнял буквально за два часа, а остальное время проводил за медицинскими книгами. Благо начальство не возражало, что он изучает медицину, рассуждая примерно так. Каждый может увлекаться чем угодно — кто романами, кто приключениями, кто рассказами о подвигах шпионов. Ну, что же, и для Левы медицина, видимо, очередное увлечение.

Лева учился везде: идя в столовую, сидя за чашкой супа, он, даже засыпая, не переставал твердить медицинские термины. Это было что-то необыкновенное: казалось, все его сознание живет только медициной. Буквально за несколько недель Лева "проглотил" присланные основные книги — анатомию, внутренние и инфекционные болезни, хирургию и уход за больными.

Однако к восприятию медицинских наук Лева отнесся избирательно. Когда он изучал хирургию и смотрел на рисунки хирургических инструментов, — все эти долоты, пилы, костодержатели, — ему казалось, что эти инструменты похожи на орудия инквизиции. Поэтому он решил для себя: хирургом я никогда не стану.

Глава 14. Медтехник

Близ лагерного пункта — вне зоны — расположился большой Сосновецкий лазарет. Это было огромное бревенчатое здание. Однако и в нем мест для больных не хватало, поэтому рядом с лазаретом выстроили бараки и палатки, которые также были заняты больными.

Заведовал лазаретом врач из числа заключенных — Чапчакчи, татарин по национальности, очень добродушный толстяк. Лева решил обратиться к нему насчет работы в лазарете. Тот, узнав, что Лева по всевозможным пособиям учит теорию медицины и хочет посвятить ей свою жизнь, очень обрадовался. "Нам работники нужны до зарезу", — сказал он. Однако без аттестации он мог принять Леву на работу только санитаром.

Врач задал Лева несколько вопросов и, услышав ответы юноши, воскликнул:

— Так вы, значит, знаете! Вот что я вам посоветую. У нас на днях состоится аттестационная комиссия. Она будет экзаменовать приехавших медработников, так как многие из них медиками только прикидываются, сами же ничего не знают. Комиссия будет проверять знание и у наших курсантов. У нас здесь организовали медицинские курсы лекарьских помощников, и тем, кто их заканчивает, присваиваются звания лекарьмов или медтехников. Вы подайте заявление на имя начальника санчасти, он у нас вольнонаемный, очень строгий. Если выдержите экзамен — вам присвоят звание. Тогда и сможете работать.

Лева подал заявление. Аттестационная комиссия состояла из начальника санчасти, врачей различных специальностей и представителей вольного начальства. В комнату, где она заседала, входили то одни, то другие экзаменуемые. Настала и очередь Левы. С бьющимся сердцем вошел он, внутренне молясь, и сел перед комиссией. Вопросы ему задавали всевозможные: по терапии, по уходу за больными, по перевязкам. Знание хирургии проверял известный и всеми уважаемый главный хирург — врач Троицкий, высокий лысый человек с несколько угрюмым взглядом. Он задал Лева несколько вопросов, а потом сказал:

— Вон на столе стоит бикс со стерильным материалом. Как вы будете делать перевязку? Подходите и действуйте.

Лева был несколько смущен: теорию он знал хорошо, а вот с практикой было хуже — он не сделал в жизни ни одной перевязки. Но действия его были правильными, и он заслужил одобрение. После этого ему задали еще ряд вопросов, которые были рассчитаны на сведущего в медицинских вопросах человека. В их числе был и такой: почему антисептические растворы не употребляются для обработки свежих ран? Лева ответил. Его аттестовали, и, как после рассказывали ему, комиссия осталась очень довольна его ответами.

— Приходите к нам работать, — пригласил юношу Чапчакчи. Но, как это ни казалось для многих странным, Лева совершенно не собирался переходить на работу в лазарет. Почему? Изучая деяния апостола Павла, Лева понял, что может поступить так же, как он. Павел благовествовал, распространяя учение Христа, как он его понимал, и делал это безвозмездно, по слову Спасителя: "... Даром получили, даром давайте". Как об этом сказано в одной из глав Деяний святых Апостолов, "по одинаковости ремесла" тех, с кем он поселился, он "остался у них и работал: ибо ремеслом их

было делание палаток". Этим апостол Павел и кормился, и содержал себя. Павел считал, что будет достоин награды только в том случае, если проповедует учение Христа бескорыстно. Под влиянием подобных взглядов апостола Павла Лева решил, что для выполнения своих прямых обязанностей по лагерю (как заключенный) он будет продолжать работать на электростанции, а вечерами и в свободные дни (как Павел, бескорыстно) — в лазарете. К тому же и работники электростанции, в особенности Леренс, который сдружился слевой, и в мыслях не допускали возможности отпустить юношу в лазарет, но ничего не имели против, чтобы он трудился там в свое свободное время: мол, это нас не касается.

Став медтехником, Лева, где бы он ни был, всегда носил с собою перевязочный материал. Вскоре на производстве произошел несчастный случай: один из заключенных камнем перебил себе палец. Первый раз в своей жизни Лева оказал медицинскую помощь пострадавшему. Память об этой своей первой перевязке Лева сохранил навсегда. Он чувствовал, сознавал, что оказывает помощь человеку, и старался перевязывать нежно, осторожно и в то же время, соблюдая правила десмургии — учения о наложении хирургических повязок. Впоследствии Лева делал бесчисленное количество перевязок, но такого чувства морального удовлетворения, как от первой, он, кажется, больше уже не испытывал.

На канале все время велись взрывные работы: компрессорами бурились шпурь, в них закладывали аммонал, и гранит взрывался. Бригады работающих на это время отводились в сторону, в укрытие. Но случилось так, что вылетающий от взрыва камень пробил палатку, в которой трудились женщины, и ударил одну из них по голове. Она потеряла сознание. Лева, по делам механизации находившийся как раз в этом месте, бросился в палатку, сделал самодельные носилки и организовал доставку пострадавшей в лазарет. Эта маленькая помощь доставила ему большую радость. Потом он стал аккуратно ходить в лазарет, помогал делать перевязки, в то же время оставаясь на работе на электростанции.

Но если Лева такое совмещение двух видов деятельности было по душе, то санчасть эта совершенно не устраивало. Им нужно было, чтобы юноша круглосуточно, день и ночь, был в лазарете. Без ведома Левы санчасть подала наряд для перевода заключенного Смирнского на работу в лазарет. И хотя наряд этот оформили, Лева по-прежнему оставался на прежней работе, так как руководство электростанции не отпускало его. Кончилось тем, что за ним в контору пришли надзиратели и забрали в лазарет под предлогом, что, не желая работать, он не выполняет распоряжений лагерного начальства.

Медработников разместили на втором этаже здания лазарета — фактически на чердаке. Там было устроено общежитие. В одной комнате жили врачи, в другой — фельдшер-венеролог, опытный старый работник. К нему и поместили Леву — на уплотнение.

В лазарете как раз не хватало фельдшера, который обслуживал бы рожистых больных, и эту работу поручили Лева. Для юноши это явилось своего рода испытанием. Палата, где держали в изоляции больных с рожистым воспалением, была всегда жарко натоплена и пропитана запахом ихтиола: больных лечили ихтиоловыми повязками. Этот неприятный запах очень не нравился Лева. Больные с рожей лица ходили, как будто в масках. Но что же делать? Нужно было смириться и ради блага людей идти на все. Юноша-медтехник старательно выполнял все процедуры, которые назначал врач-терапевт, ведущий эту палату.

Лева не унывал и про себя напевал гимн, который был так созвучен его тогдашнему настроению.

За людей, за людей
Помоги мне, о Боже, все отдать.
Чтоб смелей и скорей
Мог я гибнущих братьев спасать.

Единственное, о чем он сожалел, заключалось в том, что твердо тот гимн он не помнил,

Слевой в лазарете особенно подружился молодой фельдшер-украинец Кашенко. Одаренный работник, он был правой рукой хирурга Троицкого, участвовал в перевязках и сложных операциях, проявляя колоссальную выдержку и находчивость.

В те годы работы была такая прорва, что фельдшеры и санитары прямо валились с ног от усталости и постоянного переутомления. Дежурили и днем, и ночью. Тяжелобольных было много. Случилось так: умрет человек, его вынесут, а на это место, не разбирая, что здесь только что находился труп, ложился и засыпал крепким сном дежуривший леком, потому что у него уже не оставалось сил стоять на ногах.

Голод давал себя чувствовать по-прежнему. Многие из персонала лазарета питались за счет больных, недодавая им полагающегося количества супа и каши. Однако Лева так поступать не позволяла совесть. К предназначавшейся больным еде он прикасался лишь в тех редких случаях, когда "сестра-хозяйка" лазарета — стройный мужчина Пинт — угощал врачей и Леву пищей, оставшейся от больных, которые уже не могли есть, объясняя это тем, что иначе ее придется выбросить. Но работать в рожистой палате Лева пришлось недолго. Тот заключенный, которого прислали на электростанцию вместо Левы, так запутал все дела, что бывший Левин начальник через сектор управления механизации лагеря выхлопотал наряд, возвращающий заключенного Смирнского назад на электростанцию. И опять залевой пришли надзиратели. Только теперь они забирали его с медицинской службы, чтобы водворить в прежний барак и на прежнее место работы. Лева этому отчасти даже обрадовался: ведь он мог снова, зарабатывая свой хлеб насущный в отделе механизации, одновременно безвозмездно трудиться в лазарете, обслуживая больных.

Однако Лева не проработал на электростанции и нескольких недель, как санчасть, испытывавшая большую нужду в медработниках, начала хлопотать через высшую инстанцию о его возвращении в лазарет. И тогда начальник

Сосновецкого лагеря подписал приказ — вернуть Леву назад, на медработу. Когда это предписание поступило в сектор механизации, там решили любыми путями выхлопотать разрешение на то, чтобы Лева остался у них.

— Ну, скажи, скажи, — спрашивал, размахивая руками, Леренс, — неужели ты не хочешь у нас работать? Разве тебе здесь плохо? Что это ты связался с медициной?

— Я хочу работать и там, и там, — отвечал Лева.

— Но ты же видишь, что это невозможно. Прохорский уже подписал приказ о твоём переводе в лазарет. Что же делать? Что же теперь делать?

В их разговор включился начальник электростанции:

— Я знаю, что делать. Пойду, куда следует, и доложу, что Смирнский — баптист и из Христовых побуждений проник в лазарет. Его мигом оттуда уберут, и он останется у нас.

Лева понимал, что действительно после такого доклада ему в медсанчасти не работать, и он стал упрашивать начальника электростанции отказаться от своей затеи, так как из-за нее могут произойти всякие тяжелые последствия, и Леве не придется работать ни там, ни тут. Поразмыслив, начальник согласился с доводами юноши и обещал не докладывать о его христолюбивых устремлениях.

— Вот что мы сделаем, — сказал Леренс. — Сейчас к нам должен прийти главный инженер секции механизации канала Никольский. Он постоянно бывает в управлении и хорошо знает все начальство лагеря. Попросим его, чтобы он позвонил Прохорскому и попросил его оставить Смирнского у нас.

Когда пришел инженер Никольский — высокий худощавый старик, лицо которого все время подергивалось от нервного тика (он тяжело пережил следствие и осуждение его в лагерь), ему доложили дело Левы, сказав, что Лева действительно нужен отделу механизации, и попросили позвонить прямо Прохорскому. Никольский попросил телефонистку соединить его с кабинетом начальника лагеря.

— У нас такое дело, гражданин начальник, — начал он телефонный разговор. — Есть тут у нас опытный работник по линии механизации — Смирнский. И вот по вашему распоряжению его забирают на работу в лазарет. Прошу отменить распоряжение, так как он нужен здесь.

Но Прохорский не счел необходимым удовлетворить просьбу своего подчиненного, и находящиеся в комнате услышали растерянный ответ главного инженера:

— Так, значит, никак нельзя?

Он повесил трубку и с любопытством посмотрел на Леву. — Прохорский говорит, что отменить приказ не может, потому что вы медтехник и должны работать по специальности. Я вот до старости дожил, а не слышал, что есть такая специальность — мед-техник. Знаю, есть зубные техники. Они зубы делают. А медтехники — они что, кишки что ли делают?

Лева объяснил, что медтехником в лагере называют фельдшера, в обязанности которого входит ухаживать за больными, выполнять распоряжения врачей.

Итак, борьба за Леву закончилась. Его снова водворили в лазарет. "Да будет воля Твоя, Господи! Это, конечно, мое призвание, и я все силы целиком должен посвятить именно ему..."

Глава 15. Первое мая

Наступила весна. Работы на канале шли успешно, заключенные прилагали все силы, чтобы только заработать большую горбушку, получить зачет рабочих дней и поскорее вернуться домой. Большинство строителей были крестьяне, они привыкли трудиться. Одних из них окрестили на следствии подкулачниками, другие действительно были кулаками. Так или иначе, все это были люди, крепко заинтересованные в труде и его результатах.

Совсем иную картину представлял из себя преступный мир. Он, как правило, мало интересовался трудом. В то время как крестьяне не нуждались в уговариваниях и понуканиях, с преступным миром начальство особенно носилось, создавая им все условия, вплоть до того, что разрешало жить со своими воровскими подругами, организовывать свои трудовые коллективы, — и вообще всячески их поощряло. Несмотря на все усилия заинтересовать уголовников, большого толка в работе от них не чувствовалось.

Инженерно-технического персонала всех профилей было достаточно, а, как поговаривали заключенные, когда кого-либо не хватало, то кому надо давалось задание, и спустя короткое время на строительстве в нужном месте появлялся дрожащий и испуганный осужденный специалист. Как говорят, свято место пусто не бывает. Лева помнил одного пожилого инженера-кавказца, крупного спеца, который был настолько травмирован следствием, что сидя за столом за чертежами, то и дело забывал, что он заключенный, и обращался к лагерному начальству со словами: "Вот тут, товарищ, надо сделать это...", "А вы, товарищ, не хотите ли направить цемент туда-то?.." На что начальство резко отвечало: "Я вам не товарищ. Называйте меня гражданином". И бедный кавказец усиленно извинялся. Вскоре у него появились пробелы в памяти. Он долго сидел, стараясь вспомнить то, что было нужно по его работе. Одним словом, люди страдали и трудились.

У многих заключенных на теле и на ногах все больше и больше распространялась какая-то сыпь, десны кровоточили. Это была цинга. Заболел ею и Лева. Но, несмотря на все это, те, кто любил труд, работали прилежно.

В преддверии Первого мая — праздника весны и труда — лагерное начальство распорядилось улучшить питание и на два дня предоставило заключенным "право" посещать друг друга — ходить из лагеря в лагерь, из полразделения в подразделение. Побегам тогда предупреждались общим оцеплением строительства. Для многих это явилось большой радостью.

И получилось так: какая радость, что верующие братья из многих лагерных пунктов собрались вместе в одну большую семью. Расположились они под высокими раскидистыми елями. И вдруг Леву обнимает старик:

— Так ты здесь, Лева!

Юноша всматривается и узнает — брат Рогозный! Тот самый брат, с которым он встречался, когда посещал ссыльных и заключенных около озера Байкал, где те строили дорогу — сказал старичок.

— Помню, помню, — обрадовался Лева, — как вы пели "Радость".

И сидя на бревнах, на камнях, сотни братьев запели:

Радость, радость непрестанно.
Будем радостны всегда.
Луч отрады, Богом данный,
Не погаснет никогда.

Бог нас Сам ведет за руки,
Помогает нам в борьбе,
Нас хранит от бед и муки,
Нашей внемлет Он мольбе.

Пели с особым чувством, с особенным вдохновением — так, как не поют на воле. Голоса, конечно, были глухие, не такие сильные, но чувствовалось, что пели от всей души, от всего сердца. Ведь на самом деле Бог вел всех детей Своих за руки, помогал в беде, внимал в борьбе и все делал так, как лучше и не придумаешь. И страдать за Него — это такая большая честь, которая выпадает на долю далеко не всех поколений верующих христиан.

Долго беседовал Лева с братом Рогозным. Вспоминали встречи, минувшие дни, труд на воле. Рогозный, продолжая все тот же десятилетний срок заключения, как и Лева, был перекинут из Сибири на Беломорский канал.

Лева высказал свое восхищение Пашей, которая там самоотверженно заботилась о заключенных. Однако Рогозный с сомнением покачал головой:

— Да, она дивная духовная сестра, но боюсь, Бог ее накажет.

— За что? — удивился Лева.

— Она дала в ранней юности обет Господу не выходить замуж, а вот вышла — за Володю Лобкова.

Это известие и порадовало, и опечалило Леву. Ему все еще казалось, что самое лучшее — трудиться для Господа, не связывая себя семьей, и те, кто вступают в брак, уже меньше трудятся для Бога. И все-таки Паше и Володе предстояла жизнь и труд впереди. А вот Валя Алексеева уже взята, как зрелый сноп, туда, к Господу. Приезжавшая к нему мать сообщила, что Валя умерла в Уиле от туберкулеза.

На празднике Первого мая Лева особенно сошелся с молодыми братьями-белорусами: они были такие дружные, любящие. С некоторыми из них он близко познакомился, когда работал на электростанции. Они приглашали юношу приходиться к ним на лагпункт, чтобы больше общаться. Лева обещал, что постарается, как только выдастся свободное время.

Эта встреча в дни Первого мая была для многих большим ободрением. Ведь собрались братья с разных концов огромной страны — России. Получился как бы братский съезд, на котором никаких вопросов, правда, не обсуждали, только в речах, песнопениях и молитвах славили и благодарили Бога. Особенно приятно было, что в эти два дня общения между братьями не было никаких споров, разномыслия. Все сердца были исполнены радостью встречи, ощущением, что Кровь Христа их, первый раз встретившихся, соединила среди этого грешного, несчастного мира в одну радостную, счастливую семью. И эта семья состояла из заключенных, оторванных от семей, лишенных свободы, и Лева невольно думал: а мог ли быть на воле такой счастливый братский съезд, съезд благодарения и славословия Богу, какой получился в лагере в эти майские дни?

Глава 16. Адвентист

На строительстве среди заключенных было немало верующих — не только православных, старообрядцев, евангельских христиан-баптистов, но и молокан (духовных христиан), и субботников. В общении каждый старался держаться ближе к людям своего вероисповедания, но был в лагере один человек, который испытывал любовь ко всем. Невысокого роста, с бледным, осунувшимся лицом, он ходил в сером суконном бушлате и с глазами, полными любви, всех приветствовал: все были ему братья. Этого человека — адвентиста 7-го дня, или субботника, — звали Иваном Ефимовичем Кутумовым.

С ним Лева познакомился, когда приходил посетить больного фельдшера Баутина, который уже не работал, но жил при лазарете и, медленно догорая, погибал от туберкулеза. Баутин был толстовцем. Человек кристально чистой души, он когда-то работал в Москве, в центре движения толстовцев, и был близок к дому Черткова. Будучи учителем по профессии, Баутин весь горел идеей любви, которую почерпнул из Евангелия, из Нагорной проповеди, благодаря знакомству со взглядами Льва Николаевича Толстого.

Кутумов тоже навещал этого больного, там-то он и встретился слевой. Они быстро познакомились, и не прошло и нескольких дней, как Иван Ефимович принес Леве вкусную, им самим сваренную кашу.

— Кушай, брат, кушай, — угощал Иван Ефимович. — Я ведь все знаю: ты по совести не берешь от больных, недоедаешь, а я сейчас работаю дневальным у самого начальника и питаюсь хорошо. Только, конечно, не мясным — я

вегетарианец.

Невозможно было не принять кашу от Ивана Ефимовича, он предлагал ее с таким радушием и с такой любовью, что Лева брал и благодарил — его и Бога.

Об Иване Ефимовиче ходили всевозможные рассказы. Жена начальника приходила лечиться к врачам лазарета и рассказывала и о своем дневальном:

— Удивительный это человек дневальный! Субботник! Уж такой фанатик, такой фанатик!

— Да чем же он фанатик? — спрашивали врачи.

— Сколько он перестрадал, когда был на общих работах!.. Не хочет работать в субботу, и только. Уж как к нему ни подходили. Здоровье, конечно, у него некрепкое, устраивали уборщиком, говорили: "Ты хоть в субботу в конторе стол передвинь" — так и стола не передвинет. Ну, начальник с ним побеседовал и решил взять к себе дневальным.

— На исправление? — иронически спросил кто-то из врачей.

— Ну, до исправления далеко...

И жена начальника продолжала свой рассказ:

— Работает, все-все делает, И честный, такой честный! Вот, представьте: собралось у нас недавно общество. Ну, известно, все наши. Мой муж и посылает его: "Сходи, купи папирос", А он мнется, не идет. Муж настаивает: "Иди скорей, скорей!" А он не идет, говорит: "Я не пойду". Это у них, выходит, — не делай другому, чего себе не желаешь. И представьте, мне пришлось встать из-за стола и пойти за папиросами. А он себе сидит.

— Теперь послушайте дальше, до чего доходит его фанатизм. Придет мой муж поздно, усталый, измученный, нервный, говорит ему: "Иван, ложусь спать. Если только телефон будет звонить, скажи, что меня дома нет". А он все свое: "Не могу, гражданин начальник, не могу". И вот, представьте себе, легли спать, начальник ему приказал: не будить. Только мы уснули, там в прихожей, телефон зазвонил. Слышу я, подходит, и что же? Представляете, говорит в трубку: "Да, дома, приказал не будить", и вешает ее. Когда опять позвонили, мне пришлось самой встать и мужа разбудить.

— Еще был такой случай, — с упоением рассказывала жена начальника. — Пошла я с ним в ларек за мясом и вообще — за разными покупками. Смотрю: продают прекрасную свинину. Я сразу купила полтушки — такая не часто бывает; купила еще многое по мелочи — в корзинку. Мелочь приготовила для себя, думаю — понесу, а ему и говорю: "Бери мясо, неси". Он этак взглянул на меня и отвечает: "Не могу нести, свинина — это уж совсем не годится". И вот, представьте себе: ташу я на своем горбу мясо, а он рядом с корзиночкой идет. Врачи засмеялись.

— Так зачем же вы его держите? — поинтересовался один из них. — Плохой он вам помощник.

— Ну, нет, — возразила жена начальника. — Помощник он очень хороший; услужливый, все-все делает, а главное — он такой фанатик, на него уж можно положиться, как ни на кого другого. Мы с мужем уходим и знаем, что все у нас будет в сохранности: ничего не возьмет. И просто он хороший, словно родной человек. Ну, а как только наступает суббота, кланяется и уходит — на весь день. "У меня, — говорит, — по закону Божию полагается этот день Господу". Начальник было сначала ласково пытался говорить, убеждать, но ничего не получается. И махнул рукой.

— А питается он от вашего стола? — спросил кто-то,

— Что вы! — воскликнула женщина. — Если бы у нас стол был даже царский, то и то он бы не прикоснулся ни к чему. Он живет, как говорит, подобно каким-то юношам: Сидраха, что ли, там, и Мисаху. Питается одними овощами и крупами, даже рыбу совсем не ест.

— Да, видно, совсем святой человек, — заметил кто-то. Отличительной чертой Ивана Ефимовича от многих верующих было то, что он от души старался ко всем относиться по-братски, и даже толстовцы, которые, по мнению Левы, отвергали Христа как спасителя, а признавали только как великого учителя, были близки его сердцу, и он нередко вспоминал слова известного толстовца Ивана Ивановича Горбунова-Посадова: "Будем беседовать о том, что нас объединяет, и не касаться того, того разделяет". Кстати, с Горбуновым-Посадовым Кутумов был знаком лично.

Ивана Ефимовича посетила одна женщина из его единоверцев, и он был несказанно рад и счастлив, видя, что не забыт. На свидании с ней он не хаял и не осуждал никого из своих знакомых и начальства, а только восхищался всеми и в каждом человеке находил искру Божию.

Лева не раз встречался с ним, и Иван Ефимович всегда старался его чем-либо угостить. Бывало, спешит куда-нибудь по поручению начальства, а увидит Леву — махнет ему рукой: "Подойти-ка, подойди!" И достанет из кармана вяленую рыбу:

— Это я по сухому пайку получил. Сам-то не ем, а ты, знаю, кушаешь. Бери, бери...

Глава 17. Толстовцы

Работая в лазарете, Лева особенно переживал за фельдшера Ваню Баутина, который с каждым днем становился все слабее и слабее. Он не только кашлял, но у него усилились боли в животе. Ваню все очень уважали и любили. Хирург Троицкий и другие врачи устроили консилиум, но, к сожалению, и это не помогло.

Так и угас в лагере этот искренний человек, погибший из-за своих убеждений. "Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни", — говорится в Писании именно про таких людей, как Ваня Баутин и ему подобные.

Прежде чем, однако, продолжить рассказ о фельдшере Баутине, следует сказать несколько слов о взаимоотношениях толстовцев с официальным православием.

Те, кто боролся и в наши дни продолжает бороться с религией, не в силах понять, что церковь как могущественная и богатейшая организация и церковные учреждения — это одно, а религия чистого переживания, живущая в душе

человека, внутренняя религия — совсем другое.

Против официальной церковной религии и восстал прежде всего Л. Н. Толстой. Всю жизнь после своего обращения к Богу и ко Христу он посвятил борьбе с церковным лжеучением. Эту же линию обличения православия продолжали его последователи.

Не следует забывать, что Толстой, его друзья и последователи, в особенности такие, как В. Г. Чертков (сын евангелистки Елизаветы Ивановны Чертковой), П. И. Бирюков, И. И. Горбунов-Посадов, И. М. Трегубов и другие, решительно приняли сторону сектантов, страдавших от двойного гонения — со стороны царского правительства и православного духовенства. Особое предпочтение они отдавали евангелистам-баптистам, которых в то время чаще именовали штундистами. И сам Толстой, и его друзья много сил вложили в дело переселения в Канаду гонимых духоборцев. К этой борьбе присоединился видный марксист, друг В. И. Ленина и Н. К. Крупской — В. Д. Бонч-Бруевич и его жена — санитарный врач В. М. Величкина.

Эту же линию борьбы с церковными лжеучением последователи Л. Толстого неуклонно продолжали и после его смерти. Исповедуя чистое учение Христа, понимая его именно как религию Царства Божия, которое внутри нас, они всегда были решительными и бесповоротными противниками церковной религии. Церковь в их глазах всегда была той самой блудницей, которая блудодействовала со многими. Смешивать толстовцев и сектантов с церковной религией и с церковью вообще и на этом основании преследовать их — и несправедливо, и ненаучно.

Таков был и Ваня Баутин. Начав свою сознательную жизнь с учительства, он вскоре горячо увлекся идеями жизни, любви и мира в понимании их Л. Толстым. Выступая против атеистов, которые оставили Бога, он говорил, что религия необходима. Так, он писал на этот счет селькору П. Пузыреву: "Религия для нас не дурман, а учение о жизни, каков смысл нашей жизни, как нам жить..."

Этот лаконичный ответ Баутина на пространное письмо селькора А. Клибанов, автор книги "Религиозное сектанство и современность", изданной в Москве в 1969 году, почему-то характеризует как "ледяной". Если за подобные ледяные, то есть сугубо сдержанные ответы людей ссылали на Соловки, то что было бы с ними, если бы ответ оказался "пламенным" и горячим?

Конечно, люди, безрассудно и грубо боровшиеся в те дни с религией, безотносительно к ее сущности, не могли оставить в покое ни самого Ваню, ни его друзей, интеллигентных, развитых людей, которые открыто призывали народ встать на путь истинной религии. "Истинная свобода" — таков был лозунг толстовцев в те дни, и они вынесли эти слова в название открыто издаваемого ими журнала.

Когда, примерно с 1928 года начались репрессии на инакомыслящих, Баутин вместе со своими друзьями попал в СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения). Там толстовцы категорически отказались работать на лагерном производстве, утверждая, что это служит укреплению насилия. Что перенесли они там, на этом острове человеческих страданий, знает один Бог. Они соглашались только обслуживать заключенных. Там и подорвал свое здоровье Ваня Баутин, у него развился туберкулез легких. Когда же ему разрешили работать в лагере санитаром, то, от природы способный человек, он быстро приобрел знания среднего медработника, стал фельдшером. Оттуда его перевели на строительство Беломорканала. Работая с хирургом Троицким, он освоил малую хирургию и во многих отношениях стал его ближайшим помощником, принимая участие в операциях.

Но болезнь сломила его. Казалось, осталось так немного до конца срока (сидел он четвертый год), но здоровье таяло на глазах. Он находил утешение в письмах от друзей-толстовцев, которые приходили к нему из Лефортовского переулка в Москве и Западной Сибири — от членов основанной там сельскохозяйственной коммуны. (По недоразумению считалось, что коммуна эта существовала на Алтае.)

— Освободиться бы мне, поехать на Алтай, — вслух мечтал Ваня.

После консилиума врачи решили его оперировать, но, вскрыв брюшную полость, тотчас же ее зашили: туберкулез пробрался в живот и поразил кишки и брюшину. Положение было явно безнадежное. И вот, к Ване Баутину приехала его сестра Соня Рамм. Она приехала из дома Черткова, чтобы еще раз (до этого она уже была у него) проявить любовь к умирающему. Трудно досталось Соне. Вот что писала она впоследствии об этом посещении в одном из своих писем: "Эта поездка, вся, целиком, дала многое душе моей. Из нее я вынесла бесконечно много — как тяжелых переживаний, так и радостного, светлого, бодрящего чувства, что именно и дает силы жить в дальнейшем, радоваться жизни и бороться со всеми ее темными сторонами. Вот почему все возникавшие неожиданные преграды я преодолевала к присущими мне упорством и настойчивостью.

Сойдя с поезда, я уже не имела возможности, как в прошлом году, идти прямо в лазарет, так как тут же была задержана оперпостом. Выяснилось, что в лагерях карантин и всякие свидания запрещены из опасения занести тиф, который свирепствовал на этой дороге. Мне предложили немедленно, со следующим поездом, уехать, но я упорно не хотела подчиниться. Целые сутки я не двигалась с места, пока не покорила сердца охранников и не вымолила у них разрешения вступить на лагерную территорию, пройти в отделение и просить свидания.

Там я встретила новые мытарства и — как их результат — новые переживания. Выяснилось, что свидания разрешают только с освобождаемыми, когда их вытряхнут за лагерную черту, как ненужную вещь: "Бери жалкие остатки человека, изуродованного тяжелым трудом". А Ваня фактически еще не был освобожденным, и мне пришлось добиваться рассмотрения его дела. С каким трепетом и волнением следила я за человеком, который щелкал на счетах, подсчитывая дни зачета рабочего. От этого подсчета зависело мое свидание: решалась судьба, хватит или нет дней, отработанных им, до срока. И к моему ужасу, их не хватало, потому что Ваня, как больной, был лишен зачета. Казалось, надежда на свидание рухнула. Но я опять проникла к начальнику и все подробно объяснила ему. И он подарил мне три дня свидания, предупредив, правда, что Ваню я лично не увижу: в лазарет не пропустят, а покажут только в окошко.

Помню, с какой радостью я бросилась бежать к лазарету по узкой дорожке болота. Были сумерки, шел снег и дождь, и это несмотря на то, что май был уже на исходе. А здесь было все мертво: озера покрыты льдом, деревья голые. Дул холодный, пронизывающий ветер, и меня в холодном плаще продуло насквозь. Внизу, в ущелье, шумела и плескалась река Выг, а на обрыве ее виднелись огоньки лазарета, куда я стремилась всем своим существом. Я знала, что Ваня давно уже ждет меня, ему сообщили о моем приезде: толкаясь в отделении, я встретила тем его знакомых.

Несмотря на запрет, в лазарет я все же попала и провела там шесть дней, то есть вдвое больше, чем значилось в распоряжении начальника.

В лазарете ко мне все относились хорошо, и я имела возможность лично готовить Ване пищу, и все, что я готовила, казалось ему особенно вкусным.

Дольше шести дней оставаться было рискованно. Я сознавала, что хотя я по-прежнему нужна была Ване, но оставаться было нельзя. Между тем, я так жила со всеми ними в палате. Я почти круглые сутки сидела у постели Вани, исключая четыре часа сна. Мы и говорили, и молчали вместе — все было хорошо.

— Я уезжала с разбитым сердцем, заливаясь слезами от сознания своей беспомощности и безвыходности положения", — так закончила свое письмо Соня.

А теперь несколько слов о том, как попало оно к Лева. Он уже был на свободе и работал врачом. Примерно в 1967 году, беседуя с одним из своих местных знакомых, Лева рассказал ему кое-что о днях своего пребывания на Беломорканале. В этой связи он упомянул фамилию Баутина и имя Сони. Вскоре Лева довелось ознакомиться с рукописью Б.В.Мазурина "Ваня Баутин". Еще немного времени спустя Лева написал Соне по полученному им ее адресу. Соня живо откликнулась и прислала Лева свои воспоминания о последних днях Вани Баутина и вообще о своей поездке.

Лева познакомился с Соней, когда она была в лазарете и ухаживала за Ваней. Однажды, освободившись от работы, он увидел ее одиноко сидящей около Лазарета и подошел.

— Ваня спит, — сказала она. — Я решила подышать свежим воздухом. Слышала, что вы — верующий и любите Бога?

— Да, я верующий, — подтвердил Лева. — И Бог есть любовь. И жить по любви со всеми — это основное. Я очень рад, что вы посетили своего брата Ваню и так заботитесь о нем. Мы все, здешние верующие, восхищаемся, что вы, не считаясь ни с чем, добились свидания с ним и жертвуете собою.

Соня взглянула на Лева испытующим взглядом и сказала:

— Я вам верю. Знаете, я совсем не его сестра. Я из дома Чертковых и посещаю наших заключенных и ссыльных. Приеду к одному — говорю, что я его сестра, к другому — что я его невеста, и добиваюсь свидания. Впоследствии Соня вышла замуж за Ваню Сорокина, друга и единомышленника Вани Баутина. Сорокин, как и многие другие бывшие члены Московского вегетарианского общества, также прошел изрядный путь испытаний как на Беломорканале, так и в других местах. Освободившись и женившись, на Соне, он из каких-то соображений принял ее фамилию. Теперь этот Ваня Рамм, как и Соня, в весьма почтенном возрасте, пчеловод по профессии. Живут они на Северном Кавказе. Кстати, Соня, латышка по национальности — не Соня, а Сусанна.

Эта жертвенность вызвала восхищение у Левы:

— Так, значит, и теперь есть люди, которые помнят о страдающих и посещают их, как это делал некогда он сам.

Лева не выдержал и решил поделиться с Соней своими самыми сокровенными мыслями.

— Вы знаете, — сказал он Соне, — о чем я мечтаю и молюсь. Я, конечно, не собираюсь на свободу, пока любовь Христова гонима. Но если получится так, что меня все-таки освободят и я вернусь в свой родной город, тогда... Знаете, там есть еще молодежь, быть может, она дремлет, но я им скажу, что дремать не время, что нужно жертвовать собою ради ближних, и я уговорю наших молодых сестер поступить на курсы медсестер, получить среднее медицинское образование и потом оставить все — ехать вольнонаемными в лагерь.

Излагая эти свои мысли, Лева оживился, стал махать руками:

— Вы знаете, сколько радости принесут они, облегчая христианской любовью страдания больным, утирая слезы, вселяя надежду. А сколько радости принесут они своим по вере! Это действительно будут светочи среди темной ночи, они найдут свое призвание в жизни, Бог благословит их...

Тут Лева невольно коснулся некоторых интимных сторон жизни, о чем обычно избегал говорить:

— Вы знаете, ведь у нас молодых братьев-верующих мало, а сестер много. И вот, когда они пойдут и будут в лагерях действительно светочами, Бог благословит их и, кому нужно, даст хорошего мужа-христианина, и все проблемы будут разрешены...

Соня слушала Лева, опустив голову. Годами она была гораздо старше его. по-видимому, много читала, встречала в жизни незаурядных, умных, мыслящих людей. И когда Лева окончил перед ней свою импровизацию, она тихо сказала:

— Не знаете вы людей, Лева. Пойти на жертву, оставить обычную жизнь, посвятить себя служению ближнему — это редко кто сможет. Боюсь, что из ваших планов ничего не получится.

— Нет, вы не знаете наших людей, — сказал Лева. — Они веруют в Христа, Который закончил свою жизнь на Голгофе. Мы идем по Его следам. Наша молодежь жаждет подвига...

— Не верю я в это, — грустно сказала Соня. Соня оказалась права. Когда Лева освободили и он вернулся в Самару, он действительно призвал баптистскую, верующую молодежь учиться медицине и, окончив школу или курсы, ехать в лагерь в качестве вольнонаемных и там помогать страждущим. Учиться никто не захотел, а об "агитации" Левы тут же сообщили специальным органам, и там на очной ставке одна из "верующих" сестер показывала на него как на врага культуры и советской власти.)

Они расстались. Лева пошел на работу, Соня вскоре уехала.

Лева часто подходил к Ване Баутину, справлялся о здоровье. Сердце его обливалось кровью, когда он смотрел на умирающего, не только потому, что тот умирал в заключении — это была честь для него, — а потому, думал Лева, что он не знал Христа как Спасителя грешников. И он решил побеседовать с ним на эту тему.

— Ваня, — сказал он, — у меня к тебе вопрос: кем для тебя является Христос? Не считаешь ли ты Его за Спасителя?

Ваня помолчал, потом тихо ответил:

— Об этом сейчас трудно говорить.

Он знал, что для Левы Христос не только Учитель, но и воплотившийся с неба Сын Божий — Спаситель грешников.

...И погас он, словно свеченька
Восковая, предиконная...
Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

... И не только один Ваня Баутин, а сколько, сколько людей, христиан, абсолютно не помышлявших ни о какой политике, желавших только одного — жить по – Божьи, как они это понимали, перешли в другую жизнь от этой великой скорби. Кто знает их число — замученных, больных, лишенных всего, опозоренных...

И для чего это делалось? Кто с кем и с чем боролся? Господь — судья всему этому. Мы же, верующие поистине, никого не осуждаючи и не упрекая в те годы, терпели и славили Бога, что Он удостоил нас идти Его тернистым путем.

Глава 18. Ценят и обесценивают

Трудовое лето 1933 года было в полном разгаре. Спешили досрочно сдать канал, пустить суда. Все работали, не покладая рук. Доставалось и медработникам. Количество трудовых травм непрерывно возрастало. Главный хирург Троицкий решил открыть при лазарете

хирургическую амбулаторию, куда со всех лагерных пунктов принимали больных, оказывая им квалифицированную помощь. В особо серьезных случаях Троицкий консультировал, и тогда больного или раненого переправляли в лазарет.

В последние дни, когда Ване было особенно трудно, Лева всячески старался чем-либо порадовать его.

— У меня там, на полке, медицинские книги, справочники, — сказал умирающий. — Я дарю их тебе, Лева. Их у тебя не отберут. Я их получил в Соловках — там и штамп стоит на них: "Проверено УСЛОН".

Лева поблагодарил его за подарок. Это ему особенно нужно было в медицинской практике.

Ваня Баутин умер. Перед смертью врачи успели сообщить Соне, что часы его сочтены, и она снова приехала, но уже не застала Ваню в живых. Она вспоминала об этом так:

"Вани не было. Труп был ужасен, я в нем его не нашла, а только почувствовала вне этой оболочки. Хотя и заливалась слезами, идя за гробом и над его одинокой могилой, но внутренней горечи не было. Я чувствовала его счастливым, уже не нуждающимся в помощи. Прошел свой путь и ушел в вечность, спокойно, безропотно испил горькую чашу..."

Леве на похоронах быть не пришлось. Как раз привезли раненных упавшим дерриком, и ему вместе с хирургом Троицким и другими приходилось не только ассистировать, но и непосредственно оперировать.

Размышляя о Ване Баутине, Лева невольно вспоминал строки стихотворения Н.А.Некрасова "Орина, мать солдатская":

...Знает Бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!
... Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Амбулаторию хирург поручил Леве. И Лева каждый вечер вел там прием, включая осмотры сложных хирургических больных с лагпунктов. Делал перевязки по всем правилам асептики. Сам производил разрезы флегмон, зашивал раны, ампутировал пальцы и лишь в сложных случаях направлял больных и раненых к хирургу Борису Николаевичу Троицкому, который день и ночь был перегружен работой.

Санитаром к Леве прикрепили Башука — молодого краснощекоего парня-украинца. Он стал калекой на лесозаготовках: упавшая лесина раздробила ему бедро, и функцию ноги восстановить не удалось. Его использовали на работе при медчасти. Башук был очень прилежный парень и всячески помогал Леве.

Днем Лева работал в хирургическом отделении. Стремясь облегчить боль и помочь людям, Лева вспомнил Леренса, который трудился над изобретением транспортера. К тому же везде в лагере были расклеены листовки с призывами к рационализации и изобретательству. Поэтому Лева решил использовать все возможности, чтобы улучшить медпомощь. На электростанции к тому же были друзья, и они помогли Леве. Он сконструировал особую суховоз-душную электрическую ванну, которая способствовала лечению повреждений нижних конечностей. В это время цинга в лагере достигла особенного развития, и много не только рабочих, но и специалистов страдали от болей в

мышцах, а у некоторых от кровоизлияний в икроножные мышцы сводило ноги, и они не разгибались. Применение предложенной Левого ванны оказалось очень успешным, и один из инженеров, у которого нога была совсем сведена и он не мог ходить, смог восстановить ее функцию и написал отзыв о ваннах Левого.

Лево изготовил электрические ингаляторы для лечения ангины, стерелизаторы для быстрого кипячения медицинских инструментов, а затем — с помощью электрика и столяра — общую ванну синего цвета с различными включениями для прогревания конечностей и тазовых органов. Была также сделана сильнодействующая ванна для поясницы. Благодаря всему этому его популярность росла, и к нему устремился целый поток больных, которых направляли к Лево врачи. И не только из числа заключенных: приходили и из охраны, и принимали лечебные ванны. Лево радовался и благодарил Бога за то, что он теперь не бесполезный человек, не просто лекпом, но действительно способен приносить облегчение страдающим.

Из центра строительства, с Медвежьей горы, приехала большая комиссия. Они побывали и в лазарете. Им показали работу Левого, его приборы. Члены комиссии одобрительно кивали головой. Начальник спросил, какой срок у Левого, покачал головой и сказал:

— Нужно его учить. Из него выйдет работник. Предоставьте ему все условия, а когда освободится, дадим характеристику, чтобы сразу поступал в институт.

Комиссия двинулась дальше. Начальник санчасти лагеря подошел к высокому начальству и что-то ему сказал. Тот обернулся, посмотрел на Лево и спросил:

— Так значит, вы — баптист?

— Баптист, — ответил Лево.

— Тогда вам мечтать об учебе не приходится, пути перед вами закрыты. Но здесь, — начальник внимательно и строго посмотрел на Лево, — мы перековываем людей. Если перекуетесь, оставите религиозные бредни, станете советским человеком, — путь вам в большую науку открыт,

И комиссия двинулась дальше.

А в голове у Левого пронеслись такие мысли: неужели эти люди сами не чувствуют всей фальши выражения о перековке? Как можно искусственно перенести термин механики на человеческую душу? Да, Лево мечтал о науке, страстно мечтал. Но — променять Христа, отказаться от Бога, от Евангелия? Разве это возможно?! Ведь для него Христос был сама жизнь, и он наяву видел, как гибнут без Христа люди, гибнут без Бога и любви — большие и малые, свободные и заключенные.

Жил он скромно во всех отношениях, и когда однажды в лагерь приехала хозяйственная комиссия и стала проверять помещение, где поселили службу лазарета, то нашли, что все, начиная от санитаров, пользовались несколькими матрацами и одеялами и всячески создавали себе незаконные удобства, в то время как больным часто не хватало простенького матраца.

Подошли к койке Левого. Начальник приподнял одеяло: там лежала лишь простыня — и никакого матраца. Он постучал пальцем по доскам и спросил:

— А здесь кто спит?

— Здесь спит наш фельдшер Смирнский, — ответил завхоз.

— Так почему у него нет даже матраца?

Завхоз помолчал, погладил свою пухлую сытую щеку и, видимо, чувствуя, что отвечать придется, выпалил:

— Он, гражданин начальник, у нас баптист, все для других старается, для себя — ничего.

Некоторые рассмеялись. Засмеялся и начальник.

— Так вы сами об этом баптисте позаботитесь!

К вечеру, Лево положили на постель матрац, но он так привык спать на досках, что не смог уснуть на нем и возвратил назад.

... И вот неожиданно был обыск, и у Левого нашли Евангелие. Часть Нового Завета.

— Как попала к вам эта книга? — спросил его начальник охраны. — Где остальное?

Лево молчал. Евангелие отобрали.

Через несколько дней его вызвали в управление, в следственную часть.

— Так вы, оказывается, верующий! — сказали ему.

— Да, верующий, — ответил Лево.

— Пора оставить эту чепуху. Вы сейчас работаете в лазарете, находитесь в неплохих условиях, а имеет при себе такую книгу — Евангелие. Вы можете верить в душе, мы не возражаем, но книга — это уже пропаганда.

— Я бы просил ее вернуть мне, — Лево смотрел помощнику прямо в глаза.

— Так вот, молодой человек, мы вам зла не желаем. Выйдите в коридор и подумайте; как надумаете, приходите, а иначе у нас есть средство заставить вас говорить. У нас есть особые тюрьмы, есть штрафные колонии — пропадете ни за что.

Лево вышел и остался один в коридоре. Как быть? Он отлично знал, что эти люди могут стереть его в порошок. Неужели теперь, когда он работает по любимой специальности, помогает больным, отдает себя целиком другим, все это будет отнято и сам он исчезнет на тяжелых работах среди штрафников? Но он знал, что без воли Отца ничего не может случиться. Он знал, что путь христианина — узкий путь. "Если пострадаю, — думал он, — то за Евангелие, а это — большая честь. Нет не могу я указать, где находится любимая книга, и тем лишить братьев вечного хлеба".

Уже вечерело. Не дождавшись, чтобы Лево сам постучал в дверь, его вызвали.

— Надумали, молодой человек? Мы сейчас будем писать протокол, это дело оставлять так нельзя.

— Пишите, что я сказать не могу.

— Но почему? Почему ты не можешь сказать? — как бы сочувственно спросил его начальник.

— Для нас Евангелие, Новый Завет Господа Иисуса Христа — это хлеб, — сказал Лева. — Без него мы жить не можем, это самое дорогое. Если я вам скажу и вы отберете у братьев этот хлеб, которым они живут, я совершу самое тяжкое преступление. Поймите, Евангелие для нас бесконечно дорого, и если нужно, мы готовы ради него лишиться жизни.

— Запишите все его слова в протокол, — сказал начальник.

Протокол был оформлен, и Лева подписал его. Он знал, что пощады от этих людей ждать нечего, и думал, что сейчас его поведут в тюрьму — особую тюрьму, которая была внутри лагеря. А дальше последуют страдания, страдания без конца... В душе он молился словами 70-го псалма:

"На Тебя, Господи, уповаю; да не постыжусь вовек. По правде Твоей избавь меня и освободи меня; приклони ухо Твое ко мне, и спаси меня. Будь мне твердым прибежищем, куда я всегда мог бы укрываться..."

Ему приказали выйти из кабинета, потом вызвали опять.

— Пока можете продолжать работать в лазарете. О том, как сложится ваша дальнейшая судьба вам сообщат позже.

Через день после этого начальник лазарета вызвал Леву:

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он. — Идемте погуляем возле лазарета, чтобы нас никто не слышал.

Они шли по песчаной дорожке, направляясь к берегу реки Выг.

— Ну, что Вы наделали, "го вы наделали! — сказал доктор Чапчакчи. — Мне просто вас жаль. Мы вас очень ценим как хорошего работника, вы изобрели приборы, вас и начальство ценит. Особенно успешно идет лечение цинги. И вот, на-ка тебе! Меня вызвали из-за вас в управление. Оказывается, вы связались тут с сектантами, у вас тут нашли Евангелие. Вы просто губите себя. Я едва отстоял, чтобы вас оставили в лазарете, и обещал всячески повлиять на вас, перевоспитывать в хорошую сторону.

Лева поблагодарил доктора за доброе отношение к нему и рассказал о своем уповании, о том, как дорого и ни с чем не сравнимо для него Евангелие.

— Я не могу не видеться с верующими, — пояснил Лева. — И если вы хотите оторвать меня от верующих, то я сам не могу от них оторваться. Они — мои истинные родные. Единственно, что я могу вам посоветовать: загружайте меня работой и день, и ночь — и тогда, возможно, тем, которые хотят причинить мне зло, не к чему будет придраться.

— Хорошо, — согласился начальник лазарета, — мы увеличим вам объем работ.

И действительно, кроме обычных обязанностей, ему дали дополнительную работу по скорой неотложной помощи. Днем и ночью, когда кто-нибудь из начальства и охраны заболел, посылали его. Лева трудился добросовестно, не жалуясь на утомление и нехватку часов для сна. Господь благословлял его, и получалось, что, идя по срочным вызовам, Лева соприкасался с верующими, с дорогими братьями в самых различных пунктах, посещал их гораздо чаще, чем раньше. Видеться с родными по крови Иисуса доставляло ему большую радость.

Но были у Левы и ошибки, которые доставляли ему много неприятных переживаний и заставляли глубже задуматься над своим несовершенством. Например, однажды ночью он дежурил по лазарету. В это время в хирургическом отделении умирали три молодых парня. Всем троим упавшая вагонетка переломила позвончики. У них были пролежни, повышалась температура, наблюдался паралич нижних конечностей и тазовых органов. Иногда они были без сознания, бредили, иногда приходили в себя. Лева пунктуально выполнял все назначения врача, а им был выписан морфий. В лазарете морфия было мало. Двум из троих Лева сделал инъекции, а третьему не сделал — приберег одну ампулу, вдруг произойдет несчастный случай.

Утром был обход больных, который проходил, как всегда, торжественно: за хирургом несли полотенце, смоченное сулемой, — после каждого осмотра больного он вытирал руки.

Умирающий с переломом позвончика пожаловался, что ему не сделали обезболивающего укола. Троицкий мрачно взглянул на Леву и, не слушая никаких его объяснений, кратко сказал:

— Вы не имеете жалости к больному... — И пошел дальше. Эти слова заставили Леву многое передумать.

Или был еще такой случай. Вызовов было много, и к утру опять разбудили начальника лазарета, вызвав в семью какого-то вольного. Тот распорядился чтобы шел Лева. Но Лева так устал, что открыв глаза, буркнул будившему его:

— Пусть сам доктор идет, я не пойду...

Сказал и повернулся на другой бок. А совесть заныла. Он встал и стал одеваться. Смотрит — Чапчакчи тоже оделся и собрался идти к больному. Лева подбежал к доктору, попросил прощения, сказал, что это он спросонок. Чапчакчи ничего не сказал, он понимал, как устал Лева, повернулся и отправился досыпать. А Лева пошел к больному.

Глава 19. Канал построен

Приближались месяцы окончания стройки. Работа кипела везде, в санчасти тоже не было никакого отдыха. У работяг участились случаи сильных поносов. Истощенные люди гибли, как мухи. Рядом с лазаретом построили еще большой барак-палатку. Медперсонала не хватало. Обслуживание этой палатки также поручили Лева. Там лежали десятки больных — в основном дистрофиков, авитаминозных. Здесь Лева впервые пришлось вплотную столкнуться с болезнью, именуемой пеллагрой. Это шершавая кожа, резко, до дерматитов, измененные натыли костей и стоп, это диарея — бесконечные, ничем не останавливаемые поносы, это депрессия — тяжелое угнетение психики. Одним словом, три "д". С витаминами было плохо, в дефиците был и витамин P2, который является главным средством лечения больных пеллагрой. И хотя пеллагриков пользовали дрожжами, которые были богаты витаминами, люди

продолжали умирать.

Стройка шла. На канал из Ленинграда приехал С.М.Киров с другими руководителями, представителями партии. Как говорили, они остались довольны. Люди действительно выкладывались до конца.

— Вам еще работа, — сказал Чапчакчи Лева. — Заболел главный инженер всего строительства Вайда.

— Что с ним? — спросил Лева.

— Возможно, от сырости получились ревматические явления в ногах, боли в суставах. Так вот, я попрошу вас каждое утро ходить к нему и делать массаж ног.

Инженер Вайда был нерусским. Как крупного специалиста по строительству каналов, его держали в особых условиях. Жил он вдали от лагеря, ближе к одному из участков строительства, в отдельном удобном коттедже. Получая из-за границы посылки, одевался не как все заключенные (в защитного цвета одежду), а носил заграничную форму, ходил в штиблетах, коротких штанах с чулками. Особый пиджак, галстук. Ни за что не догадаешься, что это заключенный. Все начальство лагеря к нему прислушивалось, потому что строительство плотин и сооружений велось под его руководством.

Когда наутро Лева пришел к Вайде, тот был еще в постели. С ним жила его теща, глубокая старушка, но еще бодрая и энергичная. Она заботилась об организации его питания.

После того, как Лева провел массаж, его сразу не отпустили.

— Вы должны с нами чай пить, — сказал инженер.

Старушка поставила на стол печенье, белый хлеб, масло и налила чаю. Такого чаю Лева никогда не пил, он имел какой-то особый аромат. После него Лева чувствовал себя необыкновенно бодрым.

С неделю Лева ходил к Вайде и делал назначенный тому массаж. Инженеру стало значительно лучше, и он стал бодро ходить по стройкам. А ходить приходилось много.

— Все это хорошо, — думал Лева. — Однако у людей не так, как у Бога. Бог посылает дождь и солнце на всех одинаково — и на добрых, и на злых. А люди, имеющие власть, поступают по-другому. Тех заключенных, которые представляют для них особую ценность, как, например, инженер Вайда, ставят в условия, которые многие и на воле не имеют, а рядовым работягам предоставляют широкие возможности умирать от дистрофии и тяжелых ранений... И Лева все более и более наполнялся любовью к Богу, Который был совершенен, и ему становилось все яснее, какая огромная пропасть пролегла между Божьим и человеческим.

Чтобы, с одной стороны, в лагере не было большой смертности, а с другой — чтобы не кормить бесполезный балласт, всех безнадежно больных комиссовывали (проводили через врачебные комиссии), поддерживали и отправляли домой. Прибыл еще врач, крупный терапевт, доктор Крих, арестованный в Ленинграде. Он был исключительно приветлив, с больными здоровался за руку и отдавал все свои силы, чтобы помочь им.

Чапчакчи перевели в другой лагерь, строивший тот же канал, — в Сороку. И он стал уговаривать медперсонал ехать с ним. Фельдшер Кащенко и другие решили ехать, но Лева подумал: "Как же будет работать доктор Крих? Ведь у него остается так мало персонала". Хирург Троицкий на днях должен быть освобожден, в связи с чем перестал проявлять заботу о количестве и качестве медперсонала. Он это дело передоверил своему другу Чапчакчи, а тот, естественно, отбирал лучших.

Лева желал всем добра, хотел, чтобы всем было хорошо. Поэтому он пришел к доктору Криху и сказал ему:

— Если я вам нужен, то вы можете меня оставить, а если нет, то я поеду.

— О, оставайтесь, оставайтесь! — воскликнул доктор. — Мы поработаем вместе.

Работы было страшно много, и Лева никогда не забудет, как, истомленный участием в комиссовании больных, обходами, изучением истории болезни, доктор Крих во время одного из обходов наклонился к больному и сам потерял сознание — упал у койки. Лева оказал первую помощь до крайности переутомленному врачу, уложил его на койку, предложив отдохнуть,

— Как я могу отдыхать, что вы! — говорил пришедший в себя после обморока Крих. — Ведь больные ждут меня, я должен, я могу им помочь...

И он продолжал трудиться из последних сил.

Его чуткость поражала Леву. Когда умирал человек, он требовал, чтобы дежурный фельдшер сам, а не другие фельдшеры, констатировал смерть умершего, и когда однажды Лева дежурил по всему лазарету и ему фельдшер, дежуривший по одному из барачков, сообщил, что такой-то умер, а Лева был лишен возможности немедленно удостовериться к смерти, доктор Крих, как он ни был занят, сам пошел в морг посмотреть покойника.

Везде он требовал точности, аккуратности и даже, если уместно так выразиться... красоты. Однажды он пришел в то отделение авитаминозников, которое вел Лева, Зашел в приемку. Дело было уже под осень, и время от времени топили железную печь.

— Смирнский! — воскликнул он, — Неужели вы не замечаете, что здесь непорядок?

Лева посмотрел на бутылки с лекарствами, истории болезни — кажется, все было и порядке.

— Не вижу, — ответил он.

Доктор Крих наклонился и стал аккуратно, полено к полону, укладывать дрова, лежавшие у печи:

— Поймите, в нашей жизни так мало красивого, мы должны стремиться к тому, чтобы все лежало аккуратно, тогда и работать легче будет.

Так говорил этот старый врач. Лева был благодарен Богу, что на первых шагах своего медицинского поприща он имел таких прекрасных старых врачей, опытных руководителей, как хирург Троицкий, доктор Чапчакчи и, наконец, доктор Крих. У них Лева многому мог научиться, и не только врачеванию в собственном смысле этого слова, но и отношению к больным, и той жертвенности, которою отличались старые врачи.

Настал день, когда по каналу прошли первые суда. Труженики ликовали — это был и их праздник. Кроме зачета рабочих дней, многих освободили досрочно, многим скинули срок. Лева сбросили один год заключения. Многие и многие собирались, прощались и уезжали домой. С другой стороны, ввиду того, что работы кончались, заключенных готовили этапом перебрасывать в другие лагеря. Жаль, до слез было жаль и неохота прощаться с другими братьями и сестрами, с которыми вместе делили радости и горести.

Как-то раз, когда Лева занимался с больными, он увидел, как мимо лазарета гнали этап: там были братья-белорусы. Он выскочил в халате и побежал за этапом, часовые пропустили его. И он обнимал, целовал отъезжающих братьев. Сыпались пожелания благословения и главное взаимное пожелание: "Будь верен до смерти..."

Казалось, у Левы, так вес думали, было все спокойно, и тот конфликт, который произошел с Евангелием, был исчерпан. На самом деле это было не так. Каждый месяц, а иногда и чаще, в глухую полночь он просыпался от толчков: на него был направлен свет электрических фонарей, кругом стояли военные.

— Встать! Тихо! — командовали они и производили тщательный обыск, проверяя все. Но обычно ничего не находили, кроме прошедших через цензуру писем. На них всегда стоял штамп "Проверено", и их не подвергали вторичному досмотру. Каждое письмо, полученное от матери, Лева хранил, как драгоценность. Были и другие письма, и среди них особенно близкие сердцу письма отца,

Проходило некоторое время, и опять в глухую ночь толчок, и снова обыск. Лева понимал, что он находится на прицеле, но это нисколько его не тревожило и не беспокоило. Он твердо знал, что без воли Отца Небесного случиться ничего не может, а рука Господа незримо охраняла и вела его,

Вновь и вновь он работал над рационализацией, над совершенствованием обслуживания больных. Каждая койка у него имела свой номер, были сделаны особые подносы с ячейками и номерами, туда клались порошки, ставились рюмочки для больного, и потом он быстро раздавал медикаменты. Он старался усовершенствовать и улучшить каждую мелочь, чтобы работа спорилась.

На видном месте у лазарета висела красная доска, на которой писали фамилии лучших работников санчасти. Долгое время там красовалась только она фамилия: Смирнский.

Однажды во время работы пришел военный, вызвал Леву и предложил ему следовать за ним.

— С санчастью имеется договоренность взять вас из лазарета, — сказал он.

Лева невольно как-то испугался: что? зачем?

— Дело в следующем, — сказал военный, оказавшийся работником секретной части. — В нашу местность прибыл этап для вольного поселения здесь раскулаченных и их семей. Мы должны обследовать их состояние. Эта работа совершенно секретная, и мы решили доверить ее вам. Вы об этом никому не должны говорить. Вы сейчас пойдете со мной в этот новый поселок и будете там проверять санитарную сторону их быта: как они выглядят, какие жалобы на здоровье. Я скажу, что вы врач.

Лева от такой работы, конечно, не отказался, и они пошли.

То, что Лева увидел: детей, женщин, обстановку — не поддается описанию. Одно особенно больно кольнуло сердце Левы, это — большой голод. Люди на его глазах собирали очистки от картошки, сушили их, толкли и готовили из них пищу.

Далее при проверке Лева заметил вшивость: она была особенно опасной. При опросе прибывших выяснилось, что некоторые из них не доехали, их дорогой сняли, у них оказался сыпной тиф. Это сугубо насторожило санчасть в лагере и лагерное начальство, потому что, если сыпняк вспыхнет среди переселенцев, он может перебраться в лагерь. Решено было помочь в дезинфекции одежды прибывших и тщательной проверке их на вшивость. Принятые меры помогли ликвидировать вшивость и предупредить вспышку сыпного тифа.

Спустя определенное время, закончив работу, предложенную ему секретной частью управления лагеря, Лева снова вернулся к своим прямым обязанностям по лазарету. Он продолжал лечить своими ваннами и заключенных, и вольных, и сама администрация лагеря распорядилась снять копии, чертежи с его приборов и послать в главное управление лагерем на Медвежьей горе в порядке "обмена опытом". Из правления пришли техники, чертежники, сделали промеры, сняли схемы его приборов. Пришедшие говорили Лева, что о нем напишут и его премируют.

Все это радовало Леву. В этом видел он перст Божий, который располагал к нему сердца людей.

Но вот стали собирать большой этап на новое большое строительство под Москву, строить Москанал. Формировали целый эшелон заключенных.

Вольнонаемный начальник отчасти вызвал Леву и сказал ему:

— Я вас назначаю в этот этап как медработника. Вы получите выделенный для этапа вагон с медикаментами, примете эшелон и переедете в Демидлаг, на строительство Московского какала. Вы понимаете, что это для вас лучше.

Он многозначительно посмотрел на Леву.

— Там, возможно, вас и освободят...

Лева без дальнейших разъяснений все понял, поблагодарил начальника. По профессии тот был опытный лаборант.

И вот прощание с друзьями по лазарету. Один из них, особенно любивший Леву фельдшер, потащил его в перевязочную, где никого не было, и сказал:

— Так просто расстаться мы не должны: обязательно надо выпить.

Он достал и развел спирт.

— Что ты! — воскликнул Лева. — Разве ты не знаешь, кто я!

— Знаю, знаю, ты — верующий, баптист, и все мы тебя уважаем. Но тут, ведь, знаешь, мы вдвоем и никто, никто не увидит. У нас на родине так принято: когда друзья расстаются, так немного нужно выпить, а без этого и проводы не в проводы.

— Ты говоришь: нас никто не видит? — сказал Лева. — Но представь себе, за нами наблюдают.

— Кто наблюдает? — изумился фельдшер. — Окно занавешено, дверь толстая, и никто не подслушивает.

— Есть Тот, Кто видит через все двери, стены, там, на небе, мой Отец — Бог. И я вот сколько прожил, работая по хирургии, имел сколько спирту, до сих пор не пил ничего спиртного, не проглотил ни одного глотка пива: считаю это грехом и никогда, — надеюсь, Бог поможет, — ни при каких условиях не стану отравлять себя этим ядом.

— Ну, уж если ты такой, — сказал фельдшер, — давай поцелуемся. А я еще больше уважаю тебя. Пусть твой Бог поможет тебе!

Лева принял санитарный вагон, расписался за медикаменты, за мягкий инвентарь, за койки, проследил за дезинфекцией отправляемых — все было в порядке. Обегал братьев, которые жили — по отделениям, в последний вечер побыл с братьями, которые были на лагпункте. Попрощались, приветствуя друг друга "лобзанием святым", тихо спели:

Бог с тобой, доколе свидимся...

На Христа иди взирая,

Всем любовь Его являя...

И вот, поезд готов к отправке, закончена погрузка заключенных в вагоны. Лева стоит у двери санитарного вагона в белом халате с повязкой Красного Креста. Конвой делает последние проверки, на перроне начальство лагеря, бодро и шумно играет духовой оркестр, паровоз дымит. Еще несколько минут — и в путь.

И вдруг Лева видит: бежит запыхавшийся начальник санчасти и с ним знакомый заключенный фельдшер. Подбежали к вагону:

— Смирнский, слезай! Выбрасывай свои вещи! Ты остаешься, а ты залезай, — говорит он другому фельдшеру. — Передавать некогда, сейчас поезд отправляется.

Лева едва успел сбросить халат и взять свои вещи, как поезд тронулся и ушел туда, к Москве, где начиналось строительство нового канала.

Возвращение Левы было неожиданностью для всех, все удивлялись, изумлялись, недоумевали:

— Как так? Почему? Что такое?

Никто не мог придумать какое-либо объяснение. Но сам Лева понимал: он находится "на прицеле", и даже здесь, в заключении, лишенный свободы, он не может чувствовать себя равноправным с прочими заключенными. Он последователь Христа, и те, кто не любят Христа, то и дело чинят на его пути всевозможные препятствия. Это событие Леву не опечалило. Он твердо верил, что Бог — всемогущий, всевидящий, все обращает ко благу. Видимо, несомненно одно: ему лучше оставаться здесь, чем ехать туда, где лучшие условия и, может быть, даже скорое освобождение.

Наступила зима. Несмотря на то, что топились железные печи, в больничных бараках было так холодно, что к утру лекарства почти замерзали, и иногда приходилось поить больных настоями, в которых плавал лед. Начальником лазарета назначили нового доктора. Это был черноволосый, суровый мужчина по фамилии Шуляк, из бывших заключенных. Был он страшно нервный, несдержанный, вспыльчивый, кричал, ко всему придирался. С Левой, однако, конфликтов у него не случалось, и он даже давал ему читать из своей личной библиотеки Штрукля и другие книги.

Однажды с Левой произошло происшествие, едва не кончившееся для него печально. Он оперировал больного с поврежденными пальцами в маленькой амбулатории, удаляя разбитую фалангу. В это время вошел какой-то человек, незнакомый, одетый в гражданскую одежду, и предложил:

— Прошу освободить помещение.

— Как — освободить помещение? — взорвался Лева. — Разве вы не видите: я оперирую!

— Что вы повышаете голос, молодой человек? — угроза прозвучала в голосе незнакомца.

— А я вам говорю: выйдите отсюда, — сказал Лева. — Сюда без халата заходить нельзя.

Незнакомец вышел. Чуть Лева окончил операцию, как его вызвали к начальнику санчасти. Около него сидел незнакомец. Оказалось, это был заместитель начальника САНУ — санитарного отдела Управления лагерей Беломорского канала, с Медвежьей горы. Он приехал для проверки работы санчасти Соловецких лагерей.

— Я вас ни в чем не обвиняю, — сказал приехавший начальник, — как только в резкости, грубости. Вы должны были проявить вежливость. Я уже дал распоряжение отправить вас на общие работы, когда мне сказали, что вы добросовестно работаете и даже являетесь рационализатором и изобретателем, я свое решение отменю, но решил с вами просто побеседовать. Я старый врач и гораздо старше вас по возрасту, вы мне в сыновья годитесь. Но кто я ни был, ваша резкость совсем не тактична.

Лева искренно извинился и сказал, что он будет стараться еще, более совершенствовать свой характер, так как сам — сторонник и вежливости, и чуткого отношения.

На этом инцидент был исчерпан.

Когда после обследования санчасти начальник собрал всех работников лазарета, фельдшеров и врачей, то сказал:

— Основная проблема, которая стоит перед медперсоналом лагеря, это предупреждение смертности среди заключенных, что, в свою очередь, зависит от успешной борьбы с поносами.

Он предложил вплотную исследовать эту проблему, сказал, что у них есть кому заняться этим и, в частности, предложил начальнику санчасти использовать Смирнского для изучения причин поносов и разработки мероприятий их лечения.

Лева согласился заняться этой работой помимо своих обычных обязанностей, — это его очень интересовало. Предстояло изучить массу историй болезней лиц, которые за эти годы лежали в лазарете с поносными заболеваниями.

Он усердно принялся за дело, расчертил схему, в которой отмечал продолжительность заболевания, его исход, чем

лечили больного и т.д.

Просматривая эти истории болезни, или, как называли их в старое время, "скорбные листы", Лева наткнулся на историю болезни того монаха из Сызрани, с которым он был в Прокопьевске. С тревожным чувством перевертывал он лист за листом историю этого человека, В конце стояла краткая запись: такого-то числа во столько-то часов он умер. Из записи видно было, что до заболевания этот бывший монах работая конюхом на конном дворе лагеря.

Грустные мысли наполнили сердце Левы, да, сколько, сколько людей преждевременно сошли в могилу! А вот он живет, работает. Значит, он для чего-то еще нужен Богу на этой земле. И, сидя за столом, окруженный стопами "скорбных листов", Лека невольно вспомнил слова псалма: "Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя... Ибо ты сказал: "Господь – упование мое", Всевышнего избрал ты прибежищем своим". Несколько слов о хирурге Троицком. Как Лева удалось выяснить, он был арестован и осужден за то, что сгорела больница, которой он заведывал. Троицкий окончил срок и был освобожден условно. Так как хирургов не было, его на самом деле не освободили, а предложили остаться в лагере и работать на правах вольнонаемного. А он так мечтал вернуться домой, к семье. И вот все его мечты рухнули и этот больной, старый человек затосковал. Он лег на свою постель, бросил всякую работу и день и ночь лежал, не вставая. Проходили Недели. К нему заходили врачи, но он был сумрачен, ни с кем не хотел разговаривать. Приезжали врачи из САНУ. о чем-то говорили с ним и пришли к выводу, что у него так называемый психический срыв. Тем не менее его все же не освобождали, надеясь, что эта депрессия у него пройдет а он снова будет работать.

Доктора Троицкого Лева очень уважал — и как выдающегося специалиста, и как хорошего человека. Он заходил к нему, и тот давал ему читать свои книги. Одну из них — "Электротерапия" Коваршика — он даже подарил Лева с надписью: "На память от врача-хирурга Троицкого лектому Смирнскому". Особенно были интересны Лева книги по исследованию диагностических ошибок.

Как это бывает всегда, после упорных зимних холодов наступило некоторое потепление. Приближалась весна.

Неожиданно Леву вызвали на этап. Прибежал доктор Крих, и, разводя руками, сказал:

— Я хлопотал о вас, работники так нужны, но ничего не получилось. Вас направляют куда-то в дальний этап, возможно за Полярный круг. Благодарю вас за вашу работу.

Он тряс руку Левы и выражал ему самые лучшие пожелания.

— Я с своей стороны очень благодарен вам. Вы. меня многому научили, и аккуратности, и порядку. Этого так не хватает у нас...

И вот Лева на этапном дворе. По обличью отобранных в этап он убедился, что отбирают самый сброд, одних жуликов, и Лева понял, что его направляют на общих основаниях, а не по специальности фельдшера. Кто-то невидимый, неизвестный желал ему зла и, казалось, преследовал его. Кто это и за что, Лева не знал, на душе была тревога, но что было делать? Идти хлопотать к начальнику санчасти было бесполезно. Тревожные мысли, как мрачные тучи, проникали в сознание, и он стал молиться... И вот, на сердце стало легче, спокойнее, темные тучи ушли в сторону, Он опять как бы видел безоблачное небо и ясное солнце любви Божьей, согревающее и землю и душу. Открывая свое Евангелие, Лева находил там столько поддержки.

Когда отправляли этап, начальник санчасти, осматривая заключенных, подошел к Лева:

— Я думаю, Смирнский, это для вас к лучшему...

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — сказал Лева, улыбаясь. — Я убежден, что все, что творится, творится по воле Бога, а власти, начальство только подчиняются и выполняют волю Его...

Не спорим, это мнение Левы шло вразрез с лавиной событий, со здравым смыслом. Но уж такова была, очевидно, своеобразная натура Левы и, в зависимости от этого, его во многих отношениях странная и нелогичная с точки зрения обычного здравого смысла вера.

Спрашивается, а какая вера логична?

Обыск прошел благополучно. Все дорогое Лева ухитрился сохранить. А кроме Евангелия у него было еще вот что дорогое.

Несмотря на то, что посылки, получаемые от матери, проверялись не в обычной "конторке" у надзирателей, а получал он их у вахты, где вскрывались они под наблюдением кого-нибудь из высокого начальства, он аккуратно получал, от матери духовную литературу. Она разрывала на части старые духовные журналы — например "Радостную Весть" и завертывала в них яйца или осенью — яблоки. Эту оберточную бумагу пропускали вместе с продуктами, и Лева был счастлив, складывая эти листочки и получая целые страницы дорогих назидательных статей, проповедей. Этим он делился с братьями, а некоторые из этих листочков пронес с собой до конца заключения.

У Левы с собой был небольшой чемодан-ящик, в котором хранилось белье и некоторые продукты, которые прислала мать. Урки жулики нещадно грабили всех и готовы были, кажется, отнять даже хлебные пайки. Сундучок Левы вскрыли, обшарили все, отодвинув белье, как-то не заметили, как будто им Господь глаза закрыл, бутылку с маслом и рыбьим жиром, что очень пригодилось Лева в дороге: он делился всем этим со своими соседями по нарам.

Глава 20. На Кольском полуострове

*"Господи! сила моя и крепость моя и
прибежище мое з день скорби!.."*

Иер. 16:19

Их везли по направлению к Мурманску. На станции К ела эшелон остановился. Выяснилось, что этапиремых

направляют туда, где в те дни строилась самая северная в мире гидроэлектростанция. Строительство велось силами заключенных, чрезвычайно широко — начиная с крупных специалистов, непосредственно руководящих строительством, и кончая шоферами, ведущими непрерывный поток машин с грузами для стройки. Эта пирамида основанием своим упиралась в простого работягу-чернорабочего. В короткий срок на месте будущего строительства были возведены целые палаточные городки.

Из прибывших после санобработки и карантина формировали бригады, которые преимущественно вели земляные работы. Несколько дней в одной из них проработал и Лева, а потом, помолясь своему Лучшему Другу, отправился в санчасть и предложил свои услуги в качестве помощника лекаря.

Начальник санчасти побеседовал с юношей, расспросив, где и кем тот до этого работал, задал несколько вопросов по специальности, а затем выдал наряд на перевод заключенного Смирнского на работу в лазарет — большую длинную палатку с натянутым поверх брезентом.

Глава 21. Старый врач

Еще до поступления на работу в лазарет Лева много слышал от уже находившихся там некоторое время заключенных об удивительной женщине-враче — Ольге Владимировне Рогге. Все без исключения называли эту старушкой матерью,

Говорили, что она долгое время проработала в Ленинграде врачом, а в заключение попала за то, что якобы слишком жалела людей: выдавала больничные листы всем, кто просил ее об этом. Всякого просящего она считала уже больным. Нашлись злые люди, которые завели на нее дело за растрату государственных средств. Ее судили и дали срок — пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере. Она-то и заведовала тем лазаретом, куда был направлен Лева.

Седая старушка с румяным, слегка покрытым мерщиками лицом встретила Леву приветливо. Она не стала ему рассказывать, что и как ему предстояло делать, а прежде всего, поздоровавшись, задала вопрос:

— Голубчик, как ты себя чувствуешь? Не болит ли что? Ты с тяжелых работ вероятно?

— Да, я был в эти дни на земляных, — ответил Лева.

— Ну вот что, голубчик, ты сегодня отдохнешь; приведи себя в порядок, сходи в баню вне очереди, а уж завтра приступим к работе.

Поблагодарив старушку, юноша направил к своему бараку. Действительно, после этапа и земляных работ он чувствовал себя утомленным. А кроме того, ему очень хотелось найти братьев по вере, и он прошелся по лагпункту, думая найти их.

Лева поспал немного, и почувствовал себя гораздо бодрее. Он стал расспрашивать у дневальных барачков, нет ли в них верующих евангельских христиан-баптистов. Да, они нашлись и здесь, но почти все, кроме старенького брата — дневального, работали за зоной. Встреча с ним была самая радушная: в бараке его, кроме верующих, не оказалось, и они, преклонив колена, воздали хвалу Богу за его милости.

— Много здесь братьей, — говорил дневальный, и почти с каждым этапом прибывают все новые я новые.

Вечером на нарах братья вместе читали Слово Божие, которое привез Лева.

На следующий день Лева приступил к работе у Ольги Владимировны. До этого лагерных больных обслуживал неграмотный санитар, который не был в состоянии прочесть по-латыни врачебную пропись. Ольга Владимировна была очень рада, что Лева оказался знающим и вдумчивым работником.

— А меня держат только в стационаре, — пожаловалась она юноше. Начальник запретил мне вести прием больных в амбулатории.

— Это почему? — поинтересовался Лева.

— Да потому, что я действую справедливо: больной человек — освобождаю, не боюсь ни начальства, ничего

— Я слышал, Ольга Владимировна, — сказал Лева, — что вы — воплощение добра и действительно стараетесь помочь людям, всех называете "голубчиками", всех жалуете.

— А как же иначе, Лева? Ведь наша профессия — самая человеческая, и кто, как не мы, врачи, должны жалеть людей и сострадать им?

— Откуда же такая ваша доброта? — продолжал спрашивать Лева.

Старенькая доктор задумалась и ответила так:

— Могу рассказать, как я получила образование. Звание доктора мне было присвоено в России, когда женщине стать врачом было чрезвычайно трудно. Училась же в Германии, и только завершила получение образования, как началась первая мировая война и я попала врачом на фронт, где лечила и перевязывала русских солдат. (Сама я русская, только замужем была за иностранцем.) Сколько ужасов довелось увидеть мне на войне!.. Так что врачом, как видишь, работаю уже давно.

— Но, Ольга Владимировна, — мягко возразил ей Лева, — все таки только этим вашу доброту не объяснишь. Тут, вероятно, что — то другое.

По осторожность помешала старушке проявить излишнюю откровенность с незнакомым молодым фельдшером, и она промолчала.

На следующий день после обхода Лева заметил странную вещь: Ольга Владимировна, получив премиальные за работу в прошлом месяце, купила на них в ларьке сливочного масла и стала оделять им самых тяжелобольных.

— Кушай, голубчик, мажь на хлеб, это тебе будет очень полезно, лучше всякого лекарства...

А "голубчик", какой-нибудь рецидивист, жестокий человек, вытирал с глаз слезы. Может быть, первый раз в жизни назвали его голубчиком; он, может быть, первый раз в жизни видел такую ласку и заботу о себе. И сердце жестокого человека таяло,

— Спасибо, спасибо, мамаша! — благодарили ее больные,

— Необыкновенная женщина, необыкновенная! — думал с ней Лева. — Как же она относится к Богу? Не может быть, чтобы она была безбожницей.

И однажды вечером когда перевязка больных была закончена Лева, не выдержав, сказа?:

— Ольга Владимировна, вы меня не бойтесь. Я верующий человек. Скажите правду: вы любите Христа?

Глаза старушки просияли:

— А как же? Как же! Ведь мы Им только и живем! Я — православная христианка, молюсь. И в Ленинграде всегда заходила в церковь. Правда, я еще очень любила театр, но церковь для меня дороже.

Лева был несказанно рад такой встрече, они беседовали о многом, и Ольга Владимировна высказала мнение, которое Лева показалось странным.

— В настоящее время, — сказала она, — одновременно быть врачом и христианином несовместимо.

— Мне это не совсем понятно, — возразил ей Лева. — Я, наоборот, считаю, что христианину быть врачом — это значит быть милосердным самарянином, от души помогать, лечить...

— Быть христианином-врачом. — продолжила Ольга Владимировна, — это значит быть человеком добра, милосердия и сострадания, во всем поступать справедливо, как подсказывает совесть. А вот меня осудили! Я старалась ко всем проявлять любовь, милосердие... Вот говорят: симулянт они, не больные. А я рассуждаю так: если человек симулирует, то уже сама симуляция и есть болезнь, потому что если человек бежит в больницу, значит, он нездоров. Нормальный человек бежит от болезни, он рад здоровью, труду... Вот я и давала больничные листы. Как же меня ругали, как поносили! А за что? Я верила людям, я хотела, чтобы все было по любви, как заповедывал Христос. И вот — получила срок. И в лечении то же самое. К примеру, надо прописать больному то или другое лекарство, а в аптеке говорят: его нет. А сами шепчут на ухо: если доктор заболеет или какое-либо высокое должностное лицо, то присылайте рецепты — дадим. А как я, врач-христианка, могу так поступать? Я выписываю дефицитные лекарства для самого простого человека и прошу их дать, а мною недовольны.

— И когда начальству правду в глаза скажешь, — говорила о на болевшем старушка, — оно тоже смотрит на тебя, как на врага. А я прямо скажу: в старые годы мне было легче работать врачом. Сейчас же я чувствую, что поступаю не по-христиански. Ведь раньше я могла тяжело больному напомнить о молитве и утешить Господом, — так ведь должен поступать врач-христианин? А теперь я делать это не могу. На Бога смотрят как на страшилище, борются со Христом, а нас, верующих людей, повсеместно обзывают мракобесами. Или умирает человек: как не сказать ему о Милующем Христе? Я врач и христианка! Нет, нельзя теперь, в наше время, быть врачом и христианином.

— А вот Вы все-таки, несмотря ни на что, остаетесь и христианкой, и врачом, — сказал Лева.

— Да, стараюсь, стараюсь, — ответила Ольга Владимировна. — За это-то и попала сюда, в тюрьму.

По утрам, когда Лева дежурил в лазарете, он наблюдал удивительную картину. Ольга Владимировна в мягких туфлях, с белой сумочкой в руках, тихо, как ангел, обходила палаты. Она не предлагала Лева следовать за ней, а ходила одна, и он наблюдал издали, как она, наклонялась над теми вольными, кто не спал, и спрашивала шепотом: "Почему не спите? Что болит?" При этом она вынимала из сумочки порошок болеутоляющего или снотворного, приносила воды и давала больному.

Ольга Владимировна — снова спрашивал Лева старушку на следующий день, после того, как был окончен обед и в лазарете на ступила тишина ("мертвый час" для больных), — меня очень интересует, скажите: и давно Вы по утрам так рано встаете, обходите больных, даете страдающим порошочки?

— Давно, давно, — ответила Ольга Владимировна, — это с германской войны. Я тогда дежурила в лазарете, а в него с фронта непрерывно поступал поток раненых. И вот, я заметила, что по утрам те, кто не могут уснуть, особенно тяжело страдают. И я начала обходить раненых, давать им успокаивающее, обезболивающее. И теперь вот — лягу спать, а ночью проснусь и все думаю о наших больных: может быть, кто страдает? Знаю, что вы у меня хороший фельдшер, можете, конечно, оказать помощь. Но уж я не могу лежать, встаю сама, тихонько делаю обход, и если кто не спит, мучаясь от боли или от тоски (а тоскуют здесь обычно по дому), я дам кому валерьяночки выпить, а кому и обезболивающее. Облегчила страдания человеку — на сердце легче, ложусь, сама спокойно засыпаю.

Смотрел Лева на старого доктора, православную христианку, и думал, как далек от нее он, познавший истину Христова учения в смысле нравственного совершенства. Он тоже всей душой стремится любить, жалеть, но как часто он бывает угловат, даже резок в обращении! А она, чтущая обычаи своей Церкви, в учении которой она воспитана, — она всей душой слилась с Богом любви и, пребывая в этой любви и милосердии, пребывает в Боге...

И тут впервые в голове Левы четко сформулировались мысли, которые как бы жили подспудно в его подсознании. "Кто знает, — думал он про себя, — может быть, не одни только баптисты, евангельские христиане, являются Христовой Церковью, а остальные — только мертвыми трупами, напрасно носящими звание христианина? Кто знает, может быть, и тут, и там в любой, даже самой языческой вере, могут быть и есть угодные Богу сердца, и они придут и будут с Господом. Ведь сказано же в Писании, что во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде угоден ему. И, наоборот. — разве нет лжехристов, обманщиков, лицемеров и, более того, вредителей и предателей среди тех, кто наружно, лицемерно считает себя верующим во Христа как к личного Спасителя, а сам предаст дело Божие?"

И у Левы защемило сердце. Он вспомнил любимого брата Ивана Ивановича Бондаренко (Филадельфийского) — красноречивого проповедника, любимца верующей молодежи, работника братства во всесоюзном масштабе. Впав в роскошь, он пал и духовно, стал Иудой-предателем. Ходили слухи, что он и другой выдающийся брат Колесников,

возглавив братство баптистов в Москве, стали вести распутную, ресторанный жизнь. Они, понимающие догмы первохристианства, отвергнувшие все наносное, все правильно трактующие и поучающие других, не сумели понять глубину Евангельских слов: "...Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее" (Марк. 8:35).

Не имеющие никакой жертвенной любви к ближним, не желающие страдать за Христа, они пали, ликвидировав тем самым и союз баптистов. А вот эта старушка-врач, не имеющая никакого видимого назначения в деле Божьем, много не понимающая, — она всем сердцем познала заповедь Христа, заповедь любви, и живет по ней, и страдает за нее, и все отдает ближним... Не ближе ли она к Господу, нежели многие ученые учителя христианства, много рассуждающие, но ничем не жертвующие?

— Ольга Владимировна, — сказал Лева, — а вы знаете, люди вас совсем не понимают, особенно наше начальство. Простой раз я зашел в амбулаторию, там начальник санчасти смеялся с врачами: "Вот безумная старуха, по ночам обходы делает, больным спать не дает!"

— Меня, голубчик, то не касается, что люди думают и говорят. Я прислушиваюсь к тому, что Бог говорит, что сердце мне говорит. А они... они такие жестокие! Скольких совсем больных людей посылают на работу, не дают освобождения. А потом, когда человек совсем свалится, тащат его на носилках в лазарет.

— Ольга Владимировна, а это правда: говорят, что Вы все свои премиальные расходуете на больных, а для себя из ларька даже конфет не покупаете?

— Ну, об этом, голубчик, не будем говорить.

— Ольга Владимировна, я вот все думаю, как бы вам облегчить страдания больных... Ведь сколько ревматиков, сколько страдает после цинги. Устроить бы лечебные ванны, как я делал это на Беломорском канале. Тут вот нет такой возможности.

— Да, тут нет никакой возможности, — подтвердила Ольга Владимировна. — У нас даже грелок не хватает. Но ты изобретательный, умный, — похвалила она Леву, — ищи, раскидывай мыслями. Христос сказал: "Ищите и найдете",

И Лева думал и утром, вставая, молился, чтобы Бог помог ему быть не только простым фельдшером, обслуживающим больных, но и найти что-то такое, чтобы хоть как-то облегчило страдания.

Глава 22. Целебная грязь

В перерыве между работой Лева выходил из лагеря, шел на косогор, который уже обсох от снега, и любовался маленькими карликовыми березами Заполярья, Они пускали листочки, пахнущие жизнью и весной.

— Там на Волге, на родной Волге, — думал Лева, — уже давно все в цвету. Здесь же так холодно...

А солнце в Заполярье светило целыми днями и ночами — это наступил нескончаемый летний полярный день. Оно нисколько не скрывалось за горизонтом, в полночь весь лагерь казался вымершим — ни человека, полная тишина. А солнце продолжает ярко светить.

И горе тому, кто забывал нормальные часы и не спал в этот непривычный солнечный день! Или спал в другие часы. Это отрицательно сказывалось на здоровье: болела голова, тело становилось вялым и чужим.

Надзиратели строго следили за тем, чтобы заключенные соблюдали установленный в лагере режим. В часы отбоя все должны были ложиться спать и не заниматься другими делами. Лева же по роду работы нередко приходилось бодрствовать ночью в этот необычный полярный день.

На этот раз, забравшись на косогор и любясь окружающей местностью и небом, он открыл свое маленькое Евангелие и стал читать первую главу Послания к Римлянам. Его внимание привлек семнадцатый стих: "В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: "праведный верою жив будет".

Как это — "от веры в веру?" Смысл этих слов юноше был совсем не понятен, и Лева не стал размышлять над ними, а вот слова "праведный верою жив будет" выбрал для себя как главные в наступающем новом дне и записал их себе в книжку.

Прочел он также и следующий текст: "Ибо открывается гнев Божий на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою", и вдруг ему стало так ясно, что все страдания, большие и малые, которые переживает народ, являются открывшимся гневом Божиим на нечестие и неправду людей. Невольно он вспомнил о том, что до революции было много светлых личностей и все они старались жить по правде, просвещая народ светом Евангелия. Но их подавляли неправдою. И сгрустью подумал Лева, что огромная по своей численности православная церковь, имевшая столько храмов, была прочно спаяна с самодержавием и вместо того, чтобы нести массам народа любовь Христову и духовно благообразить русский народ, поступала иначе. И вот — гнев Божий! Разрушены храмы, а народ, ушедший от Бога, его пастыри не смогли привести ко Христу, и он страдает, мучается в тисках безверия, греха, моральной нечистоты. Сред к этого смятения и горя утешит только одно: "Праведный верою жив будет". Ибо Бог сохранит сердца тех, кто не преклонил колени свои перед Ваалом.

Поразмыслив таким образом. Лева спустился к речке, и ноги его стали утопать в илистой, торфянистой грязи. Он нагнулся над нею, взял ее в руки, и вдруг мелькнула мысль; "А ведь это то самое, что должно помочь нашим больным! Это как раз то, что может облегчить страдания многим!"

Юноша побежал с лагерь и, взяв в лазарете ведро, вернулся назад уже с ведром грязи. Встретившийся фельдшер из амбулатории, увидев Леву, сгибающегося под тяжестью, ведра, спросил:

— Что несешь?

— Несу грязь. — ответил Лева.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся фельдшер. — Ты, вероятно, со своей сумасбродной врачихой тоже начинаешь с ума

сходить?

— Не думаю, — улыбнулся Лева. — Вот посмотришь, что будет. Лева произвел первые опыты. Эту грязь он ставил на железную печь, нагревал, делал из нее лепешки, обкладывал ими ноги и поясницу больных, и — о радость! — мучительные боли проходили. А значит, восстанавливалась их трудоспособность. Вскоре не только Ольга Владимировна, но и все врачи лагеря взяли на вооружение эти целебные грязи. (Впоследствии химические анализы показали, что они содержат все необходимые вещества, которые и делают их целебными. Уже после Левиного освобождения из лагеря на этом месте была построена большая грязелечебница.)

Грязями лечились не только больные лазарета, но и вольнонаемные.хлопот у Левы с этими грязями удвоилось, у него не оставалось свободной минуты. Юноша совсем перестал бывать на воздухе. Это, однако, нисколько не печалило его: он был чрезвычайно рад, что нашел средство, облегчающее людям страдания. Скоро на лагерных пунктах и при амбулатории уже без участия Левы стали налаживать примитивное грязелечение.

Однажды утром в лазарет вошел начальник санчасти:

— Поздравляю, Смирнский, поздравляю!

— С чем? — удивился Лева.

— А вот на, читай...

И он протянул ему номер лагерной газеты "Перековка".

Эта газета издавалась специально для лагерников Медвежьей горы. В ней писали о том, как идет строительство, рассказывали об успехах передовых бригад, помещались статьи с рационализаторскими предложениями, как повысить производственные показатели, приводились факты получения в лагере бывшими уголовниками специальности; когда урки расставались с воровством, становились четными и уезжали домой счастливыми, новыми людьми. Цель издания газеты была перевоспитание, "перековка" преступного люда и поднятие качества производства.

В этом же номере "Перековки" была напечатана большая статья о Леве: как он, будучи на Беломорско-Балтийском канале, занимался лечением больных, устроил лечебные ванны и получал хорошие результаты. В конце статьи был приказ Управления лагерей Беломорского канала о премировании заключенного Левы Смирнского ста рублями.

Лева поблагодарил начальника за это приятное сообщение и попросил оставить ему номер газеты. Начальник оставил и пожелал Леве еще больших успехов.

— Ваш метод грязелечения мы тоже опишем, и он будет опубликован в "Перековке", — пообещал он.

Глава 23. Кому служить?

Вечером, лежа на койке, Лева долго не мог заснуть. И причиной испытываемого им беспокойства была ощущавшаяся им раздвоенность желаний.

С одной стороны, ему так хотелось посвятить свои силы науке: учиться дальше; стать не только врачом, но заняться исследовательской работой — ставить опыты, делать открытия; посвятить всю свою жизнь делу служения страдающим людям.

С другой — юноша был непоколебимо уверен, что призвание стать медиком продиктовано ему Высшей Силой и что Бог, любящий Отец, следит за его жизнью и руководит им. И то, что он жив, и трудится, и лечит людей — все это в глазах Левы было промыслом Всевышнего. И он не допускал мысль отойти от Евангелия, охладеть духовно, с тем чтобы веровать, как советовали ему многие, только в душе"

Еще на строительстве Беломорско-Балтийского канала он со всем юношеским рвением стал собирать материалы о поносах, кое-что сделал и этом направлении и мечтал доложить о своих выводах в САНУ. Но, увы, сняв с медработы, его сразу направили на Полярный круг "на общих основаниях". И начатое им исследование осталось незаконченным.

Лева сознавал, что те, которые не любят Христа и не хотят, чтобы Он стал жизнью страны, жизнью народа, будут всегда не любить и его, Леву, и постоянно ставить преграды на его пути в науку. Но он все же на что-то надеялся.

Эти грустные размышления, надо признать, едва ли помогли Леве убедиться в том, что грядущее для него (в смысле проникновения в наук) и овладения ее вершинами; в полной мере бесперспективно. Впоследствии, став студентом, Лева пытался заняться научной работой, но каждый раз что-нибудь этому мешало: ни одного начинания не удавалось довести до конца. Будучи врачом, он тоже не раз делал попытки заняться научной работой, но, увы!.. Двери в науку для него были закрыты, пока он продолжает верить в Бога и служить Ему. "Ты способный, — слышал он от многих. — Отрекись, оставь свою веру или, на худой конец, веруй скрытно, "про себя", и мы завтра же создадим тебе все условия для научной работы".

Однако пойти на такого рода измену Лева не мог. И, естественно, продолжал оставаться "в загоне", работая далеко не в полную меру своих способностей.

В тот вечер Лева долго молился, и образ Иисуса, Который все отдал людям: лечил, прощал обремененных преступлениями — предстал перед ним, как живой. Христос любви, милосердия... А чем Его отблагодарили? Терновым венком, распятием... И Лева понял, что, идя по стопам Христа, следуя Его учению, сколько бы он ни делал добра народу, сколько бы ни жертвовал собою, его наградою здесь, на земле, будет только терновый венок. Но не лучший ли это путь? Ему пришли на память слова из стихотворения одного из русских поэтов:

Есть времена, есть целые столетья,

Когда нет ничего и лучше и желанней тернового венка.

Глава 24. Братские общения

При всей своей большой занятости Леве не так часто приходилось быть среди братьев, работающих в бригадах на разных работах. Однако воскресными вечерами он всегда старался уйти к ним, предупреждая при этом Ольгу Владимировну на тот случай, если понадобится, в каком бараке он будет.

Как будто невидимый магнит сближал между собой верующих в Евангелие! Как только выдавался свободный час, брат стремился повидать брата, а где двое или трое собирались во имя Его, там и четвертый тут же. И другие не проходили мимо, и росла толпа. Более осторожные, боязливые предлагали:

— Братья, как бы чего не вышло! Давайте разойдемся, лучше группами: одни здесь, другие там...

Но эти уговоры были бессильны. Казалось, что некая невидимая сила притяжения рвала всякое, благоразумие, продиктованное здравым смыслом, и братья опять собирались вместе.

Кстати, заключенные этого барака уважали верующих в Евангелие, да и сами веровали — каждый по-своему. Особенно сторонники ислама — магометане: узбеки, киргизы и кавказцы — любили, когда русские молятся. Они и сами в определенные часы открыто молились, не страшась никакого начальства.

Сидя на нарах, поставив перед собой котелки с пищей, верующие братья угощали друг друга, чем Бог послал. Если кто получал посылку, то не столько ел сам, сколько старался угостить братьев.

Однажды вечером Лева пришел к братьям пораньше, и пока не вернулись братья-пресвитеры, верующие разговаривали между собой.

— Скажи, Лева, — обратился к юноше убеленный сединами старик. — Я искренне радуюсь за тебя, что ты пошел по медицине. Как это ты стал фельдшером?

Лева рассказал.

— Так, выходит, ты никаких курсов не кончал?

— Да; не кончал, — ответил Лева. — Но я преподавал на курсах подготовки лекпомов на Беломорканале. Главный хирург был очень занят, и мне пришлось преподавать хирургию. И даже принимал экзамены.

— Верно, ты очень способный, брат! — заметил кто-то.

— Нет, я не считаю себя способным, — отвечал Лева. — Вся суть в том, что я послушался Божьего повеления — стать милосердным самарянином, и Господь благословляет меня. Сказать, что у меня хорошая память — я тоже никак не могу. Вот вы помните, — обратился Лева к старичку с бородкой, — в какой главе, в каком стихе что написано, и прямо указываете нашим братьям, что вот здесь написано то-то. И многие другие братья так же хорошо знают Слово Божие. Многие — прямо как живая "Симфония". А я так никак не могу запомнить, где что сказано, хотя и старался, прилагал в этом направлении усилия. Нет у меня цифровой памяти. Но даже при наших недостатках, если мы всецело отдаемся Господу, Он обильно благословляет нас и в духовной жизни, и в работе, и в образовании.

В разговор включился брат в рабочих штатах и рубахе, сильно испачканной глиной. Взглянув на старенький чайник, из которого братья всегда пили чай, он произнес:

— А меня вчера чуть новым эмалированным чайником не премировали. — И начал рассказывать:

— Вчера, в сильный дождь, мы работали в глинистом котловане. Нам дали задание. Положили мы доски, прикатали тачки, начали работать. А дождь сильнее и сильнее. Ну, бригадники чувствуют, что мокнут — все разбежались. Бригадир пошел жаловаться начальству. А я не обращаю внимания ни на что — вожу глину и думаю: нам, христианам, нужно быть примером, образцом. И вот возвращается бригадир с начальством, видят — один я работаю. Записали мою фамилию, вызвали вечером в контору и говорят: "Так и так, ты добросовестный рабочий, давай рассказывай, как ты работаешь. Мы напишем статью в стенгазету. и тебя премируют чайником". И чайник тут же достали и поставили на стол. Ну, раз просят рассказать, как я работаю, не отказался, стал рассказывать и говорю: "Я и. на воле добросовестно работал и здесь так же работаю — от всей души, потому что в Священном Писании сказано: "Все делайте как для Бога, а не как для людей".

— Да ты что, верующий что ли какой? — спросил начальник. Я отвечаю: "Да, верую в Иисуса Христа, Сына Божия, Который пришел в мир спасти грешников. Он спас меня и хочет спасти и вас. Вот когда мы по — Божьей будем жить, то это будет самое лучшее. И работа будет хорошая, и жизнь хорошая, и тюрем не будет. Тогда помощник начальника по воспитательной части я говорю:

— Такой твой рассказ в стенгазету не подойдет... И начальник его поддержал:

— Не занимайся агитацией своей веры. А будешь говорить про Бога — новый срок дадим.

— Так меня и отправили ни с чем и чайником не премировали, — закончил свой рассказ брат-землекоп.

Братья слушали и улыбались. Всем было понятно: как ни работай, как ни старайся, но если ты открытый христианин, тебя ждет не похвала, а, может быть, новые страдания...

В барак вошли двое: старенький брат-пресвитер и молодой. Помолвились тихо, полусидя на нарах, тихо спели гимн:

Прими хвалу, благодаренье,
Сын Божий, за Твою любовь.
За грех наш Ты понес мученье,
За нас пролил святую кровь!

Понес удары, поношенья;
Чтоб дать на жизнь, взял на себя

Все наше зло и прегрешенья,
И умер в муках, нас любя.

Молодой брат-пресвитер говорил слово на стих: "Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими" (Евр. 12:3). Он делился своими переживаниями как на воле, так и теперь, ибо чувствовал себя всегда бодрым, когда смотрел на Претерпевшего, что только Христос Распятый, поруганный и победивший все зло великой молитвой: "Отче, прости им, ибо не знают, что творят", является примером для верующих и что единственный путь устоять духовно — это взирать на Претерпевшего, идти по Его стопам, не ждать от жизни ласки, а быть готовым к новым и новым страданиям ради Иисуса.

Брат подчеркнул, что сколько бы ни шли за Иисусом, наш личный опыт нас не спасет: только взирая всегда на Него, мы будем верны. Привел пример Петра, который пошел по воде, но, увидя сильный ветер, стал тонуть...

После его слова спели известный гимн:

Глаз не своди с Иисуса.
Когда долиной тени ты пойдешь,
Глаз не своди с Иисуса.
Ночью и днем будет Он вождем.
Глаз не своди с Иисуса.

Брат-старец открыл девятую главу Евангелия от Луки и прочел оттуда следующие стихи:

"Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; Ибо, кто хочет душу свою сберечь; то потеряет ее а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе.? Ибо, кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов".

Брат рассказал, что на днях получил письма с Украины, где был пресвитером, и что, читая их, убедился; прочтенные им слова Христа сбываются. Есть некоторые верующие, которые идут за Христом, но не отдают себя они хотят и со Христом быть, и жить спокойно — сытой и беззаботной жизнью. Хотят следовать за Иисусом, но без креста; хотят сберечь душу — жизнь свою и в то же время приобрести все привилегии и удобства мира. Но это невозможно. Брат привел примеры, когда многие искренние, любящие Господа проповедники и певцы не пожелали пойти на лишения ради Христа. Они юлят, приспособляются, скрывают, что верующие, переезжают с места на место, и тем самым теряют духовную жизнь, и падают.

Когда брат говорил, Лева невольно вспоминал родную Самару. Были дни, когда можно было идти за Христом, не отвергая себя. Верующих не притесняли, и хотя, конечно, почетом они не пользовались, но их по меньшей мере не гнали. Когда же стало ясно, что идеологическая работа на ниве советской власти успехом не увенчалась, начались преследования и репрессии верующих. Тогда-то для них я настало время" отвергнуть себя, взять крест и идти за Христом. Но, увы! Многие из молодежи не смогли решиться на это. Оставаясь верующими, они стали всячески приспособляться к обстоятельствам и ко времени, молчать о Христе. Перестали трудиться для Христа, замкнулись в своих семьях я, как рассказывала ему мать, многие духовно охладели, а некоторые и вовсе замерзли и превратились в соляные столбы.

Проповедник говорил далее, что жизнь по образу мира несовместима с верностью заветам Христа, дружба с миром есть вражда против Бога; мы не можем участвовать в бесплодных делах тьмы.

— Это не значит, — пояснял он, — что мы не участвуем в трудовой жизни, не хотим строить жизнь лучшую, улучшать благосостояние народа. Мы сами — часть народа, русского я украинского, мы хотим, чтобы все были сыты и имели бы жизнь тихую и безмятежную, чтобы не было бы того страшного голода, который свирепствует по стране. Но мы не можем быть соучастниками в грехах и не должны со своей стороны допускать никакого обмана, хищения. злоречия. Мы благословляем гонителей наших и молимся за обижающих, своею же жизнью и словом проповедуем Христа. Замолчать о Христе, постыдиться Его слов — это значит заживо умереть. И если теперь из чувства самосохранения мы не будем проповедовать Христа ни в лагере, ни на воле, то застынем. Помогите нам, Бог, выполнить все эти слова, и тогда мы будем верны до конца Возлюбившему нас. Когда брат кончил, каждый по очереди тихо помолился. А потом, проникновенно вникая в каждое слово гимна, спели:

О, образ совершенный
Любви и чистоты!
Спаситель, Царь Смиренный,
Пример мой вечный — Ты,

На лик в венце терновом
Хочу душой взирать,
Хочу делами, словом
Тебе лишь подражать.

На этом братское собрание верующих, заключенных за свою веру в заполярный лагерь, закончилось, и братья разошлись по своим баракам.

Глава 25. Брат-курайка

Иногда, хотя и очень редко, Леве по делам больных приходилось выезжать на станцию Кола. Там он встретил одного брата, который, увидев Смирнского, обрадовался, обнял его, и они расцеловались.

— Но что такое? — насторожился Лева. — От брата вроде пахнет табаком.

Он старался объяснить это тем, что брат, работая среди грузчиков и начальства по снабжению, сидит в помещениях, прокуренных табачным дымом. Вероятно, поэтому от него и пахнет так отвратительно. Лева на личном опыте многократно убеждался, что когда сидишь в донельзя прокуренной тюремной камере, то кажется, что не только одежда, но и все тело, и даже самое дыхание пропитывается табачным смрадом.

Брат рассказал, как он попал в заключение, сколько при этом претерпел, какие тяжелые работы перенес в лагере и чуть не погиб. Но вот теперь Бог помог: он устроился как расконвоированный на станции по снабжению, питается сытно и ни в чем не имеет нужды. Они помолились. Лева сел в машину, чтобы вернуться в лазарет, помахал брату на прощание. Когда чуть отъехали, Лева оглянулся и, что называется, обомлел. Брат, стоявший у склада, вытащив махорку, стал закуривать.

Ужас наполнил душу Левы: "Что же это такое? Как же это так?" Правда, он слышал, что за границей есть такие братья, которые тоже носят имя баптистов и — курят. Об этом рассказывал приехавший из-за границы руководящий брат Одинцов. Когда он вел свой рассказ о братьях-курайках, то все слушатели глубоко сокрушались об этих людях и согласно выражали мнение о том, что русские братья не могут назвать заграничных курящих братьев братьями.

Табак — яд, разрушающий тело, здоровье. Фактически куренье табака не что иное, как замедленное самоубийство. А со слов Писания мы знаем, что никакой убийца, в том числе и самоубийца, Царствия Божия не наследует.

С тяжелым сердцем вернулся Лева в лагерь. По Слову Божию, Лева должен был сначала побеседовать с этим братом один на один, а потом, если тот не послушает, то сказать другим. Но так как возможность снова попасть на станцию Леве не представлялась, он не выдержал и поделился с братом-пресвитером. Тот сказал, что знает этого брата; по его словам, это был хороший и ревностный брат. Но, обольстившие" удобным местом, заняв положение снабженца, он, видимо, решил приспособливаться к людям и нравам мира, чтобы его не сняли с этой выгодной и сытной работы.

— На скользкий путь встал брат! — сокрушенно вздохнул пресвитер. — И вот — поскользнулся! Нужно молиться о нем. Ты пока другим братьям не говори, а представится случай встретиться с ним — побеседуй.

Случай этот вскоре представился. Отведя брата в сторону, Лева уселся с ним на бревно и прямо спросил:

— Вы, брат, покуриваете?

Тот опустил голову:

— Да, курю...

— И давно с вами случилось это несчастье?

— Вот с полгода, как стал здесь работать...

— Ну, скажите, что же вас заставляет брать в рот эту мерзость? Брат начал оправдываться.

— Знаете, работа по снабжению здесь очень нервная, сплошные неприятности: то одно, то другое. То грузчики бочку нарочно разобьют, то тащат... Ну, чтобы не психовать, я и решил... как лекарство. Говорят, курение успокаивает нервы. Попробовал — в самом деле успокаивает.

— А знаете ли вы, что, помимо того, что табак — яд, вредит легким, здоровью, знаете ли вы, что курить — это значит грешить? Вот вы — верующий в Евангелие, в Христа. Неужели же ничто внутри вас не говорит вам, что вы поступаете нехорошо, что курение не угодно Богу?

— Обличает, и я уже несколько раз пытался бросить курить, но не могу — втянулся.

— Так вы бы молились Богу, просили бы у Него сил, — посоветовал Лева.

— Молился, да ничего не помогает...

— Мне очень жаль вас, дорогой брат. — И Лева привел курайке слова Христа о соблазнах, которые должны прийти в мир, но горе тем, через кого они приходят. Брат слушал, не возражая и не оправдываясь. Судя по всему, он чувствовал себя в этом разговоре весьма неловко.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что брат начал курить не столько потому, что хотел успокоить взбудораженные нервы, но главным образом из-за того, что узнав, что он верующий, его хотели снять с работы. И он, чтобы замаскироваться и сделать вид, что он такой же, как все, взял папирос; и закурил.

Брат обещал постараться бросить курить, просил не говорить об этом другим верующим. Лева сказал на это, что пресвитер уже знает.

Однако своего обещания бросить курить он так и не сдержал, Братья посоветовались между собою и решили с ним не приветствоваться.

Глава 26. Нервы подвели

Удивительной была Ольга Владимировна! Всегда тихая, невозмутимая, спокойная, всегда со всеми ласковая. У Левы же был совсем другой характер — пылкий: он на все реагировал быстро и резко. Работая день и ночь, недосыпая, он чувствовал себя утомленным и ему порой не хватало приветливости и ласковости в отношении к больным. Юноша, осознавая это, часто испытывал угрызения совести.

А в работе было столько затруднений: то не хватало медикаментов — хоть руки опускай; те в больничный паек не

отпускались продукты, которые полагались по норме: масло и мясо заменяли рыбой, но пойдет Лева на склад — там есть и масло, и мясо. Выясняется, что это припасено для лагерного начальства и для заключенных инженерно-технических работников. Лева вначале разговаривает спокойно, требует, чтобы больным выписали мясо, а потом, когда видит, что уговоры не действуют, начинает повышать голос, сердиться. Посердится и уходит с тяжелым сердцем:

— Какой же я христианин? — винит он потом самого себя.

В лазарете скоро создалось тяжелое положение: поток больных не уменьшался, а непрерывно рос, мест же для госпитализации совершенно не хватало. Если на Беломорканале в подобном случае быстро разворачивали дополнительные палатки и то с госпитализацией встречались большие затруднения, то здесь новых палат не открывали, а требовали выписки еще не поправившихся, неокрепших больных.

Бывало, на Беломорском канале, когда не хватало мест и подвозили все новых и новых больных, заведующий лазаретом вызывал завхоза и сестру-хозяйку и спрашивал, есть ли топчаны, белье и постельные принадлежности для вновь поступивших, и когда они отвечали "нет", доктор садился на стул, хлопал себя обеими руками по ляжкам и начинал дико, неудержимо хохотать. Такой заразительный смех истерического характера захватывал и завхоза, и медперсонал. Все начинали хохотать — громко, неудержимо.

— Так значит, нет ничего, а есть только больные? — восклицал доктор Чапчакчи и опять номинал сотрясаться от неудержимых припадков смеха.

Так или иначе, но в этом смехе они находили для себя своеобразный выход — психологическую разрядку своих чувств. Не будь смеха, быть может, вспыхнуло бы негодование, возмущение.

Но когда в подобном положении очутились Лева и Ольга Владимировна, то им было не до смеха. Старушка тихо и незаметно вздыхала, а Лева... Лева нервничал.

Он принимал каждого поступившего больного, раздевал и внимательно осматривал, и, если не было данных для госпитализации, отправлял назад. Бывало и так, что лекпомы с лагпунктов по знакомству или по другим личным соображениям направляли в лазарет больных, которые совсем не требовали стационарного лечения и могли лечиться амбулаторно.

Однажды помощник начальника санчасти направил в стационар больного со своим личным направлением и подписью. Лева осмотрел больного: данных о госпитализации не было. Лева, может быть, и положил бы этого больного из уважения к направившему, но мест в лазарете совершенно не было, и некоторые больные лежали по трое на сдвинутых топчанах. Лева сказал приведшему больного санитару, что мест нет и поэтому он не может положить больного. Санитар сходил в амбулаторию и вернулся с запиской, предписывающей Лева немедленно госпитализировать больного. Тут-то Лева и не выдержал — повысил голос:

— Вам же сказано, что некуда класть. Вы передали об этом начальнику?!

— Передал, а он сказал — положить. Тут Лева окончательно взорвался:

— Так передайте ему, что я не могу положить и рву его направление.

И юноша сгоряча изорвал бумажку начальника. Санитар тут же об этом доложил.

Потом Лева очень пожалел о своем поступке, понимая, что доброго из этого ничего не выйдет. И действительно, хотя его даже не вызвали в санчасть, но, как передавали фельдшеры, начальник написал на него рапорт, и он должен был быть наказан.

На другой день Лева был в санчасти, извинился за свой поступок, рассказал, что абсолютно не было никакой возможности положить рекомендованного на стационарное лечение больного.

— Все это так, — сказали ему, — но ваш поступок — порвать направление на госпитализацию — граничит с хулиганством, и вы за это должны понести наказание. Вы будете заключены в карцер.

Лева вернулся к работе. Сколько суток карцера ему дадут, его несколько не интересовало, он сильно страдал от того, что все именно так получилось. Исполнилось уже три с половиной года, как он в заключении, и за это время ни разу он в карцере не видел и никаких особых выговоров не имел — все шло благополучно. И вот такая неприятность! Ведь Слово Божие ясно говорит: "Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь".

Лева был бы рад, если бы этот карцер был назначен ему за Слово Божие, за то, что он верующий, а не за то, что нервы подвели — не выдержал. Юноша стал анализировать, почему все так произошло.

С одной стороны, можно было бы сказать, что он переутомлен, что обстановка работы была напряженной и в результате, как выражался великий русский физиолог И.П. Павлов, произошла "ошибка" нервной системы — и он поступил грубо. Но Лева видел, что корень зла не в этом. В Писании говорится: "Непрестанно молитесь", и Христос учил своих учеников в Гефсимании: "Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть во искушение", "Дух бодр, плоть же немощна". Вот Петр не бодрствовал, не молился в те тяжелые минуты, и у него случилась "ошибка" нервной системы: он пустил даже меч в защиту Христа и отсек рабу ухо, за что Христос его не похвалил. Точно то же случилось и со мной, — думал Лева.. — Если бы я, когда читал направление помощника начальника, бодрствовал, внутренне молился, я бы никогда не разорвал эту бумажку, и все было бы благополучно.

— Да, как важно во всех трудных моментах жизни внутренне молиться! — думал Лева. — Это для меня большой урок. Но, Отче, если возможно, да минует меня эта чаша — карцер. Ведь это так неприятно... Не сам карцер, как таковой, а за что он.

И Лева просил прощения у Бога, просил Его защиты. Но, казалось, ничто и никак не могло избавить его, и тяжелое наказание для него неминуемо.

Друзья-фельдшеры из амбулатории сообщили Лева, что карцер ему подписан, только не знают, на сколько суток.

Ольга Владимировна тяжело переживала за трудолюбивого совестливого юношу. Она ходила к начальнику санчасти, просила, чтобы Леву не наказывали. Начальник сам сожалел, что погорячился и передал рапорт начальнику лагеря. Но сделать уже ничего было нельзя: бюрократическая лагерная машина была запущена.

Лева работал в тягостном ожидании, просил и братьев молиться о нем. И вот за ним пришли, чтобы вызвать в УРЧ. "Ну, вероятно, сейчас и получу карцер", — подумал он. В таком минорном настроении Лева и пошел в контору...

Глава 27. Освобождение

"Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним Я в скорби; избавлю его..."

Пс. 90:15

— Что-то вы выглядите не совсем веселым! — обратился к Леве начальник УРЧ. Когда люди освобождаются, они даже подпрыгивают от радости.

Лева молчал.

— На вас пришли бумаги, вы освобождаетесь. У вас срок был пять лет, год вам скинули по строительству Беломорского канала, полгода — зачет рабочих дней, и три с половиною года вы отсидели. Идите, оформляйте бумаги, сдавайте, что на вас числится — все будет в порядке.

Это было совсем неожиданно, слишком неожиданно. Казалось бы, всякий должен ликовать от радости. Ушли все тучи — теперь можно ехать домой; увидеть, наконец, близких, родных: мать, брата, сестер, дорогую молодежь, оставленную общину; трудиться, учиться. Но Лева был просто озадачен. Он даже забыл о том, что ему только что предстоял карцер. Его мучил другой вопрос.

Все эти годы, находясь в заключении, он думал о том, что когда его будут освобождать, он откажется от освобождения и будет дальше сидеть в заключении до тех пор, пока... пока Христу не будет предоставлена свобода в стране.

— Как же быть теперь?

Поскольку начальство торопило, Лева решил сначала оформить все необходимые бумаги, как освобождаемый, а потом пойти в секретную часть управления и сказать, что он отказывается от освобождения.

Получив бумаги, он зашел к начальнику финчасти, где выдавались деньги на дорогу и премиальные, и показал ему тот номер газеты "Перековка", в котором был напечатан приказ о премировании его ста рублями. Начальник тут же дал распоряжение о выплате Левы этой денежной суммы, но газету оставил у себя, чтобы найти этот приказ и оформить произведенную выплату.

Братья но вере были несказанно рады за Леву и вместе с ним, забыв всякие предосторожности, в молитве громко благодарили Бога за Его милость: Он слышит скорбящих, отвечает на молитвы, избавляет от скорби...

Когда же Лева сказал некоторым особенно близким ему братьям, что хочет отказаться от освобождения, они в один голос принялись отговаривать его от этого необдуманного шага. Нужно — говорили они — предоставить путь Господу, и Он совершит и сделает все, лучше, чем мы помышляем и думаем. Однако Лева решил от своего намерения не отступать, чтобы Господь сделал так, как Он хочет, и с этой целью направился в секретную часть.

В это время случился большой пожар, и все начальство выехало. Лева ждал долго, но начальство уже кончило свой рабочий день и не возвращалось. Размышляя о случившемся, Лева понял, что на пути к планируемой им беседе зажегся красный, запретительный свет семафора. И наоборот, — зеленый, разрешающий свет горит на пути освобождения. "Видно, такова воля Господа", — решил юноша и пошел прощаться с работниками санчасти.

Его расставание с Ольгой Владимировной было особенно трогательным. Она благодарила Леву за помощь, он же — за то, что она, как врач и как христианка, останется примером ему на всю жизнь.

— Встретимся теперь, наверное, уже не на земле, — говорил Лева.

— Да, да, — подтверждала Ольга Владимировна. — Я уже старенькая, и жизнь клонится к концу.

Удивительны пути Господа: спустя некоторое время, в 1936 году, Лева снова был "в испытании" в Сибири, и там он неожиданно встретил дорогую Ольгу Владимировну, которая еще продолжала отбывать свой срок.

На станцию шла грузовая машина. Лева сел в нее и поехал. Одет он был, как одевались в то время все заключенные: черная куртка, черные брюки — почт?! новые, ботинки. С собой у юноши был маленький чемоданчик-ящик и знаменитая, повсюду странствовавшая с ним подстилка, сделанная тетей Пашей.

На станции он встретился с духовно больным братом, который покуривал. Тот был чрезвычайно рад за Леву, желал ему больших успехов на воле — как в труде Господнем, так и в деле приобретения знаний; говорил, что и ему сроку остается немного. Бог даст, скоро и он будет на воле.

Лева не стал допытываться у него, удалось ли ему оставить свою греховную привычку (как-то неудобно было говорить об этом), и пожелал ему полной чистоты и верности Господу.

Поезд шел по направлению к тем места, где шло когда-то строительство Беломорского канала. Начались знакомые названия станций. Скоро должен был быть и Сосковец. На одной из остановок в вагон вошли и сели напротив двое.

— Здравствуйте! — вскочив, воскликнул Лева.

Это были врач — начальник санчасти Сосновецких лагерей и хирург Жилин из подразделения лагеря в Надвоицах, которого Лева хорошо знал. Он иногда приезжал в Сосковец помогать комиссовывать заключенных, а однажды, когда хирург Троицкий заболел, проводил за него операцию а Лева ему ассистировал.

— Смирнский! — воскликнули оба. — Какими судьбами?

— Я теперь свободный гражданин, — улыбался Лева, — еду домой.

— Вот это хорошо! — воскликнул начальник сасчасти. — Когда вас отправляли за Полярный круг, я так и думал, что вы оттуда освободитесь и все будет благополучно.

И он понимающим взглядом кивнул Лева.

— Так, позвольте! — вдруг сказал хирург. — Как же это вас могли отпустить домой, когда у нас такая большая нужда в медперсонале? Вас должны были оставить вольнонаемным. Давайте сейчас с нами, мы вас оформим, предоставим квартиру, и потом будете учиться...

— Нет, нет, — возразил Лева. — Я так давно не видел родных, не был в родном городе... И я хочу учиться сейчас.

— Да вы не беспокойтесь! — продолжал уговаривать Леву хирург. — Мы вас оформим у меня в отделении, будете работать со мной, съездите к родным, побудете у них, а потом вернетесь к нам. Потом направим вас учиться, будет все отлично. И зарплата у нас хорошая, и обмундирование...

— Как вы думаете, доктор? — обратился он к начальнику санчасти. — Ссадим его сейчас?

— Нет, — сказал начальник санчасти. — Пусть уж едет домой; соскучился он. И там он тоже будет хорошим работником здравоохранения.

Начальник знал, что Лева находится "на прицеле", что определенные органы не оформят его в качестве вольнонаемного и то, что он выбрался из лагерей, — просто счастье.

Тепло распрощавшись с Левой, оба врача вышли на станции Сосновец. Юноше было приятно сознавать, что многие относятся к нему хорошо. Да и сам он старался всем делать только добро. Но почему какие-то силы его, ни с кем не враждующего, считают за врага и не хотят жить с ним мирно? Только в свете Евангелия он понимал все это и не обижался на жестоких людей, а был готов молиться за них и благословлять их.

А поезд все бежал и бежал. Стояли летние дни, было тепло, хорошо. Лева с интересом выглядывал из окна, выходил на перрон. Как это странно: вольные люди, и нет никакого конвоя! И за собой он не чувствовал глаз надзирателей.

Свобода! О, как дорого это слово! Свобода! О, если бы и для дела Божия была свобода! Сколько радостного, сколько прекрасного узнали бы люди! Меньше было бы слез, горя, разврата, разбитых семей, покалеченных сердец. Народ, как никогда, нуждался в Евангелии. О свободе Христа там написано: "... Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете..." Или еще сказано: "Итак, стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства".

Да, свобода Христа сделала Леву свободными в условиях этого заключения. А без свободы Христа люди и на воле находятся под игмом рабства смерти. Только Христос дает настоящую, истинную свободу, и она дороже всяких других свобод, — думал он, подъезжая к Сызрани.

Вот и родная Волга. Переехали через мост, и сердце Левы радостно забилося...

Глава 28. Самара. Волга

Был совсем темный, поздний вечер, когда Лева вышел на перрон станции Самара. Привокзальная площадь. Люди разодеты по-летнему. После скитаний с 1929 года, когда он покинул родной город, ему думалось, что он попал в совершенно другой мир. Все казалось необыкновенным. Да и действительно, это был совершенно другой мир по сравнению с городками палаток, где жили заключенные, их режимом и питанием — это была воля. А какой был бы мир, какая была бы воля, если бы Христос жил в сердцах людей и люди были бы свободны от греха!.. Каждый видел бы в ближнем своего брата, сестру, все любили бы друг друга, не было бы зла на земле!

Лева сел в вагон трамвая и поехал туда, где родился и рос, где был когда-то 3-й Молоканский сад, а теперь проходила Искровская улица.

Вошел во двор. Тихо, никого нет. Как разрослись деревья за эти годы! Ведь он не был дома около четырех лет. Все так же в глубине сада стоял старый отцовский дом. В окнах огней не было, видимо, все уже спали. Зашел на крыльцо, остановился, положил багаж, помолился, постучал... Ответа нет. Постучал еще. Послышался скрип внутренней двери, и кто-то, не открывая ему, спросил:

— Кто там?

— Странник, — ответил Лева,

— Какой еще там странник? — Лева узнал голос своей сестры Лели.

— Странник и скиталец, — повторил в ответ юноша.

Дверь не открылась, а внутренняя дверь захлопнулась. Наступила тишина. Лева постоял и стал стучать снова. Дверь опять заскрипела, и послышался недовольный голос:

— Кто там?

— Это брат ваш, — отвечал Лева.

— Какой еще это брат? Дай-ка посмотрю!

Сестра открыла дверь и взглянула на Леву. Она узнала его, бросилась к нему на шею со словами: "Лева, Лева!" Вместе они вошли в комнату.

Встали все, кто спал. Анна Ананьевна, радостно улыбаясь, нежно целовала Леву. Когда-то она, их близкая родственница, нянчила Леву — маленького ребенка. А теперь он стал уже большим — странником и пришельцем.

— А мамы дома нет, — сказала Леля. — Она поехала к папе в район близ Мелекеса. Папе не разрешили после ссылки жить в Самаре, он живет в колхозе.

Они преклонили колени и горячо благодарили Бога за их неожиданную встречу. Особенно Лева славил всей душой Спасителя, сохранившего его духовно и телесно и приведшего его вновь к тихой пристани. Потом он стал расспрашивать о близких, о молодежи, об общине.

— Я ничего не привез вам, никаких подарков, — обратился к родным Лева. — Евангелие я оставил там, в заключении, верующим братьям. Самое дорогое, что у меня есть, это письма, которые я получал от мамы и других. Я храню их как драгоценность и привез их с собою. (Эти драгоценные письма, к сожалению, не уцелели. Начались новые испытания, их спрятали, но неудачно: все они сгнили и пропали.)

Обсуждали вопрос, как Леве встретиться с мамой. Сердце у нее больное, и если она сразу его увидит, как бы не случилось чего плохого. Решили, что Леля поедет вперед и подготовит папу и маму к приезду Лёвы.

Глава 29. Встреча

Леля с Лево́й сели в поезд, идущий в Мелекес. Дорогой оживленно беседовали. Сестра рассказала об их переживаниях, о трудностях, с которыми столкнулись. Лева поведал ей о тех путях, которыми вел его Господь, и как дивно его оживлял и сохранял.

В Мелекесе они расстались: Леля поехала на автобусе вперед, а Лева должен был приехать в совхоз следующим рейсом.

Леля не застала отца: он был на работе, мама же готовила обед.

— Мама, — спросил Леля, — какая для тебя была бы самая большая радость?

Мать задумалась и сказала:

— Самая большая радость для меня была бы от сознания, что мои дети ходят в истине.

— Ну, а еще?

— А почему ты задаешь мне такие вопросы? — мать испытующе взглянула на дочь.

— Мама, мама! — воскликнула Леля. — Ты, наверное, и не ждешь и не думаешь: Лева вернулся!

— Как?! — воскликнула мама.

— Да, да!

— Так Бог услышал наши молитвы! Ты видела его?

— Да, он был уже дома, и теперь я поехала вперед, чтобы предупредить тебя, а он должен приехать следующим автобусом.

— О, слава Богу, слава Богу! — воскликнула мать. — Иди скорей, скажи папе, и мы пойдем встречать его на дорогу.

Автобус уже вез Леву к ним навстречу. С любовью и нежностью смотрел юноша на поля и деревушки родной русской стороны. Вот показались и строения совхоза — так объяснили ему пассажиры. Кто-то шел по траве прямо через поле. Лева всмотрелся и узнал родные лица: это его отец и его мать, а рядом с ними сестра и младший брат шли его встречать...

И так, среди зеленого поля, они встретились после долгой разлуки. На глазах у всех блеснули слезы, но это были слезы не горя, а радости. Объяты, поцелуи... И вот они уже за столом, накрытым для обеда.

Как долго он не видел своих близких! Ведь Лева оставил их: отца, мать, сестер и брата — ради Христа и Его учения. И что же? Господь был верен. Он дал Леве взамен много сестер и братьев, которые были для него как родные. Лева не смел надеяться очутиться снова в кругу своей семьи — но любящий Господь, для Которого нет ничего невозможного, дал ему и родителям его радость свидания.

Они преклонили колени, и отец горячо благодарил Бога, Который даровал ему вернуться из сибирской ссылки, увидеть сына, также вернувшегося из заключения. В слезах молилась мать, славя Бога, что Он услышал их молитвы.

Сели за стол и запели псалом Давида — тот самый, который пели еще их деды и прадеды, молokane, испытывающие еще большие скорби и страдания в период тяжелых гонений их царскими властями и православною церковью.

Просто и от души звучал старинный напев: *Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всех благодеяний Его. Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои; Избавляет от могилы жизнь твою, венчает тебя милостию и щедротами; Насыщает благами желание твое; обновляется, подобно орлу, юность твоя. Господь творит правду и суд всем обиженным.* Весь вечер провели в беседе, в чтении Слова Божия, в молитве, долго не ложились спать. Лева поделился своими планами на ближайшее время. Он мечтал устроиться на работу в центральной больнице города, начать усиленно готовиться, чтобы поступить в медицинский институт, трудиться среди молодежи, в общине. А там Господь усмотрит...

И вот Лева — полноправный гражданин, прописан в своем городе, поступил на работу. Состоялась радостная встреча с дорогими и любимыми: с Витей Орловым, который только что вернулся с Соловков, и с Корнилием Францевичем Кливер, который тоже прибыл из заключения.

Лева стал посещать собрания верующих, которые были организованы в бывшей православной часовенке бывшего Троицкого рынка.

Но все эти радости длились недолго. Случилось несчастье: в Ленинграде 1 декабря 1934 года был убит С. М. Киров. По всей стране опять прокатилась широкая волна ссылок и высылки, гонений и арестов. И Лева снова очутился за решеткой.

